

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

«СЕВЕРНЫЙ (АРКТИЧЕСКИЙ) ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА»

На правах рукописи

Резанов Андрей Дмитриевич

**Политический сыск в Архангельской губернии,
1867-1917 гг.**

Специальность 5.6.1 – Отечественная история

Диссертация на соискание ученой степени

кандидата исторических наук

Научный руководитель:

доктор исторических наук, профессор

Супрун Михаил Николаевич

Архангельск

2025

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ, 1867-1905 гг.....	36
1.1. Институциональное оформление жандармской организации и ее положение в системе политического сыска России до 1880 г.....	36
1.2. Структура и деятельность жандармского ведомства в Архангельской губернии в период подчинения III Отделению императорской канцелярии.....	56
1.3. Служба политической полиции региона в 1880-1905 гг.: расширение сыска и рост социальной напряженности.....	87
ГЛАВА 2. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК В ПЕРИОД КРИЗИСА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1905-1917 гг.....	123
2.1. Деятельность жандармских чинов Архангельской губернии в условиях Первой российской революции 1905-1907 гг.....	123
2.2. Региональный политический сыск и жандармский надзор за массовыми движениями в 1907-1914 гг.....	153
2.3. Проблемы функционирования губернских жандармских структур в 1914- 1917 гг.....	182
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	215
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	222
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	243

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. В контексте современной исторической науки тема способствует развитию исследования российской государственности, взаимоотношений государственных органов и общественных институтов России, включая региональный уровень. Это обусловлено спецификой функций «политической полиции» XIX- начала XX вв. для государственного строя и общественного сознания. Правоохранительные структуры, в том числе в провинции, являлись неотъемлемой частью государства, влияющей на общественные настроения и отвечающей за всеобщую безопасность.

Корпус жандармов сформировался как часть не только полицейской, но и военной системы, поэтому проблема исследования актуальна с точки зрения военной истории России, развития вооруженных сил в годы правления разных императоров. Эта сторона вопроса включает совершенствование кадрового комплектования, вооружения и снабжения, взаимоотношения офицерства и нижних чинов Корпуса жандармов.

Поскольку главной функцией политического сыска к концу XIX века стала борьба с оппозиционным и революционным движением, это определяет актуальность темы для изучения истории российских политических партий и общественных объединений, а также в контексте истории революций и опыта реформ государственных институтов.

Представители политического сыска к тому же активно отслеживали общее состояние подведомственных губерний, анализировали социально-экономические процессы. Так, тема является актуальной в истории развития российского города и деревни, а также повседневной жизни различных слоев населения страны.

В контексте региональной истории анализ политического сыска в Архангельской губернии позволит выявить особенности, способные

оказаться существенными для понимания специфики работы органов государственной безопасности на всероссийском уровне.

Хотя в начале марта 1917 г. в Архангельске, как и везде, были расформированы жандармские структуры, советская система не удержалась. В 1918 г. власть перешла к Верховному управлению Северной области, состоявшему из эсеров и кадетов, а затем, при поддержке интервентов Антанты – к реакционному Временному правительству Северной области. Подобный факт приводит нас к дискуссии об альтернативах развития Европейского Севера России в революционный период и причинах, по которым история Архангельской губернии, как ядра этого региона, следовала в подобном направлении.

Общественная актуальность обусловлена комплексом противоречий современного российского общества, влияющих на осмысление истории XIX-начала XX вв., в частности, феномена «политической полиции», и касающихся взаимоотношений общества и властей, места правоохранительных органов в политической системе, деятельности спецслужб и существования различных форм протестных движений.

Социально-политическая повестка имеет в России традиционно сильное влияние на изучение прошлого. Это проявляется в бытовании множества версий и оценок касательно причин падения Российской империи, а также последовавшей Гражданской войны. В качестве одной из причин революции 1917 г. выделяется несовершенство органов политического сыска, которые не смогли в итоге эффективно «победить» революционеров. Так современный социум проецирует историческую ситуацию на актуальные проблемы, опасаясь повторения трагедии.

Объект исследования – система политического сыска Российской империи в 1867-1917 гг.

Предмет исследования – организация и функционирование ведомств политического сыска в Архангельской губернии в указанный период.

Цель диссертационной работы – комплексное исследование организации и функционирования политического сыска в Архангельской губернии (1867-1917 гг.)

Достижению цели служат следующие **задачи**:

1. Проанализировать организационно-правовое положение жандармских ведомств Архангельской губернии в системе политического сыска Российской империи, особенности взаимодействия жандармов с государственными институтами на разных исторических этапах.

2. Проследить структурную и качественную эволюцию Архангельского губернского жандармского управления (далее - АГЖУ) в 1867-1917 гг.: изменение численности личного состава и количества мест дислоцирования, вопросы денежного снабжения и расквартирования.

3. Охарактеризовать основные виды и методы деятельности губернской жандармерии в борьбе с революционным и оппозиционным движением в 1867-1917 гг.

4. Определить основные факторы, оказывавшие влияние на политический сыск в губернии.

Хронологические рамки исследования определяются периодом с 1867 по 1917 гг. В 1867 г. проходит реорганизация управления органами политического сыска: учреждаются ГЖУ, в том числе и Архангельское. С одной стороны, реорганизация стала итогом формирования политической полиции за 40 лет, с другой – была первым звеном в становлении новой системы, завершившейся расширением жандармских полномочий (1871 г.) и учреждением Департамента полиции (1880 г.) ГЖУ просуществовали до марта-апреля 1917 г., когда после революции все «охранные» ведомства были расформированы.

Территориальные рамки исследования совпадают с административными границами Архангельской губернии в 1867-1917 гг. В разные периоды этого временного отрезка губерния включала от семи до девяти уездов. По сравнению с современной Архангельской областью

губерния имела более «северное» положение за счет того, что в нее входила территория современной Мурманской области, северные районы республик Карелии и Коми. При этом южные районы, что входят в область сегодня (за исключением Шенкурского), в указанный период относились к Олонецкой и Вологодской губерниям.

Степень изученности темы. В историографии вопроса можно выделить две группы работ: общая историография политического сыска Российской империи и региональная историография губернских жандармских структур. Если первая является на сегодняшний день разработанной по целому ряду направлений и не одним поколением исследователей, то вторая скудна в сравнении со многими регионами.

В дореволюционный период число научных работ по истории политического сыска невелико. «Высшая полиция» и жандармские структуры не были предметом исторического интереса, а являлись частью актуальной реальности с ее политическим накалом. Тем более, документальные источники находились в ведении самой политической полиции, что делало почти невозможным их изучение.

Одной из первых работ, затронувших формирование политического сыска Российской империи, стала «Полиция в эпоху реформ» профессора И.Т. Тарасова. Написанный в 1885 г., этот труд раскрывал общую историю полицейских ведомств России, делая акцент на их организационно-правовом положении в 1860-1880 гг. Глава «Жандармская полиция и военная сила» кратко, достаточно нейтрально излагала историю жандармерии. Автор, помимо прочего, разделил полицию на «сыскную» и «тайную». Последнюю он также назвал «специальной сыскной», ведающей политическими преступлениями. Существование жандармов в подобном виде профессор признал вредным, так как тайная полиция «держит общество в постоянном напряженном состоянии, вызываемым страхом неправильных доносов»¹.

¹ Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 86.

В дальнейшем вопросы истории политической полиции кратко освещались в официальных изданиях правоохранительных органов, подводивших итоги собственной деятельности. В частности, в «Исторических очерках» МВД 1902 г. излагалась история становления III Отделения и Корпуса жандармов, чья цель обозначалась как «охранение устоев русской государственной жизни»². В 1908 г. С.В. Савицкий составил «Краткий исторический очерк организации и деятельности губернских жандармских управлений». Этот текст послужил основой для множества дальнейших исследований. Автор обозначил причины, по которым Корпус жандармов от исключительно наблюдательной деятельности «перешел к следственной власти по делам политическим»³.

Еще один краткий обзор учреждения тайной полиции был представлен в 1913 г. директором Департамента полиции С.П. Белецким и чиновником по особым поручениям П. Руткевичем. По их мнению, появление жандармов «в значительной мере упростило и облегчило» деятельность общей полиции, подавленной массой дел и множеством обязанностей⁴. Определенные исторические аспекты в контексте противодействия революционному движению отражены в работе полковника Ф.С. Рожанова для курсов при штабе Отдельного корпуса жандармов (далее – ОКЖ)⁵.

Указанные издания не предназначались для широкого круга читателей, носили в основном ведомственный характер. На их фоне выделяется работа А.А. Лопухина, директора Департамента полиции в 1902-1905 гг. Будучи скептически настроенным к установившейся системе, автор на 70-и страницах раскритиковал устройство и методы политического сыска России, особо отмечая такую проблему как «двоевластие» МВД и военной системы

² Министерство внутренних дел, 1802-1902. Исторические очерки. СПб., 1902. С.100.

³ Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний / сост. С.В. Савицкий. СПб., 1908. С.5.

⁴ Белецкий С. П., Руткевич П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России. СПб., 1913. С. 16

⁵ Рожанов Ф.С. Записки по истории революционного движения: для курсов при штабе Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1913.

над жандармами. Корпус полагался А.А. Лопухиным устаревшим к тому моменту, как судебные реформы 1860-х гг. утвердили ценности правового государства. И только реакция следующих лет правления Александра II, в частности закон от 19 мая 1871 г., «сохранила и укрепила отжившее учреждение»⁶.

Помимо официальных и ведомственных изданий, включавших исторические сведения о системе политического сыска, в начале XX в. появилось и несколько работ чисто исследовательского характера. Таков, в первую очередь, труд М.К. Лемке о жандармах эпохи Николая I⁷. Эту работу можно считать первым специальным исследованием российской политической полиции. Автор не только рассмотрел основные вехи ее истории, но и уделил внимание социокультурным вопросам противостояния III Отделения «либеральному обществу». Н.К. Шильдер при описании царствования Николая I изложил причины создания «высшей полиции», осторожно критикуя ее деятельность. По его мнению, в процессе развития политической полиции ее первоначальная цель «отступила на задний план, как бы стерлась из памяти призванных к делу исполнителей, и скопленное веками зло осталось неприкосновенным на многие годы»⁸.

На рубеже эпох, в марте 1917 года, В.Я. Богучарский опубликовал «Обзор о деятельности Третьего отделения за 50 лет», предварив его справкой о создании органов политической полиции и констатируя, что литература по их истории скудна. Автор в этом смысле возложил надежду на будущие поколения историков, вынося от лица общества «приговор» ведомствам, которым скоро суждено исчезнуть: «Историк будет руководствоваться... не одними только делами, в архивах отделения хранящимися, ибо едва ли сохранились там следы многих «дел» не в

⁶ Лопухин А.А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции. М., 1907. С.14.

⁷ Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: по подлинным делам Третьего отделения собств. е. и. величества канцелярии. СПб., 1909.

⁸ Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Том 1. СПб., 1903. С. 467.

канцелярском смысле, а в значении общечеловеческом, окристаллизовавшем в себе людские страдания»⁹.

В целом, дореволюционная историография политического сыска была представлена ограниченным числом работ, которые освещали основные исторические и юридические вопросы, связанные с деятельностью III Отделения и ОКЖ, в меньшей степени Департамента полиции. Работу усложняло то, что базовым источником могло быть лишь известное законодательство, но не ведомственная документация.

Нельзя обойти стороной такой пласт историографии как исторические сочинения противников власти большевиков, написанные после 1917 г. В основном они посвящены истории борьбы с революционным подпольем, но также отражают видение прошлого «охранных» структур. Наиболее заметными трудами подобного рода являются работы А.И. Спиридовича и С.Г. Сватикова¹⁰. Революционные процессы 1917 г. возбудили в обществе горячий интерес к секретам царского режима, сделали на время возможным изучение множества источников политического сыска. В течение 1920-х гг. советская власть сама усиленно подогревала этот интерес, удовлетворяя его выпуском сочинений бывших чинов «охранки»¹¹.

Становление советской историографии жандармских структур связано с именем П.Е. Щеголева, возглавлявшего летом 1917 г. Особую комиссию для обследования деятельности бывшего Департамента полиции. В центре внимания его статей была в первую очередь агентурная работа тайной полиции, а целью – разоблачение «темных людей старого режима»¹². Несмотря на богатый фактический материал, опиравшийся на солидную источниковую базу, работы П.Е. Щеголева весьма поверхностны, так как его

⁹ Богучарский В. Я. Третье отделение о самом себе // Вестник Европы. 1917. № 3. С.122.

¹⁰ Спиридович А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. Париж, 1922. Сватиков С.Г. Русский политический сыск за границей. Ростов-на-Дону, 1918.

¹¹ Меньшиков Л. П. Охрана и революция. К истории тайных политических организаций, существующих за время самодержавия. М., 1925-1932.

¹² Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992. С. 88.

исследовательский интерес состоял лишь в изучении «провокаторской» деятельности бывших «охранников».

Выделяющейся на фоне резко-обличительных публикаций стала работа И.М. Троцкого, изданная в 1930 г. и в дальнейшем изъятая из библиотек, так как автор был репрессирован. Этот труд примечателен тем, что не стеснен жесткой марксистской догматикой, не сосредоточен на разоблачении жандармов. Автор считал, что в борьбе с массовым движением те выступали «либо в качестве усмирителей, либо с мудрыми предложениями мер предосторожности»¹³. К началу 1930-х гг. относится и примечательная работа П.А. Шуйского о Департаменте полиции¹⁴. Автор сосредоточил основное внимание на секретных сотрудниках центрального ведомства политического сыска, меньшее - на его внутреннем устройстве.

Работы П.А. Шуйского и И.М. Троцкого завершили формирование проблематики, которая будет в дальнейшем занимать центральное место в работах советских историков. С 1938 г. все архивы переходят под контроль НКВД, и доступ к документам прежних «спецслужб» вновь становится крайне затруднительным. Органы политической полиции перестают быть самостоятельным предметом изучения. Такая ситуация сохраняется до конца сталинского периода и продолжается вплоть до 1960-х гг. Допустимо полагать, что даже к началу 1960-х гг. советские историки были все еще сосредоточены на фундаментальных исследованиях революционного движения и роли РСДРП в его развитии. «Противники» большевиков в лице жандармов еще не привлекали научное внимание в достаточной степени.

Новый этап был ознаменован появлением в конце 1960-х – начале 1970-х гг. специальных трудов, началом систематического изучения вопросов формирования и устройства системы политического сыска. Н.П. Ерошкин, рассматривая общую историю государственных учреждений дореволюционной России, приходит к выводу, что III Отделение и Корпус

¹³ Троцкий И. М. III Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л., 1990. С. 28.

¹⁴ Шуйский П.А. Департамент полиции. 1880 г. — начало XX в. Харьков, 1930.

жандармов жестоко обрушивались на любые проявления общественно-политического движения¹⁵. П.А. Зайончковский проанализировал изменение численного состава органов политического сыска, их сферу компетенции и ведомственные взаимоотношения¹⁶. В 1970-х гг. Т.А. Деревнина защитила диссертацию о политическом сыске в период руководства III Отделения, а А.Н. Ярмыш – в период главенства Департамента полиции¹⁷. В это же время появляется работа Д.И. Шинджикашвили¹⁸.

Несмотря на появление академических трудов, концептуальным фоном советской историографии продолжало оставаться негативное отношение к любым аспектам деятельности политической полиции. Розыскные органы рассматривались в контексте их борьбы с инакомыслием как проявление карательной, реакционной политики самодержавия¹⁹. Например, в монографии Н.А. Троицкого по отношению к деятельности политической полиции применяются такие эпитеты как «расправа», «репрессии», «ночные вторжения», а непосредственно в заглавии политика обозначена как «карательная»²⁰. И.В. Оржеховский отмечал, что III Отделение являлось «одним из важнейших звеньев карательного механизма царизма», было призвано «беспощадно уничтожать в зародыше крамолу»²¹.

Для «перестроечного» периода советской историографии характерен новый всплеск интереса к теме при сохранении негативных оценок, обличительных тонов на основе классового подхода. Примечательна в это время работа Н.Н. Ансимова, где основной целью самодержавия полагается «удержание политической власти господствующих классов и консервации

¹⁵ Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968. С.159.

¹⁶ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х - начала 90-х годов). М., 1970. С. 164.

¹⁷ Деревнина Т.Г. III Отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826-1855). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1973. Ярмыш А.Н. Политическая полиция Российской империи, 1880-1904 гг. Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1978.

¹⁸ Шинджикашвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск, 1973.

¹⁹ Мулукаев Р.С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер: Лекция. М., 1976.

²⁰ Троицкий Н.А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866—1882 гг. М., 1978.

²¹ Оржеховский И.В. Самодержавие против революционной России, 1826-1880. М., 1982. С.4-6.

полукрепостнических форм эксплуатации»²². Важную роль в достижении этой цели играла политическая полиция. Ее истории посвящена первая глава исследования, а прочие – подпольной борьбе большевиков с реакцией, конспиративной работе. К периоду Перестройки также относится диссертация А.А. Миролубова²³. Она посвящена политическому сыску в период Первой мировой войны, что показывает доступность изучения наиболее близкого к революции периода для завершающего этапа советской историографии.

Обозрев наиболее значимые нарративы советского периода, можно сделать вывод, что при изучении политического сыска историки продолжили тенденцию, которая была намечена П.Е. Щеголевым. Это прежде всего внимание к агентурной работе, выделение особого феномена «провокации» в политическом сыске. В большинстве трудов служба политической полиции рассматривалась описательно, контекстуально, в связи с вопросами развития революционного движения, с целью выявления преимуществ противников самодержавия над реакцией. Это касается даже тех монографий, где органы сыска выступали самостоятельным объектом исследования. Поэтому в центре внимания советских авторов оказывалась наблюдательная и розыскная работа жандармско-полицейских ведомств. Их структура, особенности дислоцирования и снабжения чинов, отношения с иными государственными структурами редко изучались специально.

Несомненная заслуга советской историографии состоит в значительном расширении источниковой базы изучения политической полиции, первичной разработке местных сюжетов в истории сыска. Что касается общей тенденциозности, влияния идеологии на тексты исторических трудов, здесь советский дискурс, хотя и имевший собственный генезис, оказался преемственным тому отрицательному отношению к политической полиции,

²² Ансимов Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия: 1903–1917 гг. Свердловск, 1989. С.3.

²³ Миролубов А.А. Политический сыск в России 1914-1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.

которое транслировали дореволюционные демократически настроенные авторы: М.К. Лемке, В.Я. Богучарский и даже отчасти А.А. Лопухин.

Начало постсоветского периода ознаменовано дальнейшим открытием историками и публицистами разнообразных архивных источников при высоком общественном интересе к теме. Образ жандармов и прочих «охранителей» находился в контексте увлечения историей Российской империи XIX- начала XX вв. Тем не менее, в обобщающих трудах 1990-х гг. мы не увидим открытой апологетики тайной полиции царской России.

Наиболее значимыми, теоретически и методически характерными для этого этапа являются труды В.М. Жухрая, Ф.М. Лурье, С.А. Степанова, В.С. Брачева²⁴. Работы этих авторов - примеры ранней постсоветской историографии с ее популярным стилем изложения, стремлением подогреть интерес к теме, изучением биографий функционеров розыска и двойных агентов. Можно полагать сочинения 1990-х гг. преемственными советской историографической традиции, так как в центре их внимания находились противостояние «охранки» и революционеров, агентурная и филерская работа жандармов, «провокации». Но это не умаляет научной значимости работ. В частности, Ф.М. Лурье объективно проанализировал феномен «полицейской провокации», изложил теоретические проблемы изучения политического сыска. С.А. Степанов написал монографию в соавторстве с канадским исследователем Ч. Руудом, что отражало процесс налаживания международного сотрудничества в изучении проблемы.

В диссертации И.В. Киреева²⁵ намечается переход к сдержанно положительной оценке жандармерии в историческом процессе. Автор подробно рассматривает положение Корпуса жандармов (далее – КЖ) в государственной системе Российской империи, а также широкий диапазон

²⁴ Жухрай В.М. Тайны царской охранки: Авантюристы и провокаторы. М., 1991. Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России, 1649–1917. М., 1998. Рууд Ч. А., Степанов С. А. Фонтанка, 16: Политический сыск при царях. М., 1993. Брачев В. С. Мастера политического сыска дореволюционной России. СПб., 1998.

²⁵ Киреев И.В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1994.

видов деятельности «синих мундиров». Это одна из первых диссертационных работ, посвященных исключительно жандармерии.

Несмотря на то, что в 1990-е гг. общая историография политического сыска получила заряд развития на базе обновленного подхода и разнообразия источников, особо плодотворным в изучении темы следует считать уже первое десятилетие XXI века. Именно в этот период появляются фундаментальные монографии и сборники документов, повышается сдержанность в оценке политического сыска.

Примером подобных исследований выступает монография Ю.А. Реента²⁶. Она основана на системном подходе: полиция рассмотрена как социальный институт с собственной служебной этикой, проанализированы структуры общей и политической полиции. Раскрыты устройство и функции губернских жандармских управлений, жандармских полицейских управлений железных дорог и охранных отделений.

Особый вклад в изучение сыска внес коллектив авторов сборника «Жандармы России» под редакцией В.С. Измозика²⁷, одного из главных специалистов по истории спецслужб. Издание состоит из разделов «исторические очерки», «исторические портреты», «мемуары» и «документы», что демонстрирует разнообразие материалов, комплексный подход, целостное представление истории политического сыска России. Во введении проведена теоретическая, терминологическая работа по разведению понятий «сыск», «розыск» и «контроль».

Столь же обстоятельным является фундаментальный труд З.И. Перегудовой о политическом сыске в 1880-1917 гг.²⁸ В центре внимания монографии - Особый отдел Департамента полиции и основные направления его деятельности. Работа подробно раскрывает всю полноту проблематики политического сыска, к тому же, что имеет для нас особое значение, анализирует устройство его региональных органов. А.Г. Чукарев, изучая

²⁶ Реент Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900–1917 гг.) Рязань, 2001.

²⁷ Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб., 2002.

²⁸ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000.

тайную полицию при Николае I, раскрыл методы изучения политического сыска и систематизировал источники²⁹.

Заметными в это время становятся научно-популярные работы о жандармах И. Симбирцева, подчеркнувшего, что создание III Отделения стало «первым опытом централизации вопросов госбезопасности»³⁰. Популярный характер носит и работа П.А. Кошеля³¹, активно именуемая розыскные ведомства XVIII-XIX вв. «спецслужбами».

Крупным современным специалистом по истории политической полиции в период руководства III Отделения является В.В. Романов³². Его монография раскрывает множество вопросов политического и социального характера. Это становление и развитие полномочий начальников губернских жандармских управлений, межведомственное сотрудничество, феномен «дуалистической формы» российской политической полиции, общественное мнение как фактор, влиявший на политический сыск.

Современной историографии характерно стремление к освещению феномена тайной полиции в контексте государственного подхода. Например, А.М. Мойсинович обозначает, что царская политическая полиция являлась важным инструментом государства в борьбе с оппозицией и инакомыслием, ей была отведена существенная роль в сохранении порядка и незыблемости основ монархического строя³³. Ю.Ф. Овченко отмечает, что деятельность политической полиции служила делу обеспечения безопасности российского самодержавия³⁴.

Работы указанных авторов объединяет изучение общей истории сыска, в основном на материалах его центральных ведомств, а также столичных

²⁹ Чукарев А. Г. Тайная полиция России, 1825-1855 гг. М., 2005.

³⁰ Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826-1880. М., 2006. С. 6.

³¹ Кошель П.А. История российского сыска. М., 2005.

³² Романов В.В. Политическая полиция Российской империи 1826-1860 гг.: основные тенденции развития. Ульяновск, 2007.

³³ Мойсинович, А. М. Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в.: текст лекций. Ярославль, 2010. С.3.

³⁴ Овченко Ю. Ф. Безопасность империи. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия, 1880–1917 гг. М., 2012. С.59-60.

жандармских управлений. Корпус этих исследований является на сегодняшний день теоретической базой для любого специалиста. Опираясь на этот фундамент, исследователи осуществили переход от общей структурной истории органов политической полиции к социальной истории и «микроисторическому» измерению.

Примером подобного направления исследований стала монография Б.Н. Григорьева и Б.Н. Колоколова. Это первая работа, основанная на методологии истории повседневности применительно к политической полиции. Хотя она является научно-популярной, это не умаляет значительного вклада авторов в обновление теории вопроса, а также в развитие критики как советского, так и дореволюционного подхода с «замалчиванием правды» о «царских сатрапах»³⁵.

Расширение проблемного поля в изучении жандармерии, внимание к социокультурному контексту и частной стороне деятельности политической полиции характерно для А.М. Лавреновой³⁶. Автор выявляет особенности внеслужебного быта жандармов, их досуга и личной жизни, общественной активности, анализирует комплекс причин, по которым в российском образованном обществе сложился исключительно отрицательный образ жандарма. Как и Б.Н. Григорьев, А.М. Лавренова отдельно останавливается на том, что о политической полиции многие продолжают судить, привлекая терминологический инструментарий дореволюционных публицистов и общественных деятелей³⁷.

В рамках антропологического подхода в изучении жандармской службы также важна монография О.Ю. Абакумова³⁸. Целью автора является не только изучение становления системы политического сыска, но и

³⁵ Григорьев Б. Н., Колоколов Б.Н. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 4.

³⁶ Лавренова А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880-1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. Она же. Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи. М., 2023. Синий мундир в Зеркале Венеры: Взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 31-53.

³⁷ Она же. Гордость и предубеждение и «охранка»: политический сыск в современной российской историографии // История и архивы. 2019. №1. С. 32.

³⁸ Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826—1866 гг. М., 2017.

характеристика участия жандармских чинов в частной жизни подданных империи с их конфликтами и проблемами. Исследование впервые выносит на рассмотрение такие вопросы как сексуальные девиации с точки зрения «охранителей», норма и отклонение в поведении по их представлению, улаживание частных, семейных проблем.

Еще одним образцом современного монографического исследования можно считать труд Л.В. Ульяновой, раскрывающий множество измерений в антагонизме политической полиции и либерального движения России³⁹. С опорой на делопроизводственную переписку, автор стремится пересмотреть репутацию «высшей полиции» как реакционно-охранительного, карательного ведомства. Переход к культурной антропологии в изучении «высшей полиции» подчеркнута тем, что в историографии продолжает развиваться биографическое направление. По материалам воспоминаний и ведомственных документов составляются подробные жизнеописания видных деятелей политического сыска⁴⁰.

Заметно, что отличительной чертой современной историографии, особенно последнего десятилетия, становится дальнейшее расширение проблематики. Это связано с тем, что региональными специалистами обрабатывается большой массив информации, извлекаемой из архивов местных органов политического сыска. В статьях современных авторов актуализируются вопросы взаимодействия жандармов и общей полиции⁴¹, источниковедческие⁴² и просопографические⁴³ исследования. Это углубляет понимание отдельных аспектов работы политической полиции, дополняет общую картину. В целом, основное число исследований смещается из

³⁹ Ульянова Л.В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи. Власть игры, игра властью. 1880-1905. СПб., 2020.

⁴⁰ Дунаева А. Ю. Реформы полиции в России начала XX века и В. Ф. Джунковский. М., 2012. Колоколов Б. Г. Жандарм с царем в голове. Жизненный путь руководителя личной охраны Николая II. М., 2009.

⁴¹ Страхов Л. В. Взаимодействие органов жандармерии и общей полиции в 1880-1917 гг.: опыт Воронежской губернии // Известия Высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. 2016. Т. 7. № 2. С. 100-104.

⁴² Бикташева А.Н. Информационный потенциал жандармского делопроизводства для изучения губернского управления в российской империи // Российская империя в исторической ретроспективе: Сборник научных статей. Вып. VIII. Белгород: БГНИУ, 2013. С. 12-17.

⁴³ Румянцев П.П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет // Вестник ТГУ. 2020. №457. С.141-149.

«столиц» в регионы, где активно реконструируется прежде не изученная история местных «охранных» ведомств. Диссертационные работы современных историков строятся на материалах различных губерний: северо-западных⁴⁴, центральных⁴⁵, поволжских⁴⁶, сибирских⁴⁷. В диссертациях рассматривается история становления жандармских структур, их первоначальные функции и организационно-правовой статус в «высшей полиции». Анализируется дальнейшее расширение видов деятельности жандармов в условиях реформ и нарастания революционных настроений. Историки не обходят вниманием и вопросы внутреннего строя местных ГЖУ и «охранок»: хозяйствование, вооружение, кадровый состав.

В XXI веке историография политического розыска развивается не только в русле изучения губернских ведомств. Например, М.Н. Иванцов проследил путь развития отечественной историографии политической полиции, представив первый опыт подобного рода исследования⁴⁸. Ю.В. Гончарова создала первый обобщающий труд по истории таких ведомств как жандармские полицейские управления железных дорог (далее – ЖПУ ж.д.)⁴⁹. В фокусе внимания современных авторов также вопросы организационно-правового положения политического сыска, перемен в условиях общей эволюции государственной системы в различные периоды⁵⁰.

⁴⁴ Алексеева М. А. Новгородское губернское жандармское управление: 1867-1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Великий Новгород, 2007.

⁴⁵ Сенина Н. В. Отдельный Корпус жандармов в конце XIX - начале XX вв.: организация, кадры, деятельность (по материалам Тульской губернии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Тула, 2007. Страхов Л.В. Воронежское губернское жандармское управление: организация и деятельность: 1867-1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017.

⁴⁶ Бойко С. И. Казанское губернское жандармское управление в 1880 – 1917 гг.: Организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Чебоксары, 2013.

⁴⁷ Бакшт Д. А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880 – 1917 гг.) Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2015. Дорохов В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881 - февраль 1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2005.

⁴⁸ Иванцов М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX – нач. XX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.

⁴⁹ Гончарова Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867 - 1917 гг.). Дис. ... канд. юрид. наук. М, 2000.

⁵⁰ Кулешов С.А. Военные формирования охранительной системы Российской империи в XIX в. Автореф. дис. ... канд.ист. наук. Новосибирск, 2000. Лаврик Т.М. Губернские жандармские управления Российской империи: организационно-правовой и региональный аспекты деятельности. Дис. ... канд. ист. наук. Владимир, 2008. Хутарев–Гарнишевский В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД:

Развитие зарубежной историографии было связано в основном с именами Дж. Дейли и Ф. Цукермана⁵¹, стремившихся установить, в какой степени «высшая полиция» России была схожа с аналогичными ведомствами Западной Европы, а в какой являлась уникальной системой. В дальнейшем Ш. Макмикин описал место «охранки» в борьбе с инакомыслием, а М. Фрейм отметил особенности положения жандармов в полицейской системе⁵².

Таким образом, общая историография развивается наиболее активно именно в последние десятилетия, что выражено в расширении проблемного поля исследований, росте числа тематических трудов, применении новых подходов и методов. К сожалению, на этом фоне региональную историографию темы нельзя считать разработанной. Если говорить о Европейском Севере в целом, продвигается изучение истории Олонецкого (в статьях М.В. Пулькина⁵³ и новейшей монографии К.Ф. Белоусова⁵⁴), и Вологодского политического сыска (в статьях Ф.Я. Коновалова⁵⁵). Архангельская губерния в этом ряду является наименее изученной, хотя перспективна для исследования с точки зрения своей специфики: регион служил одним из центров политической ссылки, был одним из самых обширных в России, имел границу с Европой и выход к морям.

В дореволюционный период не известно работ по истории губернских жандармских структур. Что касается советского периода, здесь региональная ситуация подтверждает тезис В.В. Романова об эпизодичности изучения

органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2011.

⁵¹ Daly J. W. *Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia. 1866-1905.* DeKalb, 1998. Zuckerman F. *The Tsarist Secret Police in Russian Society. 1880 – 1917.* New-York, 2003.

⁵² McMeekin S. *The Russian Revolution: a New History.* New-York, 2017. P.24. Frame M. *Concepts of Policing during the Russian Revolution, 1917-18* // *Europe-Asia Studies.* 2016. 68, no.10. P. 1658.

⁵³ Пулькин М.В. Тайная полиция и общество в середине XIX–начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // *Гуманитарные научные исследования.* 2013. № 2 [Электронный ресурс]: <http://human.snauka.ru/2013/02/2418> Он же. Жандармы Олонецкой губернии: специфика профессиональной деятельности (XIX – начало XX вв.) // *Studia Humanitatis.* 2018. № 3.

⁵⁴ Белоусов К. Ф. *Олонецкие люди оружия: из истории губернского жандармского управления: монография.* Петрозаводск, 2021.

⁵⁵ Коновалов Ф.Я. Секретная агентура провинциальных губернских жандармских управлений в начале XX в (на материалах вологодского губернского жандармского управления) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* 2019. Т.3. №1. С.86-145.

сыска, освещении лишь отдельных сторон вопроса⁵⁶. При составлении сборника Истпарта в 1925 г. отмечалось, что архив АГЖУ является «самым ценным источником» для истории революционного рабочего движения⁵⁷. А.И. Потылицын в 1930 г. обратился к деятельности местных жандармов, описывая историю крестьянского движения в Шенкурском уезде. Он, напротив, предпринял попытку критики доступных документальных материалов АГЖУ, полагая, что в них часто искажается историческая действительность, «отдельные факты или замалчиваются, или раздуваются»⁵⁸. Автор оценил архангельскую жандармерию как «неискушенную в сыске», поскольку она слишком поздно выявила противоправительственный кружок в Шенкурске.

М.К. Ветошкин, раскрывая в 1957 г. предысторию революции на Севере, кратко описывал жандармские обыски у политических ссыльных, изъятие нелегальной литературы и составление характеристик, а также упоминал использование неких «провокаций»⁵⁹. Этот подход послужил основой для всех дальнейших обращений к истории АГЖУ: действия жандармов рассматривались в контексте политической ссылки.

Основы изучения северной политссылки как исторического сюжета, наиболее тесно связанного с жандармским надзором, были заложены В.В. Малиновским и С.Я. Косухиным⁶⁰. Авторы использовали сведения о дознаниях по делам ссыльных, опирались на личные дела и карточки из жандармского фонда. Б.Г. Михайлов в диссертации о революционном движении на Севере в 1860-1870-е гг. периодически привлекал данные документов АГЖУ об обысках и арестах, подчеркивая значение подобного

⁵⁶ Романов В.В. Основные тенденции развития отечественных и зарубежных исторических и историко-правовых исследований во второй половине XIX — начале XXI вв. политической полиции Российской империи в 1826—1860 гг. // Симбирский научный вестник. 2012. №3 (9). С.54.

⁵⁷ Соколов Д. Из истории революционного рабочего движения 1905-1908 годов в Архангельской губернии // Революционное движение в Архангельской губернии. 1905 год. Архангельск, 1925. С. 7.

⁵⁸ Потылицын А. И. Крестьянское революционное движение на Севере в 1905–1907 гг. Архангельск, 1930. С.4.

⁵⁹ Ветошкин М.К. Становление власти Советов на севере РСФСР. М., 1957. С.18-20.

⁶⁰ Малиновский В.В., Косухин С.Я. Архангельская социал-демократическая ссылка к. XIX - н. XX вв. // Из истории политической ссылки на Европейском Севере. Вологда, 1978. С. 53-105.

источника⁶¹. Отдельные моменты, связанные с политическим сыском, затрагивались при рассмотрении революционных событий⁶².

Чрезвычайно редким, если не единственным, примером обращения советской историографии к деятельности местных жандармов в период правления Николая I являются труды Г.Г. Фруменкова, посвященные местной военной и политической истории XIX века. В них привлечены сведения донесений губернских жандармских штаб-офицеров⁶³. Региональные революционные процессы в связи с противостоянием политическому сыску также были предметом внимания местных писателей, создававших исторические романы и повести⁶⁴.

На современном этапе продолжает развиваться изучение политической ссылки и общей истории социального противоборства в Архангельской губернии. Отметим в этом контексте работы М.Н. Супруна и С.Я. Косухина, Д.И. Ильчук, Е.Е. Шуруповой⁶⁵, где эпизодически освещаются аспекты политического сыска. Практика жандармского надзора по делам политических ссыльных характеризуется в диссертациях Л.П. Кононовой и С.Ю. Овечкиной⁶⁶. В диссертации Д.Б. Петруханова раскрыты вопросы отношений АГЖУ и местных общественно-политических организаций⁶⁷. На сегодняшний день эта работа является наиболее подробным освещением

⁶¹ Михайлов Б.Г. Революционное движение и политическая ссылка на Европейском севере России в 60-70-х годах XIX века. Дис. ... д. ист. наук. Саратов, 1984. С. 34.

⁶² Голдин В.И., Чуракова О.В. Победа буржуазно-демократической революции 1917 г. в Архангельске // История и культура Архангельского Севера (досоветский период). Вологда, 1986. С. 148-149. Кораблёв И.А., Петричева И.С. Основные события рабочего и социал-демократического движения в Олонецкой губернии и Кемском уезде Архангельской губернии в 1905 – 1906 гг. Петрозаводск, 1991. С. 9.

⁶³ Фруменков Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI-XIX вв. Архангельск, 1975. С. 119. Фруменков Г.Г., Волынская В.А. Декабристы на Севере. Архангельск, 1986. С. 152.

⁶⁴ Журавлев Н.А. Эхо в снегах. М., 1986. Коницев К. И. В Девятьсот пятом. Архангельск, 1952.

⁶⁵ Супрун М.Н., Косухин С.Я. Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX – начале XX вв. Вологда, 1989. Косухин С.Я. Польские социал-демократы в Архангельской ссылке (конец XIX - начало XX вв.) // Каторга и ссылка на Севере России. Архангельск, 2006. Ильчук Д.И. Политическая ссылка на север России как этап формирования пенитенциарной системы // Вестник МИУ. 2016. №5–6. С. 65–69. Шурупова Е.Е. «Полиция лишена возможности иметь контроль»: Дореволюционная политическая ссылка в Мезенском уезде в документах Архангельского губернского жандармского управления. 1880 г. // Исторический архив. 2013. №4. С.181-190.

⁶⁶ Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863-1864 годов (по материалам Архангельской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004. Овечкина С.Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: Вторая половина XIX - начало XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005.

⁶⁷ Петруханов Д.Б. Формирование и деятельность местных организаций политических партий в Архангельской губернии начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003.

службы местного политического розыска по числу обращений к документации АГЖУ и прочих полицейских ведомств.

Проблемы службы архангельских жандармов раскрыты в исследовании Л.Г. Новиковой при описании местной ситуации в 1900-1917 гг. Автор характеризует феномен архангельской антигерманской шпиономании и роль жандармов в ее усилении, а во введении ссылается на рапорты начальника АГЖУ Е.П. Флоринского (в книге «Фагоринский») о состоянии губернии⁶⁸. Этот же источник, как и другие донесения жандармов, привлекает к исследованию В.И. Голдин⁶⁹. Заметно, что из всех периодов функционирования АГЖУ современных историков особенно интересует Первая мировая война, когда резко возросло значение Архангельска. Роль местных жандармов в системе охраны архангельского порта отмечена А.В. Толочко⁷⁰ и особенно подробно рассмотрена Т.И. Трошиной⁷¹.

Однако все указанные работы не столько рассматривают политический сыск, сколько привлекают жандармскую документацию как источник для изучения иных тем. Если говорить о специальных исследованиях местных жандармских ведомств, на современном этапе нам известны две работы. Ю.П. Абрамов посвятил подробный документальный очерк контрразведывательной деятельности архангельских жандармов в годы Первой мировой войны⁷². Автор рассматривает этот вопрос в широком контексте проблемного развития Архангельска в военный период, иллюстрирует рассказ о резонансных происшествиях (особенно взрывах в порту) обильным цитированием источников. Структура АГЖУ не рассмотрена Ю.П. Абрамовым подробно, но в фокусе его внимания

⁶⁸ Новикова Л.Г. Провинциальная контрреволюция. Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917–1920. М., 2011. С.17.

⁶⁹ Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: попытка реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 - лето 1918. Архангельск, 2018. С. 121.

⁷⁰ Толочко А.В. «Дело удастся наладить полностью»: организация охраны Архангельского порта в 1917 году // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 16-22

⁷¹ Трошина Т.И. Великая война... Забытая война (Архангельск в годы Первой Мировой войны 1914—1918 гг.). Архангельск, 2008. С.67.

⁷² Абрамов Ю.П. Контрразведывательная работа Архангельского губернского жандармского управления в годы первой мировой войны // На страже безопасности Поморского Севера. Архангельск, 2003. С. 9-53

оказалось сотрудничество функционеров сыска с военными и гражданскими властями города. Автор достаточно критично оценивает эффективность жандармской службы в военный период из-за влияния бюрократии, хотя заключает при этом, что в АГЖУ служили честные и порядочные люди, чей опыт мог бы пригодиться и после революции.

В.Г. Трофименко описал основные вехи истории АГЖУ с опорой на фонды областного архива⁷³. Статья значима тем, что носит постановочный характер, выделяя три исторических сюжета: оформление жандармской организации Архангельска в 1827-1867 гг., надзор за политическими ссыльными, процесс упразднения АГЖУ в 1917 г. Вполне можно сказать, что автор заложил основу для дальнейшего изучения темы.

Таким образом, местными авторами жандармская служба изучалась в основном либо относительно периода Первой мировой войны, либо в контексте политической ссылки. В обоих случаях речь идет о политическом сыске в его узком значении: как об оперативно-розыскных мероприятиях в рамках проведения дознаний. Сама региональная система сыска, общая структура жандармских ведомств и их история остаются нераскрытыми. Особенно это касается Архангельского отделения ЖПУ железных дорог, по истории которого не существует ни одной работы.

Источниковая база исследования. Основной массив использованных источников представлен материалами, составляющими фонды Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) и Государственного архива Архангельской области (ГАО). Большинство документов истории политического сыска Архангельской губернии содержится в фонде АГЖУ (Ф. 1323) регионального архива. Из 7348 дел фонда более 4000 единиц хранения – это личные дела состоящих под надзором полиции (гласным, негласным и особым). В описи 4 содержится десять дел, относящихся к деятельности Архангельского отделения

⁷³ Трофименко В.Г. Архангельское губернское жандармское управление в XIX – начале XX вв. // История органов государственной безопасности на Севере России. Архангельск, 2014. С.9-17.

Московско-Архангельского ЖПУ ж.д. (далее - АО ЖПУ) за 1904-1917 гг. К сожалению, совокупность местных материалов нельзя считать достаточной для полной реконструкции истории этого ведомства.

Изучение темы было бы неполным без обращения к фонду канцелярии архангельского губернатора (Ф. 1). Поскольку губернатор курировал местные правоохранительные органы, в его канцелярии отложилось множество дел, отражающих различные происшествия. Хотя жандармы не подчинялись губернатору непосредственно, начальники АГЖУ регулярно вступали с ним в переписку по ряду вопросов: надзор за ссыльными, работа общей полиции и стражи, поведение должностных лиц, нежелательные слухи, общественные настроения и т.д. Ценные сведения о расквартировании губернских штаб-офицеров и дислоцировании чинов жандармской команды в 1830-1860-х гг. были выявлены в фонде канцелярии архангельского военного губернатора (Ф. 2)⁷⁴.

Многие аспекты деятельности АГЖУ и особенно АО ЖПУ требовали уточнения, дополнения и прояснения. Для восполнения лакун в истории местной жандармерии были исследованы материалы ГАРФ, где хранятся документы центральных ведомств политического сыска Российской империи. В частности, дела, относящиеся к фондам Департамента полиции МВД (Ф. 102), III Отделения (Ф. 109), штаба Отдельного корпуса жандармов (Ф. 110), Московского центрального районного охранного отделения (Ф. 280), помогли выяснить процесс становления АГЖУ в 1867-1875 гг., углубить понимание обстановки в Архангельской губернии по данным годовых политических обзоров.

Использовавшиеся источники разделяются на пять основных групп. К первой относятся *законодательные источники*. Они представлены, во-первых, Положениями о Корпусе жандармов⁷⁵, которые подписывались императорами, устанавливали основы устройства жандармерии и

⁷⁴ ГААО. Ф.2. Оп. 1, т.1. Д.1062а, 1425.

⁷⁵ Положение о корпусе жандармов, 28 апреля 1827 г. / ПСЗРИ. Собрание 2. Том 2. №1062. С. 396. Положение о корпусе жандармов, 1 июля 1836 г. / ПСЗРИ. Собрание 2. Том 11. Ч.1. № 5355. С. 772.

публиковались в «Полном собрании законов Российской империи». Во-вторых, это принимавшиеся высшей властью законы, статьи которых непосредственно касались вопросов «государственных преступлений» («Устав уголовного судопроизводства» 1864 г., «Уложение о наказаниях» 1845 г. (в редакции 1866 г.) и 1903 г.)⁷⁶

Вторая группа - *ведомственные нормативные акты*. Таковыми являются распорядительные инструкции и циркуляры центральных органов политического сыска. Инструкции⁷⁷ были особо актуальны в период руководства III Отделения, циркуляры массово распространились главным образом в системе Департамента полиции. Особо важные распоряжения утверждались министром внутренних дел и определяли функции новых ведомств, основы наблюдательной и розыскной деятельности жандармов, впоследствии публикуясь в ведомственных изданиях⁷⁸. Иные циркуляры и приказы спускались для ГЖУ со стороны штаба КЖ, регулируя внутреннюю сторону службы: хозяйствование, снабжение, вопросы обмундирования и вооружения, правила приема в Корпус⁷⁹.

Самой объемной группой источниковой базы является *делопроизводственная документация* ведомств политического сыска. Абсолютное большинство ее материалов сосредоточено в архивах. Например, в число источников фонда АГЖУ входят розыскные и информационные циркуляры, отчеты уездных штаб-офицеров, ведомости по производству дознаний, переписки с губернатором, полицией, чинами суда и прокуратуры; донесения и телеграммы, послужные и формулярные списки личного состава, ежегодные рапорты в штаб ОКЖ, отчетность о денежном балансе АГЖУ и другое.

⁷⁶ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года с дополнениями по 1 января 1876 г. Издание 2-е. СПб., 1876. Новое Уголовное уложение, высочайше утв. 22 марта 1903 г. СПб., 1903. Судебные уставы 20 ноября 1864 г. Ч.2. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1867.

⁷⁷ Дополнение к инструкции господину корпуса жандармов подполковнику и кавалеру Дейеру. 1827. [Электронный ресурс]: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/III/5.htm>

⁷⁸ Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов Губернских Жандармских Управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. СПб., 1903.

⁷⁹ Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов. СПб., 1910.

Интерес представляет переписка АГЖУ с Особым отделом Департамента полиции и районными охранными отделениями об утративших доверие агентах, а также материалы наблюдений за политическими партиями (описи 6-7). Дела «о провокаторах» чаще всего носят односторонний, «входящий» характер циркуляров МВД, и потому не позволяют в должной степени увидеть суть агентурной работы губернских жандармских структур. Некоторые делопроизводственные источники, связанные с политическим сыском, такие как рапорты АГЖУ в Департамент полиции и переписка губернаторов с МВД, публиковались в издании 2004 г.⁸⁰

При изучении лишь нормативно-правовой базы политического сыска и его внутренней документации есть риск накопления однородных оценок событий, что в итоге привело бы к упрощению понимания исторической ситуации. Для повышения объективности мы привлекали группы источников, не подвергавшихся влиянию государственной машины. В первую очередь это *источники личного происхождения*, в частности, мемуары функционеров сыска, а также их противников – политических ссыльных. И если местные жандармы, в отличие от «столичных»⁸¹, не оставили воспоминаний, то количество мемуаров ссыльных, бывших в Архангельской губернии, весьма велико. Наиболее масштабно в этом ряду сочинение М.В. Ильинского⁸², содержащее яркие описания жандармских обысков и прочей розыскной деятельности. Известны также мемуары А.А. Дивильковского, А.К. Петрова, Ю.Н. Лавриновича, К.М. Норинского⁸³ и др. В основном они раскрывают противостояние с полицией и текущий быт ссыльных, в то время как жандармы описываются лишь эпизодически.

Данные мемуары не раз публиковались, однако имеются также неопубликованные воспоминания участников рабоче-крестьянского

⁸⁰ Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 г.) Архангельск, 2004. С. 248-249, 261-263, 299-300, 308-309, 319-320.

⁸¹ Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991.

⁸² Ильинский М.В. Архангельская ссылка. СПб., 1908. С. 89-90.

⁸³ Дивильковский А.А. Архангелогородское сидение // Вестник Европы. 1911. Книга 9. С. 231-262. Лавринович Ю. Н. В архангельской ссылке // Былое. 1907. № 4. С. 259-289. Петров А.К. Рабочий-большевик в подполье. М., 1969. Норинский К.М. Под надзором полиции. Воспоминания. М., 1974.

движения и политической жизни губернии начала XX в. Эти записи, собранные местным Истпартом, хранятся в фонде воспоминаний северян отдела социально-политической истории ГААО (Ф. 8660).

Пятая группа источников - материалы *местной неофициальной периодической печати*. Они позволяют увидеть работу политического сыска в более широком социальном контексте, отследить общественную реакцию. Такие газеты как «Северный листок», «Архангельск» и «Голос Севера» критиковали бюрократизм, косность самодержавной системы, различные формы неэффективности местных властей. Потому, иногда в заметках «доставалось» и чинам жандармерии. Некоторые материалы оказались весьма интересны и полезны, но это не отменяло необходимости относиться к ним критически, так как в заметках очевидно сочувствие авторов политическим ссыльным – основным «врагам» местной жандармерии. В первую очередь нас интересовали тексты выпусков, изданных в революционные периоды 1905-1907 и 1917 гг.

Теоретико-методологическая основа исследования. Диссертация основана на универсальных принципах исторического познания: объективности, историзма, всесторонности, системности, достоверности. Теоретической основой являются модернизационный подход и концепция «политического сыска» как исторического явления. Теория модернизации предполагает рассмотрение исторического процесса через призму проблем развития: экономических, технологических, социальных, политических, духовных. Они затрагивают как государственные институты, включая правоохранительные органы, так и общественные настроения, что в результате формирует связи типа «реформа-реакция» и «реакция-контрреакция». Начиная с 1860-х гг. Россия двигалась по пути изменений: от сословного «николаевского» строя с императором в роли верховного «надзирателя» к идее ограниченной монархии в условиях демократического, секуляризованного и политически активного общества.

Соответственно, менялся и характер политического сыска – его устройства, функций, основных видов деятельности. В начале 1860-х гг. жандармские офицеры в губерниях являлись прежде всего «посланниками императора» с весьма ограниченным функционалом при ярко выраженных претензиях на моральный авторитет в обществе. В XX веке они все больше отдалялись от воинской идентичности, приобретая множество сходств с чинами суда и полиции. Усиление и централизация полицейской системы, политической полиции в частности, происходило в виду роста численности населения, его политизации и социальных сдвигов, вызванных реформами и «контрреформами». Это определяет высокое значение Корпуса жандармов в модернизационных процессах.

Центральное понятие исследования «политический сыск» носит историографический характер и нуждается в концептуализации. В изучаемый период сами полицейские органы «охраны государственного порядка и общественного спокойствия» так не назывались. «Политический сыск» относительно истории XIX-начала XX вв. традиционно рассматривается в двух значениях: как систематическая борьба самодержавия с революционным движением и прочими внутренними угрозами, и как совокупность ведомств, ведущих эту деятельность.

К первому прочтению тяготеет В.С. Измозик, отождествляющий в контексте политической полиции понятия «сыск» и «розыск». Для него это система, включающая выявление специальными структурами с помощью негласных методов лиц, чей образ мысли или деятельность представляют опасность для государственного строя, а также предотвращение подобных явлений⁸⁴. С другой стороны, Ф.М. Лурье обозначает политический сыск частью полицейской системы, полагая его синонимом соответствующим ведомствам: «Сыскная полиция в зависимости от выполняемых задач делится на уголовный розыск и политический сыск (тайная полиция, секретная

⁸⁴ Жандармы России / сост. В. С. Измозик. СПб., 2002. С.4.

полиция, политическая полиция)»⁸⁵. Такой специалист как З.И. Перегудова говорит о «розыскной деятельности» политической полиции, а также о «направлениях» политического сыска, его «органах и учреждениях»⁸⁶.

Таким образом, политический сыск понимается нами как система ведомств по борьбе с «внутренней угрозой», и как сама борьба, включающая активные методы (проведение дознаний, следствия, отдельные розыскные мероприятия, привлечение агентуры) и пассивные (наблюдение, надзор, межведомственная переписка). Перефразируя высказывание А.А. Иванова о сущности контрразведки, можно считать, что «политический сыск» в терминологическом плане – это конструкт, представляющий собой единство функции, органа и деятельности⁸⁷. В свою очередь, под «розыском» понимаются оперативно-розыскные мероприятия, являющиеся инструментом системы политического сыска.

Примечательно, что на рубеже XIX-XX вв. в России утвердилось обратное понимание, бытовавшее затем и в ранней советской историографии. «Политическим розыском» называлась борьба с революционным подпольем, которой занимались розыскные (охранные) отделения. В то же время «сыском» именовалась деятельность «гражданской», общей полиции, направленная на поимку преступников силами сыскных частей и отделений.

Наиболее нейтральным по отношению к органам политического сыска является обозначение «политическая полиция», хотя оно также не является аутентичным. Изначально А.Х. Бенкендорф именовал свой проект «высшей полицией», но и это сочетание в российском обществе и в трудах историков как идентифицирующее практически не использовалось. Кроме того, следует считать неточным слово «спецслужбы» по отношению к органам политического сыска указанного периода, так как оно скорее характеризует ведомства XX-XXI вв. и имеет, таким образом, «модернизирующее» свойство для исследователя.

⁸⁵ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998. С.10.

⁸⁶ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С.1-3.

⁸⁷ Иванов А.А. «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. М., 2011. С.17.

В ходе исследования применялись общенаучные методы анализа и синтеза, обобщения и абстрагирования. Поскольку работа является первым опытом системного исследования местных органов политического сыска, оправдано движение в русле историко-генетического метода для выявления и характеристики основных событий, связанных со становлением и развитием деятельности АГЖУ. Однако исследуемая проблема не предполагает использование исключительно описательного («нарративного») дискурса.

Например, для извлечения, анализа и осмысления сведений источников применяется историко-критический метод. Иногда официальные документы, связанные с политическим сыском, имеют «мелкие», но очень значимые детали, которые необходимо правильно интерпретировать, чтобы понимать особенности устройства ведомств. В силу необходимости более глубокого внимания к роли отдельных личностей в местной истории задействованы элементы биографического метода. При выделении и анализе особенностей того или иного уезда Архангельской губернии в контексте политического сыска, сопоставления жандармской службы в различных условиях, реализуются сравнительно-исторический и типологический методы. Это особо актуально, так как три группы уездов Архангельской губернии (центральные, восточные и западные) достаточно сильно различались в социально-экономическом и этнокультурном отношении.

Политическая полиция рассматривается с точки зрения системного и структурного методов. Политический сыск в России являлся сложной системой многих соподчиненных ведомств, представлял собой уникальное явление с точки зрения структурных связей. При этом каждый из системных элементов обеспечивал ее устойчивость, имел особенные свойства, цели и функции. Одним из таких элементов были АГЖУ и АО ЖПУ.

Содержание работы выстроено методом периодизации. Хронология представлена «в чистом виде», а не в проблемно-хронологическом варианте. Это представляется уместным в контексте Архангельской губернии, так как некоторые отдельные проблемы не могут быть рассмотрены со всей

тщательностью при имеющихся источниках. К тому же хронологический метод позволяет реализовать комплексный подход в рассмотрении местной политической полиции.

Исследуемая тема позволяла применять подход направлений исторической науки, сложившихся под влиянием «антропологического поворота»: истории повседневности, микроистории, социальной истории. Это было уместно при рассмотрении частных случаев («кейсов») в практике политической полиции, ситуаций, связанных с отдельными личностями или местностями, при характеристике «рутинной» службы жандармов и связях с другими государственными институтами.

Степень новизны. Диссертация является первым монографическим исследованием губернских органов политического сыска, их структуры и служебной деятельности: от учреждения до расформирования. Подавляющее большинство использованных архивных документов не было введено в научный оборот. Таким образом, работа впервые представляет региональную политическую полицию в качестве фактора истории местных социально-политических процессов.

Теоретическая значимость. Работа позволяет восполнить существенный историографический пробел в виде проблемы формирования и функционирования органов Корпуса жандармов на территории Архангельской губернии. Помимо этого реконструкция деятельности АГЖУ позволяет уточнить детали исторических сюжетов, связанных с работой правоохранительной системы и развитием революционного движения. В итоге исследование способно существенно дополнить картину модернизационных процессов в губернии, общественной реакции на перемены и политику властей, поскольку задачей жандармерии была фиксация любых событий и явлений, имевших значение для государства.

Практическая значимость. Диссертация может послужить основой для дальнейших научных работ по истории противостояния местной жандармерии революционерам. Сведения также могут применяться в

деятельности высших учебных заведений при составлении программ курсов по истории, особенно региональной. Некоторые данные возможно включать в школьный учебный курс «История Архангельского Севера», а также в состав различных архивных и музейных экспозиций. В частности, так могут быть применены выявленные и оформленные нами данные о жандармских структурах губернии (Приложение 1-2).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. АГЖУ было основным, до 1895 г. единственным органом политической полиции в губернии, исполняя все вмененные жандармам функции. Более того, поскольку в начале XX века в губернии не было учреждено охранного отделения, на АГЖУ ложилась ответственность за наружное наблюдение, привлечение секретных сотрудников. Это, с одной стороны, резко усложнило работу АГЖУ, но с другой – способствовало его развитию в качестве профессионального ведомства политического розыска. Деятельность железнодорожных жандармов носила вспомогательный характер, так как они прежде всего вели полицейский надзор в пределах железной дороги и станций, нечасто занимаясь политическим розыском. Только в годы Первой мировой войны стала заметна роль АО ЖПУ в качестве органа охраны государственной безопасности.

2. Местным жандармским чинам, помимо регулярных контактов с другими структурами российского политического сыска, приходилось взаимодействовать с различными институтами: губернской властью, городской и уездной полицией, чинами юстиции, дирекцией учебных заведений, администрацией тюрем и др. Переписки касались не только политического сыска, но и широкого диапазона вопросов жизни губернии. Так АГЖУ, будучи формально воинским формированием, становилось частью общей бюрократии. Отнюдь не всегда межведомственное взаимодействие было эффективным. Профессиональная идентичность жандармов в этой системе трансформировалась от воинской к «служебной», связанной с полицейской и следственной деятельностью.

3. Архангельская губерния являлась более стабильным регионом в сравнении со столицами, центральными губерниями либо «национальными окраинами». Она не знала политического терроризма и хорошо организованного революционного движения. Но на этом фоне такие события как столкновения октября 1905 г. в Архангельске, крестьянские волнения 1906 г. в Шенкурске и взрывы в архангельском порту в 1916-1917 гг. предстают в региональной истории особенно выдающимися. Губерния при этом не была неким «оплотом самодержавия». Консерватизм основной массы населения был связан не с идейным монархизмом, а с устоявшимся социально-экономическим укладом, в котором носители революционных идей воспринимались как чужеродный элемент, что подчеркивалось их «пришлым» происхождением.

4. Революционное движение существовало в «спящем режиме» и ассоциировалось с многолетней активностью политических ссыльных, которая и спровоцировала революционный взрыв в октябре 1905 г. То, что ссыльные являлись основным «неблагонадежным элементом» и главным источником «брожений» в принципе, определило особенности деятельности АГЖУ. В губернской жандармской службе доминировала наблюдательная часть в виде надзора, постоянного наведения справок о делах ссыльных, регулярных контактах с общей полицией вплоть до фактического слияния в единый наблюдательный орган. При этом местные жандармы к 1905 г. испытывали трудности в передовых методах политического розыска – наружном (филерском) наблюдении и вербовке секретных сотрудников. Подобные методы, в отличие от общего надзора, являлись наиболее эффективными в выявлении конкретных революционных ячеек, однако не были привычны для местной ситуации. Только после 1908 г. АГЖУ достаточно хорошо освоило эти меры.

5. Служба губернских жандармов приобрела особое значение в период Первой мировой войны в связи с необходимостью охраны архангельского порта, выявления шпионов и диверсантов, контрразведывательных

мероприятий. На этот период приходится пик численности штата АГЖУ и количества пунктов дислокации. Потому прекращение деятельности местных жандармов после революции стало особенно резким. Вместе с тем, именно военный период обострил проблему полной зависимости АГЖУ от политики полицейского начальства: потенциал жандармов зачастую использовался неэффективно, что было критичным в условиях местной военно-административной бюрократии.

6. АГЖУ всю историю своего функционирования оставалось одним из типичных региональных органов политической полиции, однако его деятельность испытывала влияние специфических факторов, характерных для Архангельской губернии. Это большие и труднопроходимые расстояния между уездными центрами; климатическое, социально-экономическое и этнокультурное своеобразие каждого из уездов; наличие границы с Норвегией и выхода к морям; растущий поток ссыльных и оформление их колоний. Указанные факторы отличали местную обстановку от ситуации в подавляющем большинстве губерний Европейской части России.

7. Основной проблемой АГЖУ всегда являлся недостаток личного состава для эффективного решения поставленных задач. Эта проблема была характерна для жандармских управлений в принципе, однако в условиях губернии она приобрела острый характер в связи с удаленностью пунктов дислокации чинов друг от друга, большой площадью региона и числом ссыльных. Начальство Корпуса жандармов, в свою очередь, с конца 1890-х гг. было вынуждено постепенно свертывать отделения АГЖУ для усиления штатов в других, менее спокойных губерниях. Это привело к тому, что к 1905 г. структура местного политического сыска была ослаблена. Так на региональном примере подчеркивается конфликт в «дуальной» природе ГЖУ между комплектованием кадрами в рамках военной системы и полицейскими интересами по увеличению числа чинов.

8. Принципы комплектования личного состава АГЖУ представляются типичными для «провинциальных губерний». Начальниками Управления

становились офицеры Корпуса, уже имевшие опыт жандармской службы в различных структурах, однако в большинстве случаев до того не возглавлявшие ГЖУ. Только в период 1908-1916 гг. АГЖУ возглавляли т.н. «розыскные офицеры». Унтер-офицерский состав АГЖУ, по имеющимся данным, чаще всего сохранял стандартную пропорцию: более половины жандармов была представлена местными уроженцами, в то время как оставшаяся часть – командированными из других регионов. Это имело определенное влияние на работу политической полиции. «Коренные» жандармы более точно ориентировались в местных реалиях, но могли упускать из виду те социальные процессы, которые «приезжие» чины фиксировали в силу имеющегося опыта службы в разных регионах.

Апробация исследования. Результаты исследования были отражены в 8 научных публикациях. Из них 4 статьи опубликованы в ведущих научных рецензируемых изданиях, входящих в перечень ВАК. Положения диссертации излагались на следующих конференциях:

Всероссийская очно-заочная научно-практическая конференция «Служить Отечеству: от Петра I до современности» (Северодвинск, 2023);

Международная научно-практическая конференция «Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации» (Вологда, 2023);

XLII общественно-научные чтения по военно-исторической тематике «Защитники Отечества» (научная конференция) (Архангельск, 2023);

Межрегиональная научно-практическая конференция «Историческое образование в школе и вузе: региональная история в контексте истории России» (Архангельск, 2023);

VI Всероссийский молодежный междисциплинарный Малый Конгресс «Проблемы интерпретации исторических источников» (Архангельск, 2024).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав (в каждой по три параграфа), заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

Глава 1. ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОЛИЦИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ, 1867-1905 гг.

1.1. Институциональное оформление жандармской организации и ее положение в системе политического сыска России до 1880 г.

В истории издавна существовали учреждения и властные институты, которые осуществляли функцию политического сыска, то есть выявления и наказания лиц, подозреваемых в умыслах либо действиях против государства, в частности – монарха. Становление политического сыска в XVII-XVIII вв. было характерно для России, как и для всех крупных европейских держав, переживавших процесс модернизации с ее централизацией управления, развитием государственных институтов, в частности – полицейской системы, что было неизбежно в связи с бурным ростом населения. Понятие о преступлениях против власти выделилось в особый порядок, выражаемый формулой «слово и дело государево». В XVII в. своего рода политической полицией был Приказ тайных дел, в XVIII в. Преображенский приказ и Тайная канцелярия; позже – Тайная экспедиция при Сенате. Наконец, в период правления Александра I учреждается Особенная канцелярия при Министерстве полиции. Но работа указанных ведомств еще не значила, что в начале XIX века была создана единая государственная система политической полиции. Сыску недоставало разработанной нормативно-правовой основы, высокой степени стабильности функционирования, численности аппарата, но главное – полномочий, распространяемых на все государство для возможности максимального охвата наблюдением всех сословий.

Поэтому важнейшей вехой в истории политического сыска, что привела к его качественному изменению, было учреждение в 1827 г. Корпуса жандармов. Именно жандармерия стала основным исполнительным элементом политической полиции, выполняя охранительные функции

самодержавия вплоть до 1917 г.⁸⁸ Слово «жандармы» происходит от французского *gens d'armes*, что означает «люди оружия». В средневековой Европе значение слова приобрело особый оттенок: так стали называть не всякого воина, а благородного всадника из числа «вооруженной свиты», что подчеркивало элитарный статус жандармерии как королевской лейб-гвардии. Новое качество жандармы обрели уже в эпоху Великой Французской революции, когда в 1791 г. депутаты Национальной ассамблеи Франции утвердили в качестве военной полиции «национальную жандармерию» для восстановления порядка, а затем и охраны нового строя⁸⁹.

Очевидно, французский опыт послужил примером для наследника русского престола Павла Петровича, который, пребывая в Гатчине, уже в 1792 г. создал в своих войсках жандармский полк⁹⁰. Затем жандармы появляются в русской армии уже по завершению Наполеоновских войн. Заметив потенциал этих частей, М.Б. Барклай де Толли предписал 10 июня 1815 г. избрать в каждом кавалерийском полку офицера и пять рядовых для несения службы по надзору за порядком и дисциплиной. 27 августа жандармским был назван Борисоглебский драгунский полк, наделенный той же обязанностью, а в конце года создавался Жандармский лейб-гвардии полуэскадрон⁹¹. Область полномочий данных формирований ограничивалась армией, в дальнейшем они сохраняли автономное положение, долгое время не входя в состав Корпуса жандармов.

В этом смысле несравнимо большее значение для полицейской системы имело учреждение Александром I жандармских команд в составе Отдельного корпуса внутренней стражи (ОКВС), чины которого исполняли как воинские, так и полицейские обязанности в рамках гарнизонной службы. По «Положению для жандармов внутренней стражи» от 1 февраля 1817 г.

⁸⁸ Перегудов А.В. Русский жандарм начала XX века: особенности восприятия (по воспоминаниям офицеров отдельного корпуса жандармов) // Труды Карельского научного центра РАН. 2013. №4. С.50.

⁸⁹ Андреева И.А. Генезис, становление и развитие национальной жандармерии Франции // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2011. №6. С. 34.

⁹⁰ Жандармы России / сост. В.С. Измозик. М., 2002. С. 249.

⁹¹ Там же. С. 249-250. Штейников С.Н. Жандармы Российской империи // Вестник научной ассоциации студентов и аспирантов исторического факультета ПГГПУ. Серия: Studis historica juvenum. 2020. №1. С.82.

жандармские команды формировались на основе упраздняемых полицейских драгунских команд, чтобы стража «могла более ответственнее цели своего предназначения». Жандармские чины, в том числе начальник команды, принадлежали к общему составу внутренней стражи и подчинялись в столицах обер-полицмейстеру, а в губернских городах - командиру внутреннего гарнизонного батальона⁹². Обязанности жандармов разделялись на воинские и «относительные к губернскому начальству», сводившиеся к надзору за общим порядком и охранным функциям. В рамках ОКВС жандармские команды еще не являлись инструментом политического сыска, но важно заметить, что жандармская служба учреждалась во всех губернских городах. Новые части должны были охватить присутствием даже отдаленные губернии, к которым относилась и Архангельская – самая обширная из губерний Европейской части России.

Экземпляр циркулярного предписания о введении жандармов внутренней стражи и сопутствующие инструкции были получены архангельским военным губернатором А.Ф. Клокачевым от Министерства полиции 17 февраля 1817 г.⁹³ Штат жандармской команды в губернском городе, которым являлся Архангельск, предусматривал наличие обер-офицера (начальника), вахмистра, трех унтер-офицеров и 24 рядовых, а также нестроевые посты коновального и кузнечного ученика⁹⁴.

Властям губернии предстояло самими формировать команду, но при этом иметь в виду ее изначально высокий статус в военно-полицейской системе. Например, отмечалось, что жандармы внутренней стражи на дежурстве при губернаторе или полицмейстере не должны скакать в сопровождении их экипажей⁹⁵. Жандармов не следовало рассылать «по мелким нуждам, которые могли бы выполнять нижние чины внутренней

⁹² Положение для жандармов внутренней стражи / ПСЗРИ. Собрание 1. Том 34. №26650. С 50-51.

⁹³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1, т. 1. Д. 928. Л. 41.

⁹⁴ Там же. Л. 48.

⁹⁵ ГААО. Ф.1. Оп. 3. Д. 746. Л. 22.

стражи», и при этом губернская власть отвечала за все последствия использования жандармских чинов⁹⁶.

Расширение военно-полицейского аппарата вполне соответствовало консервативному этапу в правлении Александра I, вызванному в основном внешнеполитическими факторами: на Венском конгрессе Россия становилась одним из гарантов незыблемости монархических режимов. В свою очередь, последующее развитие политического сыска при Николае I определялось, прежде всего, внутренними процессами, а именно – реакцией на восстание декабристов 14 декабря 1825 г.

Новый император осознавал, что в обществе существуют оппозиционно мыслящие личности, в основном из числа образованных слоев дворян, чиновников, офицеров, литераторов. Для обнаружения и купирования антимонархических настроений 3 июля 1826 г. создается III Отделение в составе Собственной Его Императорского Величества канцелярии. Новое ведомство подчинялось исключительно императору, не входя в министерскую бюрократическую систему. Оно оформлялось на основе прежней Особенной канцелярии и разделялось на четыре «экспедиции». Начальником («главноуправляющим») III Отделения стал генерал-лейтенант А.Х. Бенкендорф, а управляющим – действительный статский советник М.Я. фон Фок.

Генерал Бенкендорф, обосновывая проект «Об устройстве высшей полиции», исходил из необходимости «по-новому организовать полицейскую власть»: совместить розыск и контроль⁹⁷. Это значило, что центральный орган политической полиции обязан выявлять оппозиционные элементы (лица, группы, организации) и пресекать их деятельность. III Отделение было призвано стать «всевидящим оком», замечая и транслируя во власть сведения

⁹⁶ Там же. Л. 97. Сысоев Н.Г. Жандармы и чекисты. От Бенкендорфа до Ягоды. М., 2002. С. 36.

⁹⁷ Григорьев Б. Н. Повседневная жизнь российских жандармов. М., 2007. С. 113-114.

не только о «вольнодумцах», но и о внутрисистемных пороках: злоупотреблениях помещиков, произволе чиновников, казнокрадстве⁹⁸.

Вскоре Министерство внутренних дел уведомило архангельского губернатора Я.Ф. Ганскау о преобразовании Особенной канцелярии в III Отделение. Местная власть узнала, что новое ведомство будет распоряжаться и извещать «по всем случаям высшей полиции»; собирать сведения о лицах под надзором полиции, об иностранцах на территории России, о фальшивомонетчиках; заниматься вопросами высылки. Губернатору отныне полагалось направлять именно в III Отделение ведомости о старообрядцах и раскольниках⁹⁹.

Между тем А.Х. Бенкендорф, еще до того как возглавить политическую полицию, принял от императора 25 июня 1826 г. должность шефа жандармов. Так губернские, портовые и крепостные жандармские команды получили нового командующего¹⁰⁰. Уже тогда власти вынашивали план создания из жандармов, рассредоточенных по губерниям, исполнительного элемента политического сыска с подчинением III Отделению. В этом предполагалось принципиальное новшество системы: прежде «высшая полиция» не имела необходимых «глаз и ушей», а тем более собственных силовых подразделений по всей империи¹⁰¹.

28 апреля 1827 г. Николай I подписывает указ «Об учреждении пяти округов жандармского корпуса» и соответствующее положение. Шеф жандармов приобретал теперь власть командира КЖ, при котором в качестве управления утверждалось корпусное дежурство¹⁰². Все жандармские команды распределялись по пяти округам, которые возглавили чины в генеральском звании. Жандармские округа дробились на отделения под

⁹⁸ Абакумов О.Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния. Жандармы в борьбе со взятками и пороком. 1826—1866 гг. М., 2017. С. 5.

⁹⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1332. Л. 9, 12.

¹⁰⁰ Бибииков Г.Н. Инструкция жандармам 1827 г. по контролю за набором рекрутов // Русский Сборник. Т. VII: Военная политика императора Николая I. М., 2009. С.24.

¹⁰¹ Олейников Д.И. Бенкендорф. М., 2009. С.143-144.

¹⁰² Положение о корпусе жандармов, 28 апреля 1827 г. / ПСЗРИ. Собрание 2. Том 2. №1062. С. 396-397.

началом штаб-офицера с полномочиями командира полка. В свою очередь, в отделение входило несколько губерний.

Так КЖ стал исполнительным органом политической полиции, имея при этом чисто военную организацию, входя в административном, строевом и хозяйственном отношении в систему Военного министерства¹⁰³. Подобная «дуальная природа» Корпуса, а также двойная должность А.Х. Бенкендорфа (как и его преемников) усложняли бюрократическую систему, поэтому управление жандармами еще долго не представляло четкого механизма¹⁰⁴. Тем не менее, император возлагал на свое «детище» важную миссию: КЖ должен был стать действительно элитным формированием, а жандармские команды – независимыми от местных гражданских властей. Предписанием от 3 мая 1827 г. обозначалась недопустимость направления жандармов в командировки, не входящие в обязанности по «Положению» от 1 февраля 1817 г. Губернатор был обязан согласовывать любую отправку жандарма на задание с командиром внутренней стражи¹⁰⁵.

Я.Ф. Ганскау получил циркулярное предписание МВД и экземпляр «Положения» 9 августа 1827 г., передав копию в губернское правление¹⁰⁶. Из прилагаемых документов следовало, что Архангельская губерния входит в Санкт-Петербургский (1-й) округ КЖ под началом генерал-майора П.И. Балабина, а в составе округа – в 3-е отделение вместе с Вологодской и Олонецкой губерниями. Штаб-офицером 3-го отделения становился подполковник А.Ф. Дейер, которому надлежало квартироваться в Вологде и получать 2000 столовых денег за службу¹⁰⁷. Вскоре офицер приступил к организации надзора за немногочисленными политическими ссыльными. В

¹⁰³ Гурлев И.В. Взаимодействие полиции и корпуса жандармов в Российской империи (1826-1917 гг.) // Власть. 2017. №7. С.1.

¹⁰⁴ Жандармы России / сост. В.С. Измозик. М., 2002. С. 250.

¹⁰⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 248. Л. 426.

¹⁰⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1094. Л. 27 об.

¹⁰⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 247. Л. 65; Ф. 1. Оп. 3. Д. 1094. Л. 72. Антон Федорович Дейер известен как отец Петра Дейера, возглавлявшего в 1887 г. суд над участниками покушения на Александра II, среди которых были Александр Ульянов и братья Пилсудские.

конце 1831 г. он был переведен на службу в Ярославль, а во главу 3-го отделения из Москвы поставлен майор П.И. Шварц¹⁰⁸.

Изначальное устройство КЖ по «Положению» 1827 г. было не достаточно хорошо продумано с точки зрения единоначалия, удобства функционирования и исполнения чинами обязанностей. Над жандармской командой устанавливалось по сути «троевластие»: жандармского штаб-офицера, командира гарнизонного батальона и начальства ОКВС. Что касается положения штаб-офицера, оно было затруднительным по двум причинам. Во-первых, предполагалось, что в рамках отделения он будет постоянно переезжать из губернии в губернию, проживая в каждой поочередно несколько месяцев и знакомясь с положением дел¹⁰⁹. Неудобство такого уклада службы стало заметно весьма скоро. Во-вторых, «Положение» содержало лишь общие требования к структуре Корпуса, регулировало вопросы снабжения, но никак не определяло полномочия, методы и виды служебной деятельности жандармских штаб-офицеров. Только личная инструкция шефа жандармов, вариант которой был получен и А.Ф. Дейером, а также дополнение к ней, составили универсальный свод правил¹¹⁰.

Круг обязанностей штаб-офицера сводился к борьбе со «всяким злом», что предполагало донесение начальству о любых случаях, имеющих государственную важность. Но при этом категорически запрещалось вмешиваться в дела губернских властей. Примечательно в этой связи, что в 1831-1837 гг. архангельским гражданским губернатором был И.И. Огарев, в прошлом - сотрудник III Отделения и полковник КЖ, получивший чин статского советника¹¹¹. В подобных случаях администрация могла должным образом контролировать жандармские структуры.

¹⁰⁸ Попов Ю. Первый политссыльный // Русский Север. 1999. 29 сен. С.10. Приказ №75 от 21.12.1831. / Приказы по корпусу жандармов за 1831 г. СПб., 1831. С. 153.

¹⁰⁹ Пулькин М.В. Жандармы Олонецкой губернии: специфика профессиональной деятельности (XIX – начало XX вв.) // Studia Humanitatis. 2018. № 3. С.2.

¹¹⁰ Дополнение к инструкции господину корпуса жандармов подполковнику и кавалеру Дейеру. 1827. [Электронный ресурс]: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/III/5.htm>

¹¹¹ Приказ №2 от 5.01.1832. / Приказы по корпусу жандармов за 1832 г. СПб., 1832. С. 9.

Форсированное утверждение политической полиции, ее зыбкий статус, привели к тому, что с начала 1830-х гг. проходит процесс свертывания окружных отделений. Вместо них примерно к 1833 г. вводятся должности штаб-офицера в каждой из европейских губерний. Управления при губернских штаб-офицерах послужат прообразами будущих ГЖУ. Примечательно, что официально должность именовалась не «штаб-офицер (такой-то) губернии», а «штаб-офицер Корпуса жандармов, находящийся в (такой-то) губернии». Это подчеркивало отдельный статус главы местных жандармов, его независимость от губернских управленческих структур.

Известно, что в июле 1833 г. на вакансию штаб-офицера в Архангельской губернии рассматривалась кандидатура отставного полковника К.Я. Флиге, однако тот желал служить ближе к Киеву¹¹². С 23 января 1834 г. служивший в Петербурге капитан Бердяев был произведен в майоры и назначен в Архангельск, о чем А.Х. Бенкендорф уведомил И.И. Огарева¹¹³. Вероятно, губернатор, сам выходец из Корпуса, вел переговоры с шефом жандармов на предмет скорейшего введения в регионе собственного штаб-офицера. Так или иначе, майор Бердяев пробыл на службе в губернии недолго. Осенью того же года он выехал в отпуск, сдав дела начальнику жандармской команды И.Н. Андрееву. Тому пришлось исполнять должность до тех пор, пока в сентябре 1835 г. новым штаб-офицером не был назначен майор Н.А. Жадовский, которому на тот момент было 35 лет¹¹⁴. Кадровая политика Корпуса опиралась на достаточно молодых офицеров в условиях малочисленности опытных жандармов.

Организационное закрепление протекавших в устройстве КЖ перемен было формализовано в «Положении о Корпусе жандармов» от 1 июля 1836 г. Документ содержал ряд важных особенностей. Число жандармских округов увеличивалось до семи, а жандармские команды отныне становились

¹¹² Бибиков Г.Н. Жандармский штаб-офицер и губернская администрация: К.Я. Флиге в 1830—1840-е гг. // Российская история. 2021. №2. С. 89.

¹¹³ ГААО. Ф. 1. Оп. 3. Д. 1508. Л.1.

¹¹⁴ ГААО Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4843а. Л. 35, 66 об.

полноценной частью КЖ, наравне со штаб-офицерами и столичными жандармскими дивизионами, то есть, подлежали отделению от состава ОКВС¹¹⁵. Так прекращалось нарушение принципа единоначалия.

Новое «Положение» подробно регламентировало управление Корпусом и кадровую политику, порядок дислоцирования и вещевого снабжения чинов, а также уточняло обязанности жандармских команд. Строевой состав мог привлекаться для исполнения приговоров суда, поиска воров и разбойников, контрабандистов, охраны мест массового скопления публики, а также «препровождения необыкновенных преступников и арестантов». При этом полномочия губернских штаб-офицеров по-прежнему определялись лишь особыми инструкциями шефа жандармов¹¹⁶.

5 августа 1836 г. Архангельское губернское правление получило экземпляр нового «Положения», а также правил для руководства при отделении жандармских команд от внутренней стражи¹¹⁷. Приложение к приказу устанавливало штат управления жандармами. Архангельская губерния оставалась в 1-м округе, вместе с Петербургской, Вологодской, Олонецкой, Псковской, Новгородской, тремя прибалтийскими губерниями и городом Дерптом. Архангельский штаб-офицер подчинялся напрямую окружному генералу, пребывавшему в столице. Ему полагалось 1200 руб. жалованья и 2000 руб. столовых денег, а начальнику жандармской команды – 800 рублей жалованья¹¹⁸. В целом, для КЖ окончательно закреплялись военные принципы во всех внутренних вопросах функционирования. Например, о каждой смене штаб-офицеров в должностях шеф жандармов обязан был сообщать военному министру¹¹⁹.

На конец 1835 г. в состав архангельской жандармской команды входили вахмистр, 2 унтер-офицера и 22 рядовых чина¹²⁰. Уведомление

¹¹⁵ Положение о корпусе жандармов, 1 июля 1836 г. / ПСЗРИ. Собрание 2. Том 11. Ч.1. № 5355. С. 773.

¹¹⁶ Там же. С. 775- 776.

¹¹⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4842а. Л. 1.

¹¹⁸ Там же. Л. 14, 20.

¹¹⁹ Там же. Л. 4 об.

¹²⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4843а. Л. 86-88.

местных жандармов о выданных квартирных деньгах было прерогативой военного губернатора. Кроме того, именно ему штаб-офицер, по прибытии в город, докладывал о вступлении в должность¹²¹.

Помимо закрепления военного устройства расширялись полицейские функции жандармов. Именно начиная с 1836 г. можно говорить о том, что система политической полиции в виде «союза» III Отделения и Корпуса жандармов в основном сложилась. Окончательно это закреплялось в 1839 г., когда были объединены должности начальника штаба КЖ и управляющего III Отделением¹²². В 1842 г. последовало почти полное соединение жандармов под одним командованием, в распоряжение А.Х. Бенкендорфа был передан Борисоглебский жандармский полк¹²³.

Сложившаяся структура политической полиции позволила преемникам первого шефа жандармов расширять штат и вводить новые соединения, главным образом за счет формирования железнодорожной жандармерии, что было реакцией на развитие в России строительства железных дорог. С 1840-х гг. жандармы стали осуществлять полицейский контроль на строящихся железнодорожных полотнах, находясь в подчинении Министерства путей сообщения. В начале 1860-х гг. проходит их преобразование в полицейские управления, что привело к вводу в 1861 г. «Положения о полицейских управлениях Санкт-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог»¹²⁴. На соответствующие жандармские части возлагались общие полицейские обязанности по надзору за порядком, за исполнением работ по строительству и режимом безопасности в пределах участка.

Начиная с 1840-х и до середины 1860-х гг. в устройстве политической полиции более не происходило значимых изменений, что определялось на тот момент стремлением Николая I законсервировать созданный институт, как и весь государственный аппарат. Казалось, круг обязанностей жандармов

¹²¹ ГААО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 75. Л. 1.

¹²² Чурсина М.В. Правовые основы совершенствования организационной структуры Отдельного корпуса жандармов // Современное право. 2012. № 6. С. 157.

¹²³ Чукарев А. Г. Тайная полиция России, 1825-1855 гг. М., 2005. С. 223.

¹²⁴ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 115.

в целом определен, а их основные противники из числа «вольнодумных» групп были известны в рамках достаточно стабильного и лояльного властям сословного строя.

Однако общественно-политическая ситуация радикально меняется в 1860-е гг., когда Александр II приходит к пониманию необходимости всесторонних и масштабных реформ. Отмена крепостного права, преобразования в городах и деревне, изменение порядка судопроизводства и либерализация цензуры вызвали мощные социальные сдвиги в сословиях. Постепенно менялся социальный состав революционного движения. В нем стали преобладать разночинцы, что, в свою очередь, приводило к необходимости переориентировать жандармов на наблюдение за широкими слоями либеральной интеллигенции и студенчества¹²⁵.

В кулуарах активно обсуждалась необходимость реформы политического сыска. Так, в 1863 г. в Военном министерстве был предложен проект по упразднению начальников округов КЖ и ОКВС, чтобы больше полномочий получили воинские начальники на уровне губерний¹²⁶. Жандармские команды в текущем статусе полагались бесполезными для интересов службы, так как «не могут быть употреблены в разъезды», пребывая только в губернском городе «как подкрепление наружной полиции». Отмечалось и двойственность положения жандармов полицейских управлений на железных дорогах: они подчиняются местным инспекторам, и, хотя числятся в составе КЖ, по сути «изъяты из-под влияния начальства Корпуса», находясь в зависимости от Управления путей сообщения¹²⁷.

Непосредственным поводом к реорганизации политического сыска стало покушение Д.В. Каракозова на императора 6 апреля 1866 г. Последовавшая реакция выразилась в трех шагах, каждый из которых имел решающее значение для приведения политической полиции к соответствию

¹²⁵ Новоселов М. Ю. Губернские жандармские управления: история создания и структура // Молодой ученый. 2014. № 11 (70). С. 286.

¹²⁶ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 987. Л. 1.

¹²⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 8. Д. 7. Л. 43-44, 69 об.

потребностям новых условий. Во-первых, в Петербурге создается Отделение по охранению порядка и спокойствия в столице, послужившее прообразом для будущих розыскных и охранных отделений. Во-вторых, жандармы полицейских управлений на железных дорогах в 1866 г. были изъяты из ведения Министерства путей сообщения и подчинены шефу жандармов. Они получили новое название – жандармские полицейские управления железных дорог (ЖПУ ж.д.) Новый статус расширял полицейские права и обязанности жандармов на все пространство, отчужденное под железные дороги и делившееся на участки, каждый из которых находился под ведомством отделения того или иного ЖПУ¹²⁸.

Наконец, 9 сентября 1867 г. Александр II утверждает новое «Положение о Корпусе жандармов», которое сохранит силу вплоть до 1917 г. Документ перестраивал управление КЖ, ликвидировав окружную систему, за исключением Сибирского, Кавказского и Варшавского жандармских округов. Основным структурным элементом политической полиции отныне становились губернские жандармские управления по главе с начальниками. В провинциальных губерниях им было суждено стать ключевыми ведомствами политического сыска¹²⁹. Упразднили 57 жандармских команд, а на их основе формировался «наблюдательный состав» для ГЖУ¹³⁰. В этой формулировке заметно, что в контексте либерально-демократического реформирования Александр II пока не пошел на радикальное расширение жандармских полномочий. Напротив, оговаривалось, что чины ГЖУ «несут обязанности только наблюдательные», хотя и участвуют в охране и восстановлении порядка.

Штаб КЖ разбивался на шесть отделений, каждое из которых отвечало за какую-либо сторону внутреннего устройства Корпуса: личный состав, хозяйствование, наблюдение за чинами, расследование должностных

¹²⁸ Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917). М., 2000. С. 115.

¹²⁹ Амосова О.С. Губернские жандармские управления во второй половине XIX – начале XX вв. // Теория и практика социогуманитарных наук. 2021. №2 (14). С. 69.

¹³⁰ Положение о корпусе жандармов, 9 сентября 1867 г. / ПСЗРИ. Собрание 2. Том 42. Ч.2. № 44956. С. 73-74.

преступлений. Жандармские структуры сохраняли над собой «двоевластие». По всем вопросам полицейских полномочий они подчинялись III Отделению, но числились по Военному министерству, на чей бюджет содержались¹³¹. Приказ по Корпусу от 17 октября 1867 г. утвердил, что жандармские штаб-офицеры становятся начальниками ГЖУ в тех губерниях, в которых на данный момент находятся¹³². Офицеров на должности начальников подбирал и назначал лично шеф жандармов.

«Положение» разделяло ГЖУ на две категории, различавшиеся по размеру добавочного жалованья начальнику Управления. В первую категорию входило 10 наиболее населенных губерний, в то время как большинство (43 ГЖУ) относились ко второй. Отдельно в структуре Корпуса выделялись областные и уездные управления, которые учреждались в некоторых местностях (Бессарабия, Польша)¹³³.

Архангельское ГЖУ относилось ко второй категории. Конечно, в реальности оно, как и иные ГЖУ, не начало функционировать в ближайшие к выходу «Положения» дни. В конце сентября 1867 г. начальник жандармской команды штабс-капитан К.Ф. Анисимов еще исполнял должность губернского штаб-офицера. Позже он станет первым адъютантом АГЖУ. Что касается главы местной политической полиции, первым на эту должность был назначен полковник А.О. Заранек. 11 ноября он донес начальнику штаба Корпуса Н.В. Мезенцову, что провел назначения нижних чинов жандармской команды в наблюдательный состав АГЖУ, отмечая при этом заслуги достойных кандидатов¹³⁴.

В итоге преобразований 1866-1867 гг. жандармская организация получила необходимое обновление. Ее структура усложнилась, и это отвечало требованиям к полиции в меняющемся государстве и обществе. Однако при этом не был модернизирован центральный орган политического

¹³¹ Лурье Ф. М. Полицейские и провокаторы: политический сыск в России. 1649–1917. М., 1998. С.78-79.

¹³² ГАРФ. Ф. 1169. Оп. 1. Д. 68. Л. 110 об.

¹³³ История полиции России: Краткий исторический очерк и основные документы. М, 1998. С. 108-110.

¹³⁴ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 42. Д. 5 ч. 12. Л. 34; Оп. 208. Д. 197. Л. 1; Ф. 110. Оп. 3. Д. 1091. Л. 50.

сыска – III Отделение, что оставляло реформу незавершенной. К тому же «Положение» 1867 г. все еще исходило из позиционирования основной массы жандармов как негласных «надзирателей» за порядком и безопасностью. В то же время результаты «Великих реформ» Александра II вызывали необходимость как можно точнее определить статус жандармерии, зафиксировать ее юридические полномочия, место в общегосударственной системе, в частности, в правовой. То есть, сделать функционал чинов КЖ более понятным, известным обществу. Для этого требовалось введение гласных законов, так как действовавшие секретные инструкции для штаб-офицеров не были доступны посторонним глазам.

Власти вполне понимали необходимость дальнейшего преобразования Корпуса, так как уже в августе 1870 г. унтер-офицеры «наблюдательного состава» всех ГЖУ были переименованы в «дополнительный штат»¹³⁵. Для развития механизма комплектования офицерского состава 17 мая 1871 г. по распоряжению шефа жандармов графа П. А. Шувалова утверждались «Правила для определения в Корпус жандармов вновь поступающих лиц», которые закрепили основные принципы отбора кандидатов¹³⁶. Офицер, желавший поступить на службу в КЖ, сначала подавал записку со сведениями о себе на имя начальника штаба Корпуса (биография должна была быть образцовой), затем выдерживал при штабе экзамен, после чего проходил курсы сроком до полугода¹³⁷. Процедуры формирования офицерского состава КЖ в дальнейшем совершенствовались в сторону усложнения механизма испытаний и экзаменов.

Вскоре было принято еще более важное нововведение. 19 мая 1871 г. вводятся «Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений», которые регламентировали проведение жандармами дознаний по делам, связанным с государственными

¹³⁵ Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов корпуса по производству дознаний. СПб., 1908. С.9.

¹³⁶ Белоусов К. Ф. Олонецкие люди оружия: из истории губернского жандармского управления: монография. Петрозаводск, 2021. С. 40.

¹³⁷ Министерство внутренних дел, 1902-2002. Исторический очерк. М., 2004. С. 42.

преступлениями. Данный вид преступлений описывался в статьях 241-261 обновленного в 1866 г. «Уложения о наказаниях уголовных и исправительных» и подразумевал преступные действия и злоумышления против императорской персоны, фамилии и самодержавного строя; написание и распространение антиправительственных сочинений, произнесение «дерзких оскорбительных слов» в адрес императора; бунт, государственную измену и пр.¹³⁸

Отныне в рамках этих статей не только полиция, но и чины ГЖУ могли по требованию и под надзором прокурора проводить необходимые в ходе дознания оперативные мероприятия: розыск, допросы, обыски, негласное наблюдение. Полиция теперь была обязана сообщать начальнику ГЖУ либо его помощнику обо всех нарушениях, содержащих признаки государственного преступления. Что касается жандармов ЖПУ ж.д., они продолжали расследовать преступления и проступки общего характера, полностью заменяя собой полицию на железных дорогах, но при этом не участвовали в политическом розыске и дознаниях¹³⁹.

Дальнейшее следствие по делам о государственных преступлениях «Уставом уголовного судопроизводства» 1864 г. возлагалась на прокуроров судебных палат, которым жандармы передавали материалы завершенных дознаний. Статья 1035 предписывала сообщать обо всех признаках преступлений прокурорам палат, в чьем составе находились окружные суды, в районах которых выявлялся антигосударственный эпизод¹⁴⁰. Эта обязанность вменялась на практике именно губернским жандармам.

Таким образом, чины КЖ встраивались в государственную систему уголовного судопроизводства на правах исполнительного элемента, наравне с «общей» полицией. С одной стороны, это было не менее важным для

¹³⁸ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года с дополнениями по 1 января 1876 г. СПб, 1876. С.158-166.

¹³⁹ Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений / ПСЗРИ. Собрание 2. Т. 46. № 49615. С. 591-594.

¹⁴⁰ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть вторая. Устав уголовного судопроизводства. СПб., 1867. С. 392-393.

развития политического сыска, чем учреждение ГЖУ. Впервые жандармы получили четко прописанный статус в рамках государственной машины: конкретизировались аспекты их взаимоотношений с полицией, прокуратурой, Министерством внутренних дел. Но при этом, хотя роль жандармов в «исследовании преступлений» против государственного строя становилась заметной, первичным было участие чинов суда.

«Правила» 1871 г. долгое время воспринимались историографией как реакционный шаг Александра II, направленный именно на усиление репрессивных функций КЖ¹⁴¹. Н.А. Троицкий полагал причиной появления «Правил» тот факт, что следствие по делу группы С.Г. Нечаева показалось властям затянувшимся и демократичным с процессуальной точки зрения. Поэтому новый закон был призван «сделать дознание более оперативным и менее церемонным, прикрывая традиционное жандармское беззаконие»¹⁴².

Более сдержанная позиция исходит из того, что «Правила» стали не чем иным как «первым шагом судебной контрреформы», поскольку отступали от правовой основы расследований преступлений, когда следствие должно быть отделено от полиции¹⁴³. Напротив, В.В. Романов понимает учреждение ГЖУ и введение «Правил» 1871 г. как реформу политического сыска, которая растянулась до 1880 г. и завершилась созданием Департамента полиции, сформировав новую систему. Цель реформы он видит в эволюции института национальной безопасности путем сужения и конкретизации компетенции¹⁴⁴.

В любом случае, изменения в структуре и статусе политической полиции были направлены на то, чтобы укрепить ее в рамках усложнявшихся общественных отношений и законодательства, которое требовало единых

¹⁴¹ Подробнее см.: Резанов А.Д. Политический сыск Российской империи, 1827–1917 гг.: к историографии проблемы // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2023. №1 (49). С. 23-37.

¹⁴² Троицкий Н. А. Царские суды против революционной России. Политические процессы, 1871–1880 гг. Саратов, 1976. С. 99.

¹⁴³ Мулукаев Р.С. и др. История отечественных органов внутренних дел. М., 2005. С. 52.

¹⁴⁴ Романов В.В. Эволюция политической полиции Российской империи во второй половине 60-х - начале 80-х гг. XIX в.: организационно-правовой аспект // Общество: философия, история, культура. 2020. №12. С. 5.

механизмов применения для всех сословий России. Однако следует иметь в виду, что все нововведения, содержащиеся в разработанных при Александре II законах (Судебные уставы 1864 г., обновленное «Уложение о наказаниях» и «Правила» от 19 мая 1871 г.) становились актуальными только для тех местностей империи, в которых судебная реформа вводила новые правила судопроизводства и его институты. Это касалось и функций жандармов при производстве дознаний.

В Архангельской губернии в связи со «столичными» реформами возникали сложности с порядком ведения политического сыска. Первая подобная ситуация относится к периоду апреля-августа 1867 г., когда еще не были созданы ГЖУ, но в губерниях центральной России уже проходила судебная реформа. В Архангельской губернии сохранялся старый порядок ведения дел об оскорблении императора – наиболее частого типа государственного преступления. Дознания проводились местными чинами полиции негласно, а результаты представлялись губернатору, который, в свою очередь, передавал их в III Отделение. Там решалось, дать ли делу законный ход, прекратить или решить в административном порядке¹⁴⁵.

В рамках «Устава уголовного судопроизводства» предполагалось, что о государственных преступлениях сообщается прокурору судебной палаты, который обращался к Министерству юстиции, а оно – к шефу жандармов¹⁴⁶. Архангельский губернатор, князь С.П. Гагарин констатировал, что порядок изменен только в губерниях, где «введены новые правила гласного судопроизводства». В местных условиях отсутствовали мировые суды и окружной суд с подчинением какой-либо судебной палате, поэтому, как разъяснял С.П. Гагарин полицмейстеру и исправникам, в губернии «пока не представляется надобным отступать» от прежнего порядка дознаний по политическим делам, который определяли предписания МВД 1850-х гг.¹⁴⁷

¹⁴⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.1. Д. 1919. Л. 10-11.

¹⁴⁶ Там же. С. 1-2.

¹⁴⁷ Там же. С. 11-12.

В 1875 г., когда Корпус жандармов получил статус отдельного, в губернии дала о себе знать проблема с исполнением отчетности по делам, содержащим признаки государственных преступлений. Не вполне ясно, какую роль АГЖУ играло в проведении дознаний в период с момента выпуска «Правил» 1871 г., но только 20 декабря 1875 г. штаб ОКЖ, со ссылкой на шефа жандармов А.Л. Потапова, обратился к начальнику АГЖУ А.Н. Щетинину. Отмечалось, что «хотя в Архангельской губернии не введены еще мировые судебные учреждения», дознания обо всех государственных преступлениях (кроме оскорблений императорской особы), должны проводиться в порядке закона от 19 мая 1871 г. Полковник Щетинин уведомил об этом губернатора Н.П. Игнатьева и просил, чтобы полиция сообщала лично ему о любых делах, имеющих признаки государственного преступления. Сведения также должен был отдельно получать и уездный жандармский помощник в Шенкурске¹⁴⁸.

Губернатор сообщил А.Н. Щетинину, что «встретил затруднения» в выполнении его требования, так как в циркуляре МВД от 4 сентября 1875 г., конкретизировавшим область применения «Правил», не указана Архангельская губерния. Выждав, пока Н.П. Игнатьев совещается с МВД, А.Н. Щетинин повторил свою просьбу¹⁴⁹. В итоге ситуация разрешилась в логичном направлении. Губернатор получил уведомление, что 4 марта 1876 г. император распространяет действие «Правил» в виде временной меры на Архангельскую губернию. Этим повелением оно распространялось также на Астраханскую, Уфимскую и Оренбургскую губернии. Функции прокурора судебной палаты при этом должен был исполнять губернский прокурор.

С этого момента документы АГЖУ стали уже четко отражать ведение чинами дознаний в порядке 1035 статьи «Устава», поэтому понятно, что мера в итоге оказалась не временной. Архангельская губерния, хотя и с опозданием, в рамках еще не реформированного судопроизводства, вошла в

¹⁴⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 1. Д. 2415. Л. 1.

¹⁴⁹ Там же. Л. 4.

новую систему политического сыска. Так к 1876 г. полностью завершилось институциональное и организационно-правовое становление жандармских структур в губернии.

С 1 сентября 1878 г. в Архангельской губернии, как и всюду, были введены «Временные правила об особых мерах к ограждению общественного спокойствия», что стало реакцией на убийство шефа жандармов Н.В. Мезенцова. Полномочия жандармов расширились: чины КЖ могли проводить аресты без разрешения прокуроров, а лишь уведомляя их¹⁵⁰. Самостоятельно возбуждая дознания, начальники ГЖУ отныне получали право назначать «политическим преступникам» в качестве исправительной меры административную высылку¹⁵¹.

При выводах об особенностях формирования системы политического сыска в России факт подчинения жандармов III Отделению императорской канцелярии особо важен. В истории государства это был уникальный случай, когда воинское формирование, которым был КЖ, оказалось подотчетно не только собственному штабу и Военному министерству, но и «гражданскому» ведомству. Г.Н. Бибииков отмечает, что «не вполне понятно, как появилась идея использовать жандармерию в качестве института тайной полиции», указывая на отсутствие в Европе аналогичных примеров¹⁵². Но, поскольку с момента своего возникновения в 1815-1817 гг. жандармы были призваны надзирать за лояльностью войск, именно их становление в качестве исполнительного элемента политического сыска выглядело логично.

С точки зрения институционального развития выделяются различные этапы становления жандармской организации. До 1827 г. жандармские команды и дивизионы функционируют лишь как военно-полицейские формирования. В 1827-1836 гг. проходит первичная организация Корпуса жандармов, его встраивание в систему государственных органов. Этап

¹⁵⁰ Гугасари Е.С. Роль уголовно-процессуального законодательства Российской империи в борьбе с терроризмом (вторая половина XIX- начало XX вв.) // Вестник ТГУ. 2013. №6 (122). С. 215-216.

¹⁵¹ Троицкий Н.А. Крестоносцы социализма. Саратов, 2002. С. 228-229.

¹⁵² «Россия под надзором». Историк Григорий Бибииков о том, кем были жандармы III отделения. [Электронный ресурс]: https://www.gazeta.ru/science/2016/07/15_a_9689825.shtml

характеризуется форсированным утверждением жандармерии, непрочным статусом структур (таких как окружные отделения), нарушением принципа единоначалия для жандармских команд, которые находились в составе ОКВС. Деятельность губернских штаб-офицеров регулируется лишь секретными инструкциями шефа жандармов и циркулярами III Отделения.

Для 1836-1866 гг. характерно снижение темпов развития жандармской организации. Политическая полиция укрепляет собственное положение, ее деятельность приобретает стабильный характер. Состав КЖ расширяется за счет службы чинов на железных дорогах. В это время становится полностью определенной губернская жандармская служба.

В 1866-1880 гг. проходит масштабная реорганизация политического сыска, которую вполне можно считать реформой в рамках общих перемен в правление Александра II. Создаются ГЖУ и ЖПУ железных дорог, появляется первое охранное отделение. Не менее важным становится создание для политической полицией твердой нормативной базы в виде обновленного Уголовного уложения и особенно «Правил» от 19 мая 1971 г.

В Архангельской губернии процесс организационного становления и развития политической полиции протекал в целом без отклонений от тех задач, которые ставила перед жандармами императорская власть. Жандармские структуры (губернская команда, штаб-офицерство, затем ГЖУ) создавались в Архангельске своевременно, без каких-либо заметных конфликтов в бюрократической либо социальной системе с точки зрения учреждения и формальной организации.

Основная проблема возникла не в институциональной, а в нормативно-правовой плоскости. В Архангельской губернии в 1860-1870-е гг. не проводилась судебная реформа, то есть не было гласных принципов судопроизводства, в рамках которых жандармы обязывались проводить предварительное расследование. Но власть не спешила вводить изменения, зато, разрешив чинам АГЖУ вести дознания по делам о государственных преступлениях, по сути, повысила их уровень, как если бы

правоохранительная система в губернии уже была реформирована. Подобный факт местной истории подтверждает, что КЖ рассматривался высшей властью Российской империи как исключительно важный институт для государства и не зависел от общего устройства губернии.

1.2. Структура и деятельность жандармского ведомства в Архангельской губернии в период подчинения III Отделению императорской канцелярии

Изучение устройства местного политического сыска до 1880 г., то есть в период подчинения жандармов III Отделению, осложняется небольшим количеством известных источников по сравнению с «департаментским» периодом. До 1867 г. губернские штаб-офицеры и начальники жандармской команды в принципе не вели развернутой документационной работы, за исключением донесений и служебной переписки. Затем, вплоть до середины 1870-х гг. АГЖУ не имело документооборота по следственной части. Ситуация усугубляется тем, что иногда дела предлагались самими офицерами АГЖУ к удалению из архива и уничтожению¹⁵³.

Кратко рассмотрим основные особенности местной жандармской службы и политического сыска до реформы 1867 г. Этот исторический контекст позволит увидеть, насколько резкими были изменения в региональной социальной обстановке, что произошло в 1860-е гг. и повлияли на становление новой системы жандармского надзора.

Учрежденные в 1817 г. жандармские команды были встроены в общую полицейскую систему, однако ведение местного политического сыска было прерогативой губернатора, которому подчинялись все административно-полицейские учреждения. 1-й стол делопроизводства губернаторской канцелярии охватывал наблюдение за поднадзорными, раскольниками, а также розыск. Несмотря на периодически возникавшие инициативы

¹⁵³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5612.

увеличить поток высылки на Европейский Север, количество поднадзорных лиц до 1860-х гг. было незначительным. Поэтому земские исправники и городничие занималась в основном другими вопросами¹⁵⁴. Отчеты полицейских чинов губернатору включали сведения о строительстве, благосостоянии, расходах, статистике по уголовным делам и многих других аспектах жизни губернии. При этом, несмотря на всю обширность полномочий полиции, ее численный состав был скромным¹⁵⁵.

Политический сыск как отдельная функция в жандармско-полицейской службе был на тот момент вторичен. Жандармские команды были частью полиции скорее как инструмента властей по «регулированию общества и систематической организации ресурсов»¹⁵⁶. Например, капитан И.Н. Андреев, вплоть до 1841 г. возглавлявший архангельскую жандармскую команду, получил от А.Х. Бенкендорфа благодарность за то, что раскрыл двух вологодских крестьян с фальшивыми билетами¹⁵⁷. В целом, чины отмечались начальством за разнообразные мелкие достижения: находки ценностей, предупреждение нарушений, помощь горожанам и пр.

По формулярному списку 1836 г. в губернской жандармской команде числилось 24 строевых чина. Вахмистр происходил из солдатской семьи, а трое унтер-офицеров – из крестьянских¹⁵⁸. При жандармском штаб-офицере состояло в должности двое писарей, получавших 97 руб. 25 коп. жалованья, как и было положено писарям губерний, входивших в 1-й округ КЖ. По рапорту Губернского правления о заготовке сена и соломы, при жандармской команде числилось 28 строевых лошадей, находившихся в ведении командира гарнизонного батальона¹⁵⁹. Помещения для жандармской команды

¹⁵⁴ Ссылка в Сибирь. СПб., 1900. С. 34. ГАОО. Ф. 1. Оп. 4, т.1. Л. 166.

¹⁵⁵ Плех О.А. Земская полиция в северных губерниях Российской империи в первой половине XIX в.: численность и состав // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2019. Т. 3. № 1. С. 15–52.

¹⁵⁶ Frame M. Concepts of Policing during the Russian Revolution, 1917-18 // *Europe-Asia Studies*. 2016. №10. P. 2.

¹⁵⁷ ГАОО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4845. Л. 7-8. Приказ №28 от 27.10.1830. / Приказы по корпусу жандармов за 1830 г. СПб., 1830. С. 131.

¹⁵⁸ ГАОО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4849. Л. 1; Д. 4848. Л. 1-3; Д. 4843.

¹⁵⁹ ГАОО. Ф. 2. Оп 1, т.1. Д. 1428. Л. 1; Ф. 2. Оп. 1, т.2. Д. 1473. Л. 1.

содержались за счет казны, но обер-офицеры получали квартирные деньги для съема жилья¹⁶⁰.

Местную жандармскую организацию до 1867 г. возглавлял губернский штаб-офицер, занимая в ней особое положение. В отличие от всех остальных чинов, он был не просто «стражем порядка», но посланником императора в губернии, «таким же честным и полезным представителем правительства, какого имеет оно в Лондоне, Вене, Берлине и Париже»¹⁶¹. На него возлагалось множество важных обязанностей, так или иначе сводившихся к наблюдательной деятельности. Некоторые из них могли быть известны губернскому начальству, как, например, надзор за ходом рекрутских наборов. Штаб-офицер Н.А. Жадовский своевременно доносил обо всех сложностях, исполняя это поручение. За весьма короткое время он приобрел «общее уважение и доверенность всех сословий губернии», притом, что в КЖ числился лишь несколько лет¹⁶².

Очевидно, майор Жадовский был на хорошем счету у губернатора-«жандарма» И.И. Огарева, но не всегда отношения штаб-офицеров и губернаторов были продуктивными. Инструкции III Отделения официально оставались секретными для местных властей, которым не сообщалось, как именно взаимодействовать с жандармами¹⁶³. При этом «голубые мундиры» могли, в случае соответствующих распоряжений, вести наблюдение за администрацией. Например, штаб-офицер С.Н. Сорокин составил для III Отделения доклад о гражданском губернаторе А.Н. Муравьеве, бывшем декабристе, где отмечал: «если прежде были, вкравшись в губернию, непозволительные действия и лихоимства со стороны чиновников земской

¹⁶⁰ ГААО. Ф.1. Оп. 9. Д. 376. Л. 266.

¹⁶¹ Ломачевский А.И. Из воспоминаний жандарма 30-х и 40-х годов // Вестник Европы. 1872. Т.2, кн. 3. С.259.

¹⁶² Приказ №9 от 3.1.1836. / Приказы по корпусу жандармов за 1836 г. СПб., 1836. С. 43-44.

¹⁶³ Бибиков Г.Н. Жандармский штаб-офицер и губернская администрация: К.Я. Флиге в 1830—1840-е гг. // Российская история. 2021. №2. С. 87.

полицей, то с вступлением г. Муравьева в управление губернией они пресеклись или пресекаются со всей строгостью»¹⁶⁴.

Проблемы во взаимодействии местных властей и жандармов были ярко проявлены прежде всего в вопросе порядка расквартирования чинов. Когда штаб-офицер Бердяев летом 1834 г. запросил у военного губернатора Р.Р. Галла квартирные деньги для размещения канцелярии, то долго не получал их, хотя правомочность требований была подтверждена А.Х. Бенкендорфом и окружным генералом Корпуса Д.П. Полозовым¹⁶⁵. Прибывший на службу Н.А. Жадовский тоже констатировал, что «не имеет средств для помещения канцелярии». Более того, ему пришлось содержать писарей на личной квартире. По императорскому повелению впредь губернским штаб-офицерам помимо 500 руб. квартирных денег следовало выдавать 300 руб. на наем помещения для канцелярии¹⁶⁶.

Не менее острой являлась до 1867 г. проблема размещения строевого состава жандармской команды. Вопрос был актуален как минимум с 1831 г., когда Р.Р. Галл предложил выстроить для жандармов деревянную казарму, но строительство не началось из-за несогласованности бюджета¹⁶⁷. В 1836 г., когда новое «Положение» обозначало необходимость пребывания чинов в казармах, к военному губернатору насчет «содействия для устройства зданий» обратился А.Х. Бенкендорф¹⁶⁸.

К тому времени жандармская команда размещалась, по словам капитана И.Н. Андреева, в Кузнечевском селении, в доме, «который совершенно пришел в ветхость»¹⁶⁹. В начале 1837 г. здание было решено снести, но свободных домов для дислоцирования жандармов не нашлось, поэтому пребывание команды в Кузнечевском селении окончилось тем, что

¹⁶⁴ Фруменков Г.Г. Вольнская В.А. Декабристы на Севере. Архангельск, 1986. С. 152.

¹⁶⁵ ГААО. Ф. 2. Оп. 1, т.1. Д. 1425. Л. 4, 23, 34.

¹⁶⁶ Там же. Л. 35 об, 80, 85.

¹⁶⁷ ГААО. Ф. 2. Оп. 1, т.1. Д. 1062а. Л. 4, 12.

¹⁶⁸ ГААО. Ф. 2. Оп. 1, т.1. Д. 1425. Л. 54.

¹⁶⁹ Там же. Л. 56.

30 ноября того же года дом сгорел. Губернским властям оставалось разместить строевой состав по обывательским квартирам.

Уже в 1838 г. военный губернатор И.И. Сулима назвал эту проблему «весьма чувствительным отягчением для жителей», что было особо показательно, учитывая послание Хозяйственного департамента МВД: «Императору благоугодно, дабы жандармские команды мало по малу доведены были до всевозможного совершенства», но которого не достигнуть, если начальствующие лица не обратят внимания¹⁷⁰. Архангельская губерния такого «совершенства» в обустройстве жандармов обеспечить не могла, несмотря на то, что И.И. Сулима обязывался донести соображения в МВД. Он также предложил проект каменных казарм, но тот не был одобрен Управлением путей сообщений и публичных зданий. В свою очередь, проект и смета от самого Управления в 1844 г. столкнулись с сопротивлением Строительной комиссии, так как расходились с нормами¹⁷¹.

Бюрократическое решение затягивалось и из-за финансовых неточностей. И.И. Сулима писал в МВД, что издержки на постройку казарм «не обременят жителей», так как с 1820 г. Архангельск имел привилегию на содержание воинского поста: все военные здания в городе находились на содержании Инженерного департамента¹⁷². Но планируемая сумма на строительство неуклонно росла, достигнув 30 тысяч рублей.

В августе 1845 г. штаб-офицер С.И. Ходнев осмотрел казенные помещения для строевого состава и доложил военному губернатору А.И. де Траверсе, что нашел их крайне ветхими¹⁷³. Подполковник просил починить конюшню и цейхгауз, если нет возможности возвести новые. Вместе с начальником жандармской команды П.Н. Нарышкиным он опасался возможных последствий, тем не менее, требования остались не удовлетворены. С проблемой расквартирования сталкивался и гарнизонный

¹⁷⁰ ГААО. Ф. 2. Оп. 1, т.1. Д. 1062а. Л. 7, 9.

¹⁷¹ Там же. Л. 51-52.

¹⁷² ГААО. Ф. 2. Оп. 1, т.5. Д. 5070. Л. 1 об.

¹⁷³ ГААО. Ф. 2. Оп. 1, т.1. Д. 1062а. Л. 40.

городской батальон, чьи казармы были «совершенно тесные»¹⁷⁴. Но если «простые» солдаты долго мирились с отказом местных властей в улучшении места дислоцирования, то жандармская команда, считавшаяся элитной частью, не могла более зависеть от волокиты. Поэтому в конце 1845 г. впервые заговорили о проекте каменных казарм, где можно было бы разместить как гарнизонный батальон, так и команду.

Несмотря на то, что в некоторые годы жандармы располагались в специально отводимых городом зданиях (как правило, не соответствовавших требованиям «Положения»), намного чаще чины продолжали находиться в квартирах горожан. Это нарушало военную сущность жандармской организации, снижало качество службы, так как изначально планировалось, что жандармы должны повысить мобильность ОКВС¹⁷⁵. Достигнуть этой задачи было бы возможно, разместив команду именно в казармах.

В 1850 г. Департамент исполнительной полиции обозначил военному губернатору Р.П. Бойлю, что «помещение архангельской жандармской команды на обывательских квартирах крайне неудобно», но есть возможность выгодной покупки каменного дома наследников купца Маляхинского за 20 тысяч рублей в качестве штаба. Несмотря на хорошие характеристики здания, размещение команды в нем было сочтено невыгодным, так как дом стоял «в самом конце города», в то время как жандармской команде, по мнению гражданского губернатора В.Ф. Фрибеса, было бы полезнее находиться в центре¹⁷⁶.

Строительство полноценных казарм для архангельских жандармов так и не было бы начато, если бы 28 марта 1855 г. не сгорела старая деревянная казарма 2-го гарнизонного батальона. После пожара Военное министерство предписало возвести новую казарму – каменную, трехэтажную, рассчитанную на 1000 человек для размещения нижних чинов гарнизонных

¹⁷⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1, т.4. Д. 4064. Л. 7.

¹⁷⁵ Колпаков П.А. Внутренняя стража и Отдельный корпус внутренней стражи в 1811—1863 гг.: эволюция организационной структуры военно-полицейских формирований Российской империи // Научный диалог. 2016. № 10 (58). С. 213.

¹⁷⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 8, т.2. Д.1. Л.1-2, 5-7.

батальонов и жандармской команды. Изначальная дороговизна проекта признавалась, однако оговаривалось, что она компенсируется именно возможностью размещения не только солдат, но и жандармов¹⁷⁷. Это здание, выстроенное к концу 1850-х гг., стало именоваться Александро-Невскими казармами. Жандармской команде надлежало располагаться на первом этаже, в подвале находился ее цейхгауз¹⁷⁸. Новое здание не стало идеально подходящим для расквартирования чинов. В ноябре 1859 г. окружной генерал Корпуса Н.Е. Цукато указал военному губернатору Б.А. фон Глазенапу на недостатки помещения в Александро-Невских казармах, сочтя неудобства «вполне уважительными»¹⁷⁹. Губернатор, опираясь на мнение штаб-офицера П.И. Горновского и командира инженерной команды, решил оставить жандармов «в настоящем расположении в наемном доме до строительства более удобной казармы».

Исходя из того, что окончательное решение вопроса о расквартировании архангельской жандармской команды растянулось почти на 30 лет, мы можем отметить, что даже начальство КЖ не имело эффективных способов воздействия на губернскую власть. Жандармская команда не подчинялась местной администрации, хотя при этом фактически зависела от нее в повседневных нуждах и вопросах снабжения и размещения. Пребывание жандармов в городских квартирах и ветхих зданиях вместо казарм, соответствующих требованиям «Положения» 1836 г., задержки выплаты квартирных денег штаб-офицерам, говорят о разнице в понимании статуса жандармов высшей властью и региональным управлением.

Тем не менее, местные жандармы, даже не пребывая в «совершенных» условиях, выполняли свои функции: надзорные и охранные. Первые могли, помимо общего контроля безопасности и порядка в городе, также воплощаться в наблюдении за процессами, на которые обращали внимания

¹⁷⁷ ГААО. Ф. 2. Оп.1, т.5. Д. 5806. Л. 60-61.

¹⁷⁸ Петухов А.Ю. Генерал Кутепов. Гибель Старой гвардии, 1882-1914. М., 2014. С. 120-121.

¹⁷⁹ ГААО. Ф. 2. Оп. 2. Д. 127. Л.1. Подробнее см.: Резанов А.Д. «Дабы жандармские команды доведены были до всевозможного совершенства...» Особенности становления жандармской службы в Архангельской губернии в 1817-1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2024. №1. С. 88-97.

власти. Например, в 1842 г. Департамент исполнительной полиции предписал губернатору П.В. Степанову отслеживать и предупреждать ложные слухи «насчет личностного освобождения крестьян». Для этого необходимо было войти в «постоянное сношение» с жандармским штаб-офицером П.Н. Сетковым. В Архангельской губернии не было помещичьих крестьян, но имелись «крепостные дворовые люди» при господских домах. По итогам наблюдений за ними полковник Сетков рапортовал, что слухов в губернии до жандармерии не доходило¹⁸⁰.

Периодически требовался жандармский надзор в организации политической ссылки. Например, в 1835 г. из Санкт-Петербурга был выслан Ф.И. Тустановский за «политические интриги польских уроженцев». III Отделение предписало губернатору И.И. Огареву привлечь жандарма к сопровождению ссыльного в Пинегу, после чего капитан И.Н. Андреев дал соответствующее поручение унтер-офицеру¹⁸¹. Также жандармы конвоировали арестантов на пути в тюрьму Соловецкого монастыря¹⁸².

Исполняя охранные функции, жандармы привлекались в места массовых собраний, такие как Троицкий кафедральный собор, Благородное собрание или Немецкий клуб¹⁸³. В 1843 г. П.Н. Сетков просил военного губернатора А.И. де Траверсе, ссылаясь на «Положение» 1836 г., выплачивать по 5 рублей отряду жандармов, привлекаемому к охране общественных представлений. Для возложения платы на само охраняемое место было необходимо, чтобы «чины жандармской команды всегда были требуемы для соблюдения порядка»¹⁸⁴. Эта просьба была выполнена.

Иногда жандармы исполняли и особые поручения, касавшиеся государственной безопасности. В 1854 г., в ходе Крымской войны, штаб-офицер А.Д. Соколов сообщал окружному генералу Н.Е. Цукато о мерах по

¹⁸⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.2. Д. 96. Л. 1 об, 5-7.

¹⁸¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 332. Л. 3.

¹⁸² Фруменков Г.Г. Узники Соловецкого монастыря. Архангельск, 1970. С 150, 171.

¹⁸³ Трофименко В.Г. Архангельское губернское жандармское управление в XIX – начале XX вв. // История органов государственной безопасности на Севере России. Архангельск, 2014. С.11.

¹⁸⁴ ГААО. Ф. 2. Оп. 1, т.3. Д. 2680. Л. 1-3.

укреплению обороноспособности Севера, в частности, о значении Соловецкой крепости и ее орудиях. По данным Г.Г. Фруменкова, в отличие от крепких стен, никаких орудий в распоряжении монастыря не имелось¹⁸⁵, поэтому неясно, побывал ли подполковник на Соловках лично.

По сравнению с первой половиной XIX века 1860-е гг. стали для губернии особенно сложным десятилетием в силу совпадения трех процессов: общей демократизации государства, реформирования полицейской и жандармской системы, а также разрастания политической ссылки, что привела в итоге к конфликту АГЖУ с губернской властью.

В этот период на весь государственный механизм оказывала влияние судебная реформа. Она отражала стремление к либерализации монархии и имела целью отделение судебной власти от исполнительной. В центральных губерниях вводился суд присяжных и принцип состязательности сторон, однако в Архангельской губернии законодательство пока осталось частью административной системы, что позволяло сохранять более широкие полицейские функции государства¹⁸⁶.

Все же свидетельства демократизации губернии имелись: к примеру, в июне 1863 г. учреждалось местное Юридическое общество¹⁸⁷. С января по март 1862 г. группа архангельской интеллигенции издавала оппозиционную газету «Колокольчик», но деятельность быстро была пресечена властями. При этом 19 августа в предписании для губернатора Н.И. Арандаренко МВД утверждало, что тот несвоевременно донес о попытке «составить антиправительственное общество». Годом ранее из МВД писали, что по почте в запечатанных конвертах рассылаются «воззвания возмутительного содержания». Губернатору следовало наблюдать и принимать меры, стараясь

¹⁸⁵ Давыдов Р.А., Попов Г.П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: хроника событий. Екатеринбург, 2005. С. 57-60. Подробнее см.: Резанов А.Д. Архангельские жандармы в обеспечении государственной безопасности России на Белом и Баренцевом морях, XIX – нач. XX вв. / Сб. материалов конференции «Служить отечеству: от Петра I до современности». Архангельск, 2024. С. 99-106.

¹⁸⁶ Великие реформы в России. 1856—1874: Сборник. М., 1992. С. 305. Филиппов М.А. Судебная реформа в России. Т. 1 Судостроительство. СПб., 1871-1875. С. 188.

¹⁸⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 8, т.1. Д. 883. Л. 6.

«напасть на след злонамеренных людей, которые могут быть изобличены в преступных замыслах нарушить общественное спокойствие»¹⁸⁸.

На этом фоне реформа общей полиции, начатая в конце 1862 г., создавала более централизованный характер ведомства, укрепляя его позиции в провинции. Теперь, помимо существовавшего городского полицейского управления, открывались управления полиции во всех уездах губернии. Полицмейстеру полагалось 1200 рублей жалованья, в то время как уездному исправнику 1500 руб., полицейским надзирателям 400 руб., а приставам 600 руб. Состав жандармской команды к этому времени несколько сократился: в 1862 г. в ней состояло 20 рядовых чинов¹⁸⁹.

В конце 1867 г. жандармская команда послужила основой для формирования наблюдательного состава ГЖУ, как происходило в других губерниях¹⁹⁰. Как и везде, управляющий штаб (канцелярия) АГЖУ включал начальника в звании штаб-офицера, а также его адъютанта, который относился к обер-офицерскому званию¹⁹¹. В круг обязанностей адъютанта должно было войти ведение делопроизводства, в том числе секретного, составление послужных списков чинов, ведение переписки по множеству текущих вопросов работы жандармского ведомства¹⁹².

В новых условиях Управление не могло полноценно функционировать без помощника начальника. 13 апреля 1868 г. приказом шефа жандармов графа П.А. Шувалова штаб-квартира наблюдательного состава АГЖУ в составе шести унтер-офицеров перемещалась в Шенкурск¹⁹³. В качестве жандармского уездного помощника туда направлялся капитан Н.И. Бобков, для которого были запрошены ежемесячные квартирные деньги в размере 14

¹⁸⁸ Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 г.) Архангельск, 2004. С. 248-249.

¹⁸⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8, т.1. Д. 790. Л. 31-38, 128-129. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5010.

¹⁹⁰ Сенина Н.В. Тульское губернское жандармское управление // Тульский краеведческий альманах. 2007. №5. С. 52-53.

¹⁹¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5072. Л. 56.

¹⁹² Бриль Г.Г., Зайцев Л.Н. Правовые основы деятельности адъютантов отдельного корпуса жандармов Российской империи во второй половине XIX в. – начале XX в. // Вестник Костромского государственного университета. 2021. Т.27. №2. С. 190.

¹⁹³ ГААО. Ф. 1. Оп. 8, т.1. Д. 112. Л. 1, 3, 5.

рублей. Кроме того, полковник А.О. Заранек просил у губернатора С.П. Гагарина отвести две квартиры для личного состава.

По рапорту Шенкурской уездной квартирной комиссии, хозяин одной из отведенных квартир купец Гужев «не принял жандармов», к тому же выяснилось, что обе квартиры неудобны для помещения. Чины перешли в другие дома, выплачивая по рублю за аренду. В итоге капитан Бобков («постарому» названный квартирной комиссией «помощником жандармского штаб-офицера») заявил о «неприятном положении», а к делу подключился судебный следователь¹⁹⁴. В Шенкурске имелось множество доступных для отвода или аренды квартир – местной полиции и воинской команде, например, выделялось 77 помещений¹⁹⁵. Поэтому проблема с размещением немногочисленных жандармов здесь представляется скорее недоразумением, нежели показателем предубеждения к чинам АГЖУ.

Отделение по Шенкурскому уезду становилось первым наблюдательным пунктом АГЖУ за пределами центра. Очевидно, Шенкурск был выбран в качестве приоритетного места дислоцирования жандармов в силу своего положения для Архангельской губернии. Географически он «вклинивался» на юг, окруженный уездами Олонецкой и Вологодской губерний. С ними Шенкурск уезд имел много общих черт: развитое пахотное земледелие, разнообразие ремесел. Уезд охватывал небольшую по площади, но густонаселенную территорию, имел наиболее мягкий климат в губернии. Поэтому среди ссыльных Шенкурск в силу всех благоприятных условий считался «архангельской Швейцарией»¹⁹⁶.

Летом 1868 г. А.О. Заранеком были получены формы всех сведений для месячного рапорта в штаб Корпуса жандармов¹⁹⁷. Функционирование Управления постепенно приобретало системную основу, но главным фактором, осложнявшим деятельность АГЖУ в первые годы работы, стали

¹⁹⁴ Там же. С. 26-26 об.

¹⁹⁵ ГААО. Ф. 6. Оп.14. Д. 38. Л. 1.

¹⁹⁶ Фишер Г.М. Подполье. Ссылка. Эмиграция. Воспоминания большевика. М., 1935. С. 95.

¹⁹⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5057. Л. 12.

разногласия с губернской властью относительно методов надзора за политическими ссыльными. До сих пор, ввиду малочисленности ссылки и во многом привилегированного характера отбывания наказания для образованных сословий, администрация привыкла относиться к поднадзорным без должного внимания.

В 1836 г. ссыльных в губернии было лишь 8 человек, в 1846 г. – 20, в 1853 г. – 90, в 1860 г. – 78¹⁹⁸. Ведение документации и надзор осуществлялись полицией и земскими судами. Последние составляли месячные, «третные» и годовые ведомости для губернатора о состоянии ссыльных, указывая изменение их числа. Годовые отчеты губернатора долгое время не разделяли поднадзорных по политическим делам и «за различные проступки», а также гласный и негласный надзор. Только к 1867 г. в отчетности закрепилось деление поднадзорных лиц на ссыльных по политическим и уголовным преступлениям¹⁹⁹.

В 1860-е гг. характер ссылки в губернию бесповоротно меняется. Первой причиной этого являлось увеличение общего числа высылаемых лиц в силу смены характера оппозиционного движения. С выходом на историческую арену разночинцев, круг объектов наблюдения «высшего надзора» значительно расширился²⁰⁰. По данным Л.П. Роцевской, в 1860-е гг. на Европейский Север (Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии) пришлось почти 24% от всех высланных под надзор лиц²⁰¹. Этот показатель превосходил прочие регионы империи, включая Сибирь. Ссылка была воспринята властью как удобный инструмент для наказания нелояльного населения, позволяющий при этом не прибегать к жестким репрессиям в виде тюремного заключения или каторжных работ.

¹⁹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.1. Д. 111; Д. 245. Л. 3-4; Д. 234. Л. 19; Оп. 9. Д. 376. Л.8; Д. 409, 455.

¹⁹⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 498. Л. 32.

²⁰⁰ Политическая полиция и политический терроризм в России (вторая половина XIX – начало XX в.) М., 2001. С. 6.

²⁰¹ Роцевская Л.П. Политическая ссылка в Западной Сибири во второй половине XIX века. Дис. ... д. ист. наук. Сыктывкар, 1986. С. 372.

В этих условиях жандармы продолжали оставаться малочисленными. Проблема усугублялась трудностью изменений в штатах: в вопросах внутренней структуры ГЖУ находились на балансе Военного министерства, и потому открытие каждой вакансии сопровождалось большими издержками с изменениями многочисленных смет²⁰².

Вторым фактором, повысившим приоритет надзора за ссыльными для местной жандармерии, стала высылка в губернию участников Польского восстания 1863-1864 гг. Уже в 1864 г. число поднадзорных по политическим делам выросло до 109 человек, и 92 из них были польскими мятежниками²⁰³. Поляки продолжали прибывать в течение нескольких лет, что привело к их преобладанию среди поднадзорных. Так, в Холмогорах в 1866 г. среди 26 поднадзорных 24 происходили из Западного края²⁰⁴.

Обязанности жандармов и реформированной общей полиции относительно ссыльных в этот период довольно резко расходились. Губернатор, подчинявшиеся ему полицмейстер и уездные исправники занимались всеми непосредственными вопросами, связанными с организацией ссылки, обустройством поднадзорных, их содержанием. Кроме того, они были обязаны следить, чтобы к ссыльным не попадала нелегальная литература, список которой власти губернии получали от МВД ежемесячно²⁰⁵. Функцией жандармов был в первую очередь надзор за политической активностью ссыльных, что на практике часто переходило в регулярную слежку за любыми действиями того или иного поднадзорного. Впрочем, в 1860-е гг. надзор за ссыльными был относительно мягким.

С нарастающей проблемой разночинской ссылки, осложнившейся польским «компонентом», столкнулся губернский штаб-офицер А.И. Лакс в 1864-1867 гг. Он и его помощник вели секретные наблюдения за ссыльными

²⁰² Бакшт Д.А. Взаимодействие полиции и жандармерии (на материалах Енисейской губернии, 1881-1917) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 1. С. 50.

²⁰³ ГАО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 489. Л. 69.

²⁰⁴ ГАО. Ф. 6. Оп. 2. Д. 340. Л. 28.

²⁰⁵ ГАО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 28; Оп. 7. Д. 139.

повстанцами²⁰⁶. Однако главной заботой подполковника Лакса стали не поляки, а русские демократы широкого состава: от умеренных либералов типа Н.В. Альбертини до местных националистов вроде П.П. Чубинского, который стоял у истоков «малороссийского движения».

Зачастую образованные ссыльные дворянского происхождения занимали в Архангельске государственные посты. «Положение о ссылке» не запрещало им заниматься профессиональной деятельностью, если только та не использовалась для политической агитации²⁰⁷. К примеру, П.П. Чубинский стал чиновником особых поручений при губернаторе Н.М. Гартинге, с чем не мог смириться А.И. Лакс, всеми силами пытавшийся нейтрализовать влияние этого деятеля на администрацию. По версии, основанной на письмах ссыльного, целью Лакса было не избавление от Чубинского, а смещение Н.М. Гартинга, чего подполковнику якобы удалось добиться путем интриг²⁰⁸. Однако сам поднадзорный все равно остался в городе, а новый губернатор С.П. Гагарин в дальнейшем не только сохранит, но и разовьет «доверительную» политику по отношению к ссыльным.

Во всяком случае, именно так эти действия воспринимались жандармами. Подполковник Лакс подозревал П.П. Чубинского в очень высоком влиянии на губернатора, полагая даже, будто поднадзорный составляет за князя Гагарина письма, которые адресуются самому жандармскому штаб-офицеру²⁰⁹. Кроме того, когда в 1867 г. А.И. Лакс присутствовал при рекрутском наборе в Кемь, то заодно проинспектировал местных становых приставов и исправника на предмет ведения «ссылной» политики. По итогам проверки штаб-офицер выявил, что полицейский надзор

²⁰⁶ Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863-1864 годов (по материалам Архангельской губернии). Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004. С. 143.

²⁰⁷ Супрун М.Н. Польская ссылка на Европейском Севере в XIX –XX вв. // *Wokół polskiej obecności w Rosji sztambuch Profesor Wiktorii Śliwowskiej na jubileusz dziewięćdziesięciolecia*. Warszawa, 2021. S. 223.

²⁰⁸ Дойков Ю.В. П. П. Чубинский. Предтеча украинской свободы (1839–1884). Архангельск. 2007. С. 97-98, 118.

²⁰⁹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 42. Д. 5 ч. 12. Л. 14.

за ссыльными слаб, и это свидетельствовало о недопустимом либерализме местного начальства, о влиянии ссыльных поляков²¹⁰.

Неприязнь последнего губернского штаб-офицера к сложившимся практикам разделял А.О. Заранек. В начальный период его руководства АГЖУ накопившиеся проблемы в виде потребности усилить надзор за политической ссылкой, не отлаженного сотрудничества с исправниками и неблагоприятных отношений с губернатором, слились воедино и привели к скандалу, который дошел до Петербурга. Его детали известны, в частности, из переписки шефа жандармов П.А. Шувалова с министром внутренних дел А.Е. Тимашевым весной-летом 1868 г.

Поводом послужил февральский конфликт капитана Н.И. Бобкова с Архангельским уездным исправником П.И. Покотило. При объезде района помощник начальника АГЖУ запросил у полиции подробные сведения о поднадзорных лицах и получил отказ, так как якобы желал «проникнуть в неподлежащую жандармам сферу наблюдения»²¹¹. П.А. Шувалов констатировал, что в Архангельской губернии «с особенными затруднениями устраиваются правильные отношения» между ГЖУ и местной администрацией», и что предметом постоянных пререканий между полковником Заранеком и губернатором служат многочисленные сообщения жандармов о неблагонадежности «фаворитов». Начальство КЖ сочло, что С.П. Гагарин «ищет себе орудие» в ссыльных. В частности, Н.В. Альбертини был допущен к редакции губернской газеты, П.С. Ефименко получил должность секретаря Статистического комитета, а П.П. Чубинский «состоит в числе приближенных к губернатору и пользуется его доверием»²¹².

Отдельное внимание граф Шувалов в письме А.Е. Тимашеву уделил тому, что методы, которыми жандармы добывают сведения о ссыльных – это служебная обязанность. Тот факт, что полицейские чины не предоставили капитану Бобкову данные, вызвал у шефа жандармов недоумение. При этом

²¹⁰ Там же. Л. 2-3, 11 об.

²¹¹ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3а. Д. 132. Л. 6.

²¹² Там же. Л. 4-5.

подчеркивалось, что если Н.И. Бобков действительно превысил в Архангельском уезде свои полномочия, то непременно будет подвергнут взысканию²¹³. В целом начальство КЖ явно удивлял «либеральный» подход губернских властей и полиции к общему надзору за ссыльными.

Злополучный визит Н.И. Бобкова в Архангельский уезд породил еще одну проблему. Когда капитан пытался разузнать данные о голоде, то принял от крестьян Вознесенской волости прошение с ходатайством о присылке продуктов, чего делать не имел права. Кроме того, некий крестьянин в Заостровье заявлял, что Бобков, видя положение населения, «разрешил не платить подати», о чем П.И. Покотило тут же доложил губернатору. Князь Гагарин обвинил АГЖУ в неподобающих действиях, но шеф жандармов заверил А.Е. Тимашева, что подозрения несостоятельны²¹⁴.

Летом 1868 г. между АГЖУ и губернатором имел место еще один эпизод недопонимания. С.П. Гагарин созвал комиссию для проверки достоверности сведений о голодных смертях в Архангельском уезде, изложенных в газете «Москва» архимандритом Кириллом, настоятелем Пертоминского монастыря. Комиссии предстояло выяснить и общую картину хозяйства в приморской части уезда, а также отвести подозрение от уездной полиции в сокрытии смертей, если факт подтвердится.

В состав комиссии был приглашен А.О. Заранек, но полковник отклонил предложение, так как не счел сведения правдивыми, а свое участие – необходимым²¹⁵. Впрочем, в записке для графа П.А. Шувалова он обозначал совсем другую причину отказа: комиссия будет состоять из подчиненных губернатору лиц, что допускает пристрастность. Поэтому рациональнее, с точки зрения Заранека, было бы сформировать комиссию от МВД. В ответ из III Отделения передали ответ шефа жандармов: состоять в

²¹³ Там же. Л. 2 об.

²¹⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 9. Д. 7. Л. 1-2, 19-20.

²¹⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 208. Д. 122. Л. 3.

комиссии начальнику АГЖУ следовало бы непременно, а его «устранение от участия» и отказ губернатору не одобряется²¹⁶.

Из приведенных выше ситуаций заметно, что шеф жандармов старался всегда занимать сдержанную позицию и стремиться к объективной оценке в спорах между губернатором и АГЖУ. П.А. Шувалов был, по всей видимости, прекрасно осведомлен о недостатках как политики губернатора, так и службы А.О. Заранека. С.П. Гагарин управлял губернией до конца мая 1869 г. В отчете за этот год было указано, что под надзором полиции по политическим делам состоит 126 человек, а 127 - за иные проступки, к началу 1870 г. общее число выросло до 279 поднадзорных. При этом полиция, в силу «слабого своего состава», не смогла бы остановить потенциальные беспорядки ссыльных, скапливавшихся в городах²¹⁷.

В мае-июне 1870 г. в МВД обсуждался проект нового губернатора Н.А. Качалова по устройству Общества попечительного о ссыльных. Основным посылом была мысль о том, что «ссыльные терпят самую безвыходную нужду», и это заставляет их быть врагами общественного порядка. Констатируя противоречивость проекта с организационной точки зрения, МВД запросило мнение графа Шувалова, который счел необходимым «отклонить учреждение»²¹⁸. Хотя в целом ссыльные «вели себя сносно» и влияния на общество не оказывали, в дальнейшем вопрос о поднадзорных останется осложняющим фактором не только жандармской службы, но и всей социально-политической жизни губернии. К 1877 г. под надзором будет состоять уже 638 человека²¹⁹. Их число росло, и мрачным предположениям канцелярии губернатора в итоге будет суждено сбыться в XX веке.

Апофеозом кризиса политического надзора в губернии, развивавшегося с 1864 г., стал случай конца сентября 1869 г. в Шенкурске. Ссыльный поляк В.А. Сесицкий «нанес личную обиду действием» помощнику начальника

²¹⁶ Там же. Л 1 об, 9.

²¹⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 504. Л. 68-69 об.

²¹⁸ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 155. Д. 63. Л. 2-3, 12.

²¹⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 950.

АГЖУ Н.И. Бобкову, к тому времени уже майору²²⁰. Конфликт зародился, когда у акцизного чиновника Софонова проходила игра в карты. В числе собравшихся были как жандармский майор, так и ссыльный. «В неудовольствии на игру» Сесицкий разорвал и бросил кредитную ассигнацию. Бобков заметил, что это «неуважение к обществу и деньгам» и якобы усомнился, что Сесицкого после такого поступка можно «пускать в благородное общество». Ссыльный оскорбился.

В донесении губернатору Н.А. Качалову начальник АГЖУ счел, что изначально дело могло бы носить частный характер, но в виду того, что участниками конфликта стали жандарм и ссыльный, «характер видоизменяется». В ночь на 29 сентября, майор Бобков был в гостях у купца Лагунова. Когда в три часа ночи все стали расходиться, у ворот дома Сесицкий подстерег Бобкова, взял за борт пальто и спросил, почему был оскорблен у Софонова? Майор ответил, что не понимает, в чем состоит оскорбление. Тогда Сесицкий замахнулся для удара, но Бобков отступил, и ссыльный «попал по воротнику пальто», после чего скрылся.

По итогам рапорта чиновника особых поручений, делу был дан законный ход, и губернатор созвал следственную комиссию. Жандармский майор утверждал, что на играх у Софонова лишь удивился, «как Сесицкого пригласили в общество», и призвал его вести себя скромнее. В свою очередь, ссыльный признал вину, но утверждал, будто Бобков долгое время не оставлял его в покое и «посылал жандарма», хотя Сесицкий старался избегать контакта. Ударить майора он хотел якобы «не для вреда, а чтобы ответить на обиду». Бобков возражал, что не преследовал Сесицкого, а жандарма посылал лишь чтобы «справиться о здоровье» ссыльного.

В ноябре следствие по делу было окончено и передано в судебную палату. В.А. Сесицкого перевели из Шенкурска в Пинегу под особо строгий надзор полиции. Данный казус, помимо факта ненадлежащего надзора за ссыльными, также дает нам представление об особенностях социального

²²⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 399.

портрета жандармского штаб-офицера конца 1860-х гг. А.О. Заранек и Н.И. Бобков были жандармами «старой формации», - достаточно демократичными, в той степени, в какой могли быть офицеры КЖ. Они так или иначе находились под влиянием реформ Александра II, эффект которых к тому времени еще действовал по инерции.

Жандармская служба все еще сводилась в основном к наблюдательной деятельности, причем никаких средств на агентуру ГЖУ в тот период не отводилось. Поэтому жандармы старались иметь неформальную поддержку в общественных кругах, пытаясь выяснить местные настроения. Они посещали светские мероприятия, но не заметили, как оказались в изменившихся условиях общественной жизни, при этом действуя по-прежнему «по проектам Бенкендорфа»²²¹. АГЖУ оказалось не готово к вызову растущей ссылки и радикализации поведения поднадзорных, особенно учитывая, что в случае Сесицкого не было речи о государственном преступлении, а жандармы пока не могли вести дознания.

Кроме того, очевидно, что в это время АГЖУ не занималось перлюстрацией. Это доказывает реакция А.О. Заранека на анонимный донос начала 1868 г. о том, что в Холмогорах ссыльный по делу Каракозова студент А.С. Голубев «распространяет революционные идеи». По поручению шефа жандармов начальник АГЖУ собрал сведения о Голубеве, выяснив, что тот «ведет жизнь уединенную, скромную», а переписка со студентами Московского университета «строго контролируемая», носит научный характер. Поскольку исправник А.К. Корытов, как «человек строгих правил», считался «лучшим из исправников» губернии, начальник АГЖУ «надеялся», что переписка Голубева не имеет противоправительственный характер²²². То есть, не имея непосредственного доступа к корреспонденции ссыльных, жандармы пока всецело полагались в надзоре на полицию.

²²¹ «Россия под надзором». Историк Григорий Бибииков о том, кем были жандармы III отделения. [Электронный ресурс]: https://www.gazeta.ru/science/2016/07/15_a_9689825.shtml

²²² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 1а. Д. 328. Л. 3.

Тем не менее, при А.О. Заранеке жандармы проводили отдельные следственные действия. В 1869 г. начальник АГЖУ доложил губернатору, что заключенный тюремного замка, отставной юнкер А. Федоров получил от крестьянина письмо во время пребывания в больнице Приказа общественного призрения. Письмо это было подписано буквой «А» и содержало пропагандистский материал «Арестантская дорога в ссылку». Майору Бобкову надлежало установить, кто и когда написал и передал письмо. Подозрение поначалу пало на сына губернского секретаря, однако в дальнейшем причастность не подтвердилась²²³. Из рапорта Мезенского исправника В.И. Рожицкого следует, что по этому делу обыскали также ссыльного М. Асписа, но без результатов. Это дало возможность полковнику Заранеку уведомить губернские власти, что «дальнейшее производство по сему делу оказывается совершенно бесполезным»²²⁴.

Вскоре контроль ссыльных начинает ужесточаться: в 1871 г. губернатор приказал полицмейстеру М.И. Клокачеву и уездным исправникам усилить меры по предупреждению побегов ссыльных и установить «действительный надзор» за их передвижениями²²⁵. Попытки АГЖУ повлиять в этом вопросе на администрацию все же привели к результатам, хотя бы и формальным. Постепенно упорядочилась ситуация и с размещением унтер-офицеров. В том же году А.О. Заранек записал в журнале приказов по АГЖУ, что все чины расквартированы благополучно, и претензий со стороны обывателей на них не заявлено²²⁶.

В апреле 1872 г. полковник Заранек выходит в отставку с производством в генерал-майоры и сдает дела Управления помощнику. Новым начальником АГЖУ стал полковник А.А. Воронкевич, который пробыл в Архангельске до января нового года, а затем выехал в Петербург и не вернулся. С апреля 1873 г. начальником назначили подполковника

²²³ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.1. Д. 2057. Л. 6.

²²⁴ Там же. Л. 24, 27.

²²⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.1. Д. 2173. Л. 3.

²²⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 1. Л. 10 об.

П.А. Есипова, который также пробыл во главе жандармерии недолго²²⁷. При этом он расширил сферу политического надзора, запросив в начале 1874 г. у архиепископа Архангельского и Холмогорского Ювеналия ведомости обо всех духовных учебных заведениях, «чтобы иметь точные сведения». В связи с обращением П.А. Есипова духовная консистория собрала данные о численности, составе преподавателей и учащихся 20 церковно-приходских школ, семинарии, духовного и женского епархиального училищ²²⁸.

Поставленный в конце 1874 г. во главу АГЖУ и прибывший в город в мае 1875 г., полковник А.Н. Щетинин принял самое длительное руководство губернской жандармерией – он возглавлял политический сыск десять лет, вплоть до сентября 1885 г.²²⁹ Именно при нем местная жандармская служба окончательно оформилась в соответствие с требованиями новых условий, а личный состав стал на систематической основе вести дознания в порядке «Устава уголовного судопроизводства».

А.Н. Щетинин приступил к исполнению установленных правил ведения отчетности ГЖУ. В частности, он стал регулярно составлять политический обзор губернии для III Отделения и отчеты о состоянии ведомства для штаба Корпуса жандармов. Изначально штаб-офицеры и начальники ГЖУ по необходимости информировали шефа жандармов только в докладах и донесениях, что ложились в основу Всеподданнейших отчетов III Отделения²³⁰. Циркулярные распоряжения III Отделения от 14 февраля 1875 г. и 31 мая 1877 г. устанавливали порядок составления политических обзоров для всех ГЖУ, причем поначалу обзор составлялся дважды в год²³¹. Требовалось освещать не только очевидные темы вроде проявлений инакомыслия, брожений и громких преступлений, но и экономическое

²²⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 2. Л.1; Оп. 1. Д. 5062. Л. 1; Д. 5063. Л. 5.

²²⁸ ГААО. Ф. 29. Оп. 2, т.5. Д. 82. Л. 1-10.

²²⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 1. Л. 94.

²³⁰ «Россия под надзором»: отчеты III отделения, 1827-1869. Сборник документов. М., 2006. С. 13; ГАРФ. Ф. 109. Оп. 207. Д. 182.

²³¹ Страхов Л.В. Воронежское губернское жандармское управление: организация и деятельность: 1867-1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2017. С.71.

состояние губернии, занятия жителей, особенности системы образования, национальный и социальный состав населения.

По своему «недавнему пребыванию в Архангельске», полковник Щетинин не стал делать политический обзор губернии за первую половину 1875 г., зато составил полноценный обзор за весь год. Сформировав в нем представление о губернии, он особо выделил Шенкурский уезд как самый густонаселенный (64000 душ). Ссылных на начало 1876 г. было зафиксировано 527 человек, и вели себя они «довольно хорошо»²³².

Что касается рапортов о состоянии ГЖУ, они составлялись по установленным формам ежемесячно и направлялись не только в штаб Корпуса, но и в главный штаб Военного министерства, в конце года также дополняясь итоговым обобщающим отчетом для шефа жандармов. Рапорты включали общий список чинов ГЖУ, именные списки штаб-, обер- и унтер-офицеров со сведениями об их статусе и ведомостями о сроках службы. Кроме того, требовалось обновлять данные об отпусках, о выбывших со службы, командированных и находящихся под арестом жандармах, о случаях смертей и болезней чинов; каждый третий месяц – подробности о доходах, расходах и балансе сумм в Управлении. Годовой отчет содержал такие разделы как личный состав, нравственное состояние нижних чинов, материальная и денежная часть, продовольствие.

Еще одним установившимся в это время документом, ежегодно направляемым в штаб КЖ, являлась «перечневая ведомость по деятельности чинов дополнительного штата ГЖУ». Она состояла из общих сведений по наблюдению за настроениями в губернии (как правило, стандартных и кратких) и данных по производству дел. Последние раскрывались в широком смысле слова: начальник АГЖУ обозначал число полученных донесений от помощника и унтер-офицеров; случаев обнаружения беспорядков, злоупотреблений, преступлений, задержания бродяг, воров и грабителей²³³.

²³² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 160. Д. 187. Л. 34, 40 об.

²³³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5069. Л. 57.

Перечневая ведомость составлялась на основе ежемесячных ведомостей от жандармских помощников в уездах, которые, в свою очередь, систематизировали данные, получаемые от унтер-офицеров при объездах вверенных наблюдению районов. Именно так в 1870-е гг. утвердился механизм губернской жандармской службы. Его «мозгом» был начальник ГЖУ. Помимо перечисленного, он принимал все решения по строевой части, которые фиксировал в журнале приказов: заведовал командировками, поездками, отпусками, объявлял благодарности и выговоры, принимал денежные вознаграждения.

Жалованье для дополнительного штата начальник получал от Архангельского губернского казначейства по талонам Санкт-Петербургского окружного интендантского управления, что являлось неотъемлемым признаком ГЖУ как воинского формирования. В течение 1870-х гг. офицерам и писарям полагалось порядка 400 рублей общего жалованья в конце каждого месяца, хотя сумма не была четко зафиксированной и могла незначительно меняться. На секретные и канцелярские расходы АГЖУ в этот период уходило в среднем 238 рублей²³⁴.

Общая численность АГЖУ в 1870-е гг. изменялась в сторону увеличения: в 1874 г. она составляла 21 чин, в начале 1877 г. - 18 (8 унтер-офицеров служило в Архангельске, и 3 в Шенкурске), в 1878 г. – 26, к началу 1879 г. – 29. На примере 1877 г. заметно, что большинство унтер-офицеров (11 чинов) поступали на службу в ГЖУ из пехоты, а по одному – из кавалерии, гвардейского полка и Архангельского батальона²³⁵. В одном из годовых отчетов А.Н. Щетинин описывал строевое состояние вверенных жандармов как «в целом хорошее», ровно как и уровень стрельбы. Порядка 70% жандармов были женаты²³⁶.

В 1878 г. на вооружение дополнительного штата были приняты револьверы Смита-Вессона. Старые револьверы системы Лефаше

²³⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 18. Л. 20 об, 25 об, 32 об.

²³⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5063. Л. 3 об; Д. 5070, 5072. Оп 3. Д. 7. Л. 3-4, 110.

²³⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 7. Л. 123-125.

требовалось сдать Петербургскому артиллерийскому складу. На тренировках по стрельбе из новых моделей в Шенкурском, Пинежском и Мезенском уездах жандармы показали около 80% попаданий²³⁷. На тот момент общая численность личного состава АГЖУ (27 строевых чинов) превышала Эстляндское, Олонецкое, Псковское и Новгородское ГЖУ, уступая в рамках 1-го военного округа лишь Санкт-Петербургскому ГЖУ²³⁸.

Из числа нижних чинов 91% жандармов были грамотными. 16 унтер-офицеров были русскими и православными, а семеро – лютеранами, уроженцами Лифляндской и Курляндской губерний. В отличие от католиков и иудеев, лютеранам никогда не воспрещалось вступать в ОКЖ²³⁹. Средний возраст унтер-офицеров на тот момент составлял 40 лет, а самому младшему жандарму было 28, причем такая же картина возрастного состава сохранится и к концу 1880-х гг.²⁴⁰

В октябре того же 1878 г. важным событием стало появление в АГЖУ отделения по Пинежскому и Мезенскому уездам. Уездному помощнику надлежало пребывать в Пинеге вместе с 5 унтер-офицерами, но распространять свои функции и на Мезень, куда также было направлено 5 нижних чинов²⁴¹. Пинежский и Мезенский уезд лежали на востоке губернии, в малозаселенных землях с суровыми условиями. И если Пинежский уезд был достаточно близок к Архангельску в климатическом и хозяйственном плане, то за Мезенью начинались практически неосвоенные тундровые пространства. Чтобы представить их масштаб, необходимо помнить, что Мезенский уезд до 1891 г., когда из него был выделен Печорский, занимал по площади более половины всей губернии. Хотя кажется, что нужда в надзоре в этих землях не была приоритетом для АГЖУ, она имела вполне конкретную причину: начиная с 1878 г. губернатор Н.П. Игнатъев стал

²³⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5070. Л. 1, 24.

²³⁸ Там же. Л. 9.

²³⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5069. Л. 140-141. Правила для приема офицеров в Отдельный корпус жандармов. Казань, 1899. С. 5.

²⁴⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5103. Л. 63-67.

²⁴¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5069. Л. 88.

переводить ссыльных народников в Мезень за провинности и агитацию²⁴². Так их прирост на востоке губернии повлек за собой открытие новых жандармских пунктов.

В начале 1879 г. в Архангельске по-прежнему размещалось 8 унтер-офицеров, 5 служило в Шенкурске, 4 в Пинеге и по 3 жандарма в Мезени и в Холмогорах. В этом году приказ штаба ОКЖ запретил жандармским помощникам переезжать на службу из уездных городов в губернские²⁴³. Это было реакцией на расширение жандармских структур в губерниях, и пример АГЖУ здесь является показателем этого процесса. К 1880 г. присутствием местных жандармов остались не охвачены только центры западных уездов: Онежского и Кемского.

Начало работы отделения по Пинеге и Мезени проходило не без проблем. В начале 1880 г. в связи с подготовкой годовой отчетности возникло недопонимание между А.Н. Щетининым и помощником Я.А. Фадеевым²⁴⁴. В рапорте Фадеев утверждал, что не имеет возможности выслать годовой политический обзор уездов и перечневую ведомость, так как «не видел никаких циркуляров, форм или образцов для срочных донесений», а «взять их негде». Более того, будучи прежде адъютантом АГЖУ, штабс-капитан «никогда не видел политического обзора, не знает его формы и содержания». Несмотря на регулярные доклады в Архангельск об этом затруднении, в ответ приходили лишь «лаконичные требования представить политический обзор и перечневую ведомость», хотя «эти четыре слова ни о чем не говорили» Фадееву. Добившись все-таки необходимых инструкций, помощник по Пинежскому и Мезенскому уездам выслал в Архангельск требуемые отчеты через 10 дней.

Служебное взаимодействие АГЖУ с вышестоящими инстанциями и губернскими властями при А.Н. Щетинине отличалось стабильностью. К

²⁴² Михайлов Б. Г. Революционный народнический кружок в Мезени (1877-1881 гг.) // Из истории политической ссылки на Европейский Север (XVIII-нач. XX в.) Вологда, 1978. С. 20.

²⁴³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5069. Л. 113 об; Д. 5072. Л. 85.

²⁴⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5072. Л. 120-124.

примеру, когда житель Холмогор А. Кузнецов изъявил желание сообщить шефу жандармов «нечто важное», III Отделение просило полковника Щетинина собрать об информаторе сведения и расспросить для начала самостоятельно²⁴⁵. Подобный эпизод, между тем, можно считать также откликом населения на появление жандармов в Холмогорах.

III Отделение в последние годы своего существования по-прежнему активно обращалось и к губернатору. При дознаниях по делам об оскорблении императорской особы местным властям надлежало доставлять в Петербург сведения об образе жизни, поведении и прежних поступках обвиняемых лиц, так как иначе сложно было установить степень благонадежности. Порою подчеркивалось к тому же, что офицеры ОКЖ не собирают сведения о бывшей политической деятельности обвиняемых. Это вело к затягиванию дел: Министерству юстиции и прокурору приходилось самостоятельно наводить справки²⁴⁶.

Поскольку в 1870-е гг. происходит дальнейшая радикализация политической ссылки за счет преобладания в ней членов народнических организаций, циркуляры штаба ОКЖ и III Отделения чаще начинают апеллировать к необходимости единства между жандармами и полицией. Подчеркивалась неразрывная связь «всестороннего наблюдения» с «предупреждением и пресечением преступлений», а также необходимость жандармам усилить «сношение с администрацией и полицией в городе и на селе». В свою очередь, чинов общей полиции призывали более ответственно относиться к деятельности жандармов²⁴⁷. Отдельно центральный орган политического сыска обязывал местные власти установить строгий секретный надзор в случае, если кто-либо из 51-го оправданного по делу С.Г. Нечаева будет иметь вид на жительство в губернии²⁴⁸.

²⁴⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 165. Д. 28. Л. 16.

²⁴⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.1. Д. 2247. Л.1; Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1. Л. 3-5.

²⁴⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 154. Л.1; Ф.1. Оп. 11. Д. 405. Л. 67.

²⁴⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.1. Д. 2245. Л. 1.

Описывая нарастание пропаганды революционных народников, МВД замечало, что пропагандисты «ходят в народ» не только к крестьянам, но также агитируют на заводах и проникают в войска²⁴⁹. Жандармские чины должны были отныне задерживать пропагандистов сразу по их выявлению. Если на месте не оказывалось жандарма, то местная полиция сама принимала необходимые меры, но обязательно сообщала в ГЖУ. Архангельская ссылка явно испытывала на себе общий рост политической напряженности. А.Н. Щетинин в 1880 г. писал губернатору, что ссыльные чувствуют себя не скованно, устраивают сходки и свободные прогулки. Этому способствовал в том числе факт «потакания ссыльным» со стороны исправника²⁵⁰.

Начальник АГЖУ явно имел основания для беспокойства, учитывая события декабря 1878 г., когда из ссылки в Пинеге бежал народник С.Н. Бобохов. Его, вместе с сообщниками, жандармы настигли близ Холмогор, после чего Бобохов дважды выстрелил по бывшим здесь же урядникам²⁵¹. Этот факт Б.Г. Михайлов расценивал как первый случай применения оружия при сопротивлении полиции на Европейском Севере, как «ответ революционеров на жестокость самодержавия» наравне с выстрелом Веры Засулич и убийством Н.В. Мезенцова в тот же год. Судебный процесс над С.Н. Бобоховым прошел в Архангельске 12 марта 1879 г. под охраной жандармов. Народник был приговорен к смертной казни, но в связи с несовершеннолетием, наказание сменили на 20 лет каторги. Отбыв половину срока, в 1889 г. Бобохов принял яд в знак протеста после самоубийства политкаторжанки Н.К. Сигиды, первой женщины в истории каторги, подвергнутой телесному наказанию²⁵².

Однако казус Бобохова и погоня, в которую оказались втянутыми жандармы, были на тот момент скорее редким эпизодом для АГЖУ, так как кружки ссыльных народников на Севере занимались в основном

²⁴⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 405. Л. 66.

²⁵⁰ Михайлов Б.Г. Революционное движение и политическая ссылка на Европейском севере России в 60-70-х годах XIX века. Дис. ... д. ист. наук. Саратов, 1984. С. 284, 300.

²⁵¹ Там же. С. 294, 316.

²⁵² Троицкий Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866—1895. М., 1979. С. 75.

пропагандистской работой, а не бунтарством, хотя и могли открыто противопоставлять себя властям. Например, после убийства Н.В. Мезенцова в августе 1878 г. народник Г.А. Мачтет в Шенкурске и другие ссыльные вместе с ним зажигали свечи в окнах домов. Исправник Н.А. Микулин счел, что это демонстрация в честь убийства, о чем донес Н.П. Игнатьеву, запросив удаление Мачтета в другую местность. Тушить огни исправник не счел возможным «по малому числу полицейских служителей и хорошо зная буйный и беспокойный характер сказанных личностей»²⁵³.

Большую часть службы унтер-офицеров во второй половине 1870-х гг. по-прежнему занимало наблюдение за вверенными районами, а новым видом активности стало проведение дознаний в порядке «Правил» от 19 мая 1871 г. Первым известным дознанием АГЖУ, которое было документально оформлено и проведено в соответствии с обновленным законодательством, стало дело купеческого сына А.Ф. Волкова – поднадзорного, который жил в Мезени и обвинялся по ст. 251 «Уложения о наказаниях» (составление и распространение сочинений, призывающих к бунту против верховной власти). Дознание было возбуждено 4 марта 1876 г., а 12 марта обыск у Волкова выявил нелегальную литературу и портрет Д.И. Писарева²⁵⁴. Жандармы проводили обыски и допросы под контролем губернского прокурора В.Л. Родионова. 1 сентября Волкова пришлось освободить из-под стражи, так как подозреваемые и свидетели были допрошены без каких-либо зацепок, а в корреспонденции ссыльного «ничего противозаконного не заключалось»²⁵⁵. Следует заметить, что дознание было возбуждено точно в день распространения действия «Правил» на губернию.

Если дело А.Ф. Волкова было совершенно типичным в жандармской практике, то по-иному все обстояло с дознанием, к возбуждению которого привел конфликт А.Н. Щетинина с Мезенским исправником, титулярным

²⁵³ Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 г.) Архангельск, 2004. С. 262-263.

²⁵⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 4. Л. 1, 41.

²⁵⁵ Там же. Л. 75.

советником П.Х. Таратиным. Между начальником АГЖУ и Таратиным нарастала неприязнь, причем тянувшаяся в течение нескольких лет. Ее причины доподлинно не известны, но А.Н. Щетинин многократно отмечал «злоупотребления» уездного исправника. В том же 1876 г. он обвинил Таратина по ст. 246 «Уложения о наказаниях» (дерзкие, оскорбительные слова в адрес императора). Повод к дознанию представился ничтожный. На аукционе Таратин, предлагая фотокарточки императоров, заявлял: «цена Екатерины II – пятак, Александру II – цена одна копейка»²⁵⁶.

Развалу дела по явно надуманному обвинению способствовал губернатор Игнатьев, который перевел Таратина на должность Мезенского мирового посредника. Однако начальник АГЖУ продолжил добиваться отставки титулярного советника, связавшись с МВД и III Отделением, что позволило затянуть противостояние. В это время жена П.Х. Таратина написала обращение к шефу жандармов Н.В. Мезенцову, где заступалась за мужа, а А.Н. Щетинина назвала «врагом и недоброжелателем». В дальнейшем она написала еще одно пространное письмо, в котором расценила начальника АГЖУ «лжецом и интриганом», а также заметила: «кто ему не угодит – голову в петлю»²⁵⁷. В самом шефе жандармов она видела единственного возможного заступника и подчеркивала несправедливый характер обвинений, с которыми сталкивается муж. И хотя в итоге П.Х. Таратин все-таки был вынужден уйти с должности мирового посредника, его жена благодарила шефа жандармов за поддержку и дальнейшее участие при поступлении сына в училище.

Дело титулярного советника Таратина показывает, что включение ГЖУ в следственную часть по уголовным «политическим» делам не только имело достоинство в виде обретения жандармами юридического статуса, но и открывало возможность для субъективизма, пристрастности, грозившей перейти в произвол. Так подтверждаются слова В.Д. Новицкого о том, что

²⁵⁶ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 160. Д. 187. Л. 91.

²⁵⁷ Там же. Л. 77-78, 95-98.

первоначально внедрение «Правил» 1871 г. «шло туго» и встречало непонимание жандармских чинов, прокурорского надзора²⁵⁸. Тем не менее, обратной стороной «интриг» А.Н. Щетинина была его гибкость как жандармско-полицейского функционера, что и позволяло полковнику оставаться на посту столь долго. Хотя, при этом за все 10 лет управления АГЖУ Щетинина так и не повысили в звании. Возможно, так проявлялось неодобрение начальством ОКЖ его политики. Что касается конфликтов между жандармами и уездными исправниками из-за «потакания» последних ссыльным - они будут повторяться. Например, уже в XX веке жандарм Печнин из Онеги донесет, что исправник Л.А. Донеико создает для ссылки вольные условия. В результате в Онегу придут силы вице-губернатора Д.Д. Григорьева и произведут арест 10 поднадзорных²⁵⁹.

Подводя итоги местной жандармской службы в период подчинения политического сыска III Отделению императорской канцелярии, отметим, что для АГЖУ можно выявить два этапа становления в качестве губернской политической полиции. Первый этап начинается с 1864 г. еще до учреждения ГЖУ и заканчивается примерно к середине 1870-х гг. Это был период, когда жандармские и полицейские структуры реформировались в контексте, с одной стороны, общественных изменений, а с другой – резкого роста политической ссылки в губернию. По выводу Л.П. Кононовой, ссылка участников Польского восстания 1863-1864 гг. стала прообразом всей российской политической ссылки второй половины XIX - начала XX вв.²⁶⁰ Состоящие под надзором полиции становятся с этого момента главным дестабилизирующим элементом в губернии вплоть до 1917 г.

Необходимость усиливать надзор за ссыльными повлекла для жандармов отрицательные последствия в виде конфликтных ситуаций с чинами общей полиции, которые на тот момент не понимали сущности

²⁵⁸ Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М., 1991. С. 47.

²⁵⁹ Онежская ссылка // Революционное движение в Архангельской губернии. 1905 год. Архангельск, 1925. С. 117.

²⁶⁰ Кононова Л.П. Указ. соч. С. 179.

работы ГЖУ, так как сами пребывали в процессе структурного становления. М.В. Пулькин на примере Олонецкой губернии указывает, что «становление провинциальных ГЖУ происходило в сравнительно спокойной, не требующей экстраординарных мер обстановке»²⁶¹. Однако специфика политического сыска в Архангельской губернии на тот момент состояла в том, что это было не так. Жандармы, исполняя обязанности по надзору, оказались «меж двух огней»: между ссыльными и губернаторской властью с подчиненными ей исправниками.

До 1872 г. ситуация осложнялась тем, что главы губернского политического сыска представляли собой в административном плане тип, не вполне отвечавший необходимости проявлять жесткость и отстраненную позицию. Например, штаб-офицер А.И. Лакс в преддверие реформ Александра II издавал критико-библиографический журнал и имел весьма либеральные взгляды²⁶². Начальник АГЖУ А.О. Заранек увлекался музыкой и рисованием. Сохранился альбом его рисунков и шаржей²⁶³. Хотя жандармы «либеральной плеяды» вполне четко представляли задачи вверенного ведомства, а также потенциальные угрозы, на которые следовало обращать пристальное внимание, нельзя утверждать, что до середины 1870-х гг. АГЖУ играло значимую роль в губернской политической жизни. В это вносила свой вклад и частая смена начальников.

Новый этап, закрепивший организационно-юридические и служебные нормы деятельности АГЖУ, ассоциируется с руководством А.Н. Щетинина. В это время возрастает документооборот, что позволяет нам использовать больше источников, раскрывающих структуру и функции Управления. К 1880 г. АГЖУ полностью встроилось в работу российского политического сыска в плане ведения дознаний, ежемесячной и ежегодной отчетности, представления политических обзоров губернии. Структура ведомства

²⁶¹ Пулькин М.В. Тайная полиция и общество в середине XIX–начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 2 [Электронный ресурс]: <http://human.snauka.ru/2013/02/2418>

²⁶² Соболев А.Н. Пензенские жандармы. Сто лет на страже. Пенза, 2021. С. 39-40.

²⁶³ Чистова И. С. Дневник гвардейского офицера // Лермонтовский сборник. Л., 1985. С. 159.

расширялась за счет новых пунктов дислоцирования. Тем не менее, как видно на примере дела П.Х. Таратина, не были изжиты проблемы во взаимодействии жандармского начальства с общей полицией. Но все же при А.Н. Щетинине АГЖУ начинает проникать в большее число вопросов устройства губернии, нежели при предшественниках. Это отражало общий процесс усиления политической полиции, протекавший с 1866-1867 гг. и логично завершившийся новой реформой в 1880 г.

1.3. Служба политической полиции региона в 1880-1905 гг.: расширение сыска и рост социальной напряженности

Рубеж 1870-80-х гг. отмечен качественным ростом революционного движения, которое представляли народники – куда более решительная сила, нежели «революционные демократы». В крупных городах империи, и особенно в столице, росло насилие, что привело к политическому кризису, который советская историография оценивала как «революционную ситуацию». Организация «Народная воля», оформившись в 1879 г., стала самым радикальным из объединений народников. Разными способами она совершала покушения на Александра II. После очередного террористического акта (взрыва в Зимнем дворце 5 февраля 1880 г.) положение стало критическим и потребовало учреждения чрезвычайного органа управления – Верховной распорядительной комиссии (далее – ВРК) под руководством М.Т. Лорис-Меликова. ВРК должны были подчиняться все столичные и местные ведомства политического сыска²⁶⁴.

В марте 1880 г. шеф жандармов П.А. Черевин, со ссылкой на ВРК, объявлял губернаторам о необходимости «единства действий между органами различных ведомств, призванных осуществлять охрану государственного порядка и общественного спокойствия»²⁶⁵. По всем делам в

²⁶⁴ Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 82.

²⁶⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 8, т.2. Д. 533. Л. 38.

порядке «Правил» от 19 мая 1871 г. и 1 сентября 1878 г. начальники ГЖУ обязывались представлять губернаторам копии своих донесений для III Отделения. Соответственно, губернаторы должны были доносить любые сведения о государственных преступлениях начальникам ГЖУ. Если между ведомствами возникало недопонимание, разрешить его бралось III Отделение. Оно же призывало организовать для жандармов, которые были лишены непосредственной связи с губернатором, «такой порядок, чтобы в уездах они действовали самостоятельно, без ущерба для дела»²⁶⁶.

В Архангельской губернии не просматривалось острого противостояния властей и общества, но, учитывая большие расстояния между городами и погодные перемены, усложнявшие путь, шаги по повышению самостоятельности уездных жандармов были бы актуальны. Однако «порядок» никак не конкретизировался, а III Отделение все меньше справлялось с функцией центрального органа политической полиции²⁶⁷.

К августу ВРК, как полагалось, справилась с задачей первичной стабилизации порядка в столице, а также приняла решение по сокращению ссылки за счет поднадзорных, которые могли бы подлежать освобождению. Поэтому 6 августа 1880 г. ВРК, а также III Отделение императорской канцелярии были расформированы, а все дела последнего передавались в образованный при МВД Департамент государственной полиции. Департамент создавался для «заведывания и производства дел» по государственным преступлениям, и под его началом вскоре должно было последовать «окончательное слияние полиции»²⁶⁸. Единство между губернскими администрациями и органами охраны порядка полагалось соответствующим интересам «вернейшего и постоянного успеха» дальнейшего объединения политического сыска. В конце 1881 г. к Департаменту государственной полиции присоединили Судебный отдел, а в 1883 г. название ведомства сокращается до «Департамента полиции» (далее –

²⁶⁶ Там же. Л. 41 об.

²⁶⁷ Перегудова З. И. Указ. соч. С.22

²⁶⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 8, т.2. Д. 533. Л. 43-44.

ДП)²⁶⁹. Его директор подчинялся исключительно МВД, причем сам министр становился также шефом жандармов, а его товарищ – командующим ОКЖ. Так ГЖУ и ЖПУ ж.д. сохранили над собой «двоевластие» военной и полицейской систем (Приложение 3).

Оформление Департамента полиции свидетельствовало о завершении процесса централизации управления жандармско-полицейскими органами²⁷⁰. Фактически обновление главного органа политической полиции было необходимо еще в 1860-х гг., на волне движения демократов, а затем народников. III Отделение, хотя и планировалось в качестве «высшей полиции», создавалось в условиях малочисленности «недовольных», за которыми достаточно было лишь надзирать. К 1880 г. требовалось утвердить иное устройство политического сыска, чтобы его руководящий орган был непосредственной частью профессиональной полицейской системы. В декабре 1880 г. МВД уведомяло ГЖУ, что теперь сведения обо всех происшествиях и перемещениях поднадзорных губернатор обязывается направлять исключительно в Департамент²⁷¹.

Первоначально ДП разделялся на три делопроизводства, а к 1917 г. их число возрастет до девяти. Главное значение среди них для ГЖУ имело 3-е делопроизводство («секретное»). Оно непосредственно вело политический розыск, надзор за рабочим, крестьянским, студенческим движениями; выявление революционных ячеек, работу с секретной агентурой. В 1898 г. на базе 3-го делопроизводства будет создан Особый отдел, призванный осуществлять руководство всей оперативной деятельностью жандармско-полицейских органов²⁷². Принципиально новым для российского политического сыска подразделением ДП, которое создавалось с 1881 г. в

²⁶⁹ Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970. С. 158.

²⁷⁰ Бойко С.И. Взаимодействие правоохранительных органов Российской империи в борьбе с антигосударственной деятельностью в 1880-1904 гг. (на примере Казанского губернского жандармского управления) // Вестник Российского университета кооперации. 2013. № 4. С. 60

²⁷¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 405. Л. 91.

²⁷² Жандармы России / сост. В. С. Измозик. М., 2002. С. 286.

Париже, стало Бюро заграничной агентуры²⁷³. Кроме того, в 1880 г. в Москве учреждалось Отделение по охране общественной безопасности и порядка, по образцу столичной «охранки».

Однако пока новая система находилась в процессе становления, она не могла со всей очевидностью продемонстрировать эффективность. В первый год существования Департамент государственной полиции даже был слабее, чем III Отделение накануне закрытия. Главным доказательством служит тот факт, что «Народной воле» все-таки удалось устранить Александра II в результате нового покушения 1 марта 1881 г. После гибели императора архангельский губернатор М.М. Кониар, в числе прочих, отчитался в выражении верноподданнических чувств населения и получил благодарность наследника престола²⁷⁴. В свою очередь, политические ссыльные организовали демонстрацию в Холмогорах, после чего А.Н. Щетинин направил туда адъютанта АГЖУ Ф.И. Ждан-Пушкина для проведения дознания по «Правилам» от 1 сентября 1878 г.²⁷⁵

На терроризм народовольцев следует ответ правительства и директора ДП В.К. Плеве, выразившийся в усилении политического сыска и расширении его структуры. В виду того, что результаты жандармских дознаний нередко «получали характер гласности», секретность работы должна была повыситься до степени «непроницаемости», чтобы даже члены семей жандармов не знали о ходе следствия²⁷⁶. Усиливались проверки при отборе кандидатов на должности писарей ГЖУ, а также надзор за ссыльными, поступающими на военную службу. Отдельно МВД призвало бороться со «слухами в нижних слоях» о том, что за убийством императора стояли дворяне, недовольные крестьянской реформой. 29 мая 1881 г. АГЖУ

²⁷³ Сватиков С. Г. Русский политический сыск за границей. Ростов-на-Дону, 1918. С. 10.

²⁷⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 10. Д. 434. Л. 6.

²⁷⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 77. Д. 83. Л. 14.

²⁷⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 405. Л. 2.

получило из ДП дешифровку письма с изложенной программой будущих действий революционных партий²⁷⁷.

После общего укрепления порядка в системе политического сыска силами Департамента полиции, последовали шаги (как и в период 1866-1867 гг.), направленные на конкретизацию и разграничение обязанностей жандармов, а также повышение их статуса.

14 августа 1881 г. Александр III утверждает «Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», которое систематизировало охрану государственного строя. При необходимости борьбы со «злоумышлениями» в отдельных местностях мог вводиться режим «исключительного положения»: либо усиленной, либо чрезвычайной охраны, в зависимости от тяжести ситуации. Первый утверждался МВД, а второй – Комитетом министров, но оба режима серьезно расширяли полномочия местных властей. Чины ГЖУ и полиции имели право задерживать сроком до двух недель всякого, кто мог относиться к противозаконным организациям и замышлять государственное преступление, производили обыски и аресты имущества²⁷⁸. В смежных местностях жандармы могли арестовывать подозреваемых сроком до недели.

Действие «Положения» раз за разом продлевалось, а во многих губерниях «порядок охраны» действовал постоянно. Политическая полиция, таким образом, получала второй (после «Правил» 1871 г.) инструмент предварительного расследования государственных преступлений. Он был менее затратным с точки зрения времени и бюрократических процедур. Административное расследование («охранная переписка») представлялось губернатору, который направлял его на решение в МВД. По итогам заключения дело или прекращалось с освобождением задержанных, или же те высылались в отдаленные места на срок не свыше 5 лет²⁷⁹.

²⁷⁷ Там же. Л. 6, 14, 34.

²⁷⁸ Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия / ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 1. №330. С. 264.

²⁷⁹ «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска. Т.1. М., 2004. С. 415-416.

Создать четкий правовой механизм и упорядочить уже имевшиеся процедуры административной высылки были призваны два новых ведомственных акта в 1882 г. 1 марта вышло секретное «Положение о негласном полицейском надзоре», а 12 марта - общее «Положение о полицейском надзоре».

Первый документ определял порядок негласного (или секретного) надзора, который применялся для «проверки полученных сведений о вредной деятельности» какого-либо лица. Подозреваемый в антигосударственной деятельности не должен был знать, что за ним ведется наблюдение. В целях конспирации лицо, находившееся под секретным надзором, не могло подвергаться стеснениям в свободе передвижения, образе жизни, выборе занятий²⁸⁰. Надзор могли вести как чины общей полиции, так и жандармы, но различия в их полномочиях при этом никак не обозначались: оба ведомства должны были «стремиться к обеспечению действительности негласного надзора и его непрерывности»²⁸¹. ГЖУ обязывались собирать поступающие от полиции и добываемые самостоятельно сведения о поднадзорных, включать их в дела и передавать полугодовые ведомости в ДП.

В свою очередь, «Положение о полицейском надзоре» от 12 марта устанавливало ряд ограничений по отношению к лицам, высланным на место жительства в административном порядке. Им, в частности, воспрещалось самовольно выезжать из места ссылки, состоять на государственной или общественной службе, вести публичную деятельность²⁸². Подобный тип надзора понимался как «гласный». Он был прерогативой общей полиции, хотя ГЖУ имели право устанавливать за ссыльными, по отбытию ими

²⁸⁰ Линдер И.Б., Чуркин С.А. Спецслужбы России за 1000 лет. М., 2008. С. 240.

²⁸¹ Положение о негласном полицейском надзоре, 1 марта 1882 г. / История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы. М., 1998. С. 134.

²⁸² Хорошун К.Ю. Российская полиция и жандармерия в 60-90-х гг. XIX в. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. №2. С. 143.

наказания, негласный надзор, а по разрешению МВД и при содействии почтовых ведомств - просматривать корреспонденцию²⁸³.

В декабре 1882 г. министр внутренних дел граф Д.А. Толстой подписал «Положение об устройстве секретной полиции в Империи». Оно предусматривало создание в регионах, по решению товарища министра, «особых розыскных отделений в составе жандармских управлений или в ведомстве общей полиции», по образцу столичных охранных отделений²⁸⁴. Власти вынашивали идею внедрения «охранок» на местах для ведения политического розыска в соответствие со структурными особенностями ДП, однако до начала XX века новые розыскные отделения не открывались, так как общая ситуация более не требовала усиления полиции.

При императоре Николае II в начале нового века обостряется внутривластная и международная обстановка, углубляются социальные противоречия. Это приводит к реанимации проекта региональных розыскных отделений. В 1900 г. учреждалась «охранка» в Варшаве, а в 1902 г. были утверждены новые регулирующие розыск документы. 12 августа В.К. Плеве, ставший министром внутренних дел, подписал положение «О начальниках розыскных отделений». В октябре вышла подробная «Инструкция чинам, состоящим в распоряжении директора Департамента полиции по заведыванию охранными пунктами»²⁸⁵.

Документы всячески подчеркивали необходимость сотрудничества ГЖУ и охранных отделений, их неразрывные связи. При этом обязанности формально разводились: за ГЖУ оставалось ведение общего надзора, возбуждение дознаний по «Уставу уголовного судопроизводства». Начальник розыскного отделения при этом курировал дела в порядке «Положения о мерах к охранению...», выявление «политических» преступников, наружное наблюдение за ними, а также все вопросы,

²⁸³ Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административных властей. ПСЗРИ. Собрание 3. Т. 2. №730. С. 86.

²⁸⁴ Перегудова З. И. Указ. соч. С. 376.

²⁸⁵ Гурлев И.В. Указ. соч. С. 145.

связанные с секретной агентурой, которую был обязан «приобретать». Количество розыскных пунктов и отделений, как «по-настоящему эффективных и профессиональных полицейских органов, призванных вести борьбу с нараставшим революционным движением», в 1903 г. превысило десяток²⁸⁶. Встречаются мнения, что аналогичных организаций секретной полиции в Европе того времени не существовало²⁸⁷.

В Архангельской губернии в виду отсутствия сильных революционных структур розыскное (охранное) отделение не открывалось, и потому все новые функции ложились на начальника АГЖУ. У этого было некоторое достоинство, так как, несмотря на форму служебных связей ГЖУ и местных «охранок», которую предполагало МВД, на практике взаимодействие проходило противоречиво. Охранные отделения были призваны ослабить зависимость ДП от чинов ОКЖ, ведь после ликвидации III Отделения полиция ощутила падение влияния на действия жандармов. «Охранки» не подчинялись местным жандармским органам, действуя совершенно самостоятельно²⁸⁸. Однако при этом розыскные отделения комплектовались в основном именно чинами ОКЖ, а не гражданскими чиновниками. В текущем розыске «охранники» никак не могли обойтись без опыта и материалов дознаний, что накопились в ГЖУ. Имела место и общая конкуренция чинов в ведении сыска. Эти проблемы обошли губернию стороной. Хотя в 1905 г. положение действительно потребует принятия экстраординарных мер, до того АГЖУ не нуждалось в особенном подкреплении, а занималось в основном вопросами собственного расширения.

В 1880 г. А.Н. Щетинин оценивал строевое образование, умственное развитие и нравственное состояние чинов АГЖУ как хорошее, а состояние нанятых от городской управы квартир для уездных жандармов как

²⁸⁶ Григорьев Б. Н. Указ. соч. С. 266.

²⁸⁷ McMeekin S. The Russian Revolution: a New History. New-York, 2017. P.24.

²⁸⁸ Мойсинович А. М. Политический сыск в России в конце XIX – начале XX в.: текст лекций. Ярославль, 2010. С. 22. Зайончковский П.А. Указ. соч. С. 164.

удовлетворительное²⁸⁹. Унтер-офицерская служба охватывала центральные и восточные уезды. Постепенно снижалась доля лютеран в дополнительном штате: к 1882 г. их было четверо среди 20 нижних чинов²⁹⁰.

В сентябре 1885 г. А.Н. Щетинина сменил на посту начальника АГЖУ подполковник М.Г. Крестинский. В период его руководства (1885-1888 гг.) началось систематическое составление дел о лицах, находящихся под гласным и негласным надзором, как того требовало «Положение о полицейском надзоре». При следующих начальниках, полковниках К.А. Латухине (1888-1892 гг.) и В.Д. Кореневе (1892-1896 гг.), структура АГЖУ достигает наибольшего расширения за счет появления новых пунктов.

В связи с тем, что губернские власти стали распределять ссыльных по уездным городам, в сентябре 1887 г. жандарм был направлен в Кемь, причем отмечалась необходимость расширить штат еще на два унтер-офицера. М.Г. Крестинский исходил из того, что его надзор за чинами в Кеми будет «поверхностным» в силу отдаленности местности, и потому необходимо назначить на пункт самых лучших и надежных жандармов²⁹¹. Прибывшие в Кемь унтер-офицеры столкнулись с проблемой размещения, так как не нашлось желающих сдавать квартиры²⁹². Однако жандармский пункт в Кеми был обустроен с конца года, и примерно в то же время в АГЖУ возник проект организации пункта в заштатном городе Кола.

Необходимость более тщательно контролировать обстановку в западных уездах привела к тому, что приказом по ОКЖ от 29 апреля 1888 г. к штату АГЖУ добавлялась должность помощника по Онежскому и Кемскому уездам, а также вахмистр и 5 унтер-офицеров. Это уже не было для АГЖУ неким естественным ходом вещей, так как штат расширялся за счет сокращения состава Могилевского ГЖУ, оттуда в Архангельск переводилось

²⁸⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5072. Л. 130.

²⁹⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 54. Л. 97.

²⁹¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5095. Л. 1-2, 6.

²⁹² Там же. Л. 12.

обмундирование для жандармов²⁹³. К 1889 г. новое отделение стало работать во главе с ротмистром К.П. Катериничем, который был обязан пребывать в Онеге и контролировать также унтер-офицеров Кеми. Так к 1891 г. общая численность АГЖУ возросла с 29 до 36 должностей. В дополнительном штате числился 31 жандарм, из которых 21 чин были уроженцами Архангельской губернии.²⁹⁴

Жандармским надзором оказалось охвачено большинство уездов и центров политической ссылки губернии, исключая Кольский уезд (выделен из Кемского в 1883 г.) и Печорский уезд (выделен из Мезенского в 1891 г.). Они являлись самыми труднодоступными и отдаленными окраинами губернии. Однако и в уже «освоенных» уездах помощники начальника АГЖУ, регулярно совершая объезды вверенных территорий, не всегда могли уложиться в срок из-за распутицы. К примеру, помощник в Онежском и Кемском уездах описывал невозможность всех срочных объездов, отмечая, что местности посещаются либо летом на пароходе, либо зимой, в мороз на лошадях. Тракты находятся в неисправности, нет и достаточного числа мостов через реки. Чтобы штаб-офицер в западных уездах добрался от Онеги на крайний пункт маршрута, требовалось больше месяца, причем в период почтового сообщения. Об этом помощник рапортовал начальнику АГЖУ с просьбой сократить число обязательных объездов²⁹⁵.

Свои требования предъявляла и служба в других уездах, где устанавливались новые пункты. В 1880-х гг. один унтер-офицер в период навигации направлялся на пристань в Березник, один в Сёмжу, и двое в Сумский посад. К началу XX века унтер-офицеры из Пинеги и Мезени во время навигации направлялись на завод купца Русанова²⁹⁶.

Период расширения продлился до 1894 г., когда последовало сокращение штата на 4 унтер-офицера для усиления Подольского ГЖУ.

²⁹³ Там же. Л. 17, 30-31.

²⁹⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5113. Л. 9-11.

²⁹⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 67. Л. 52-53.

²⁹⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5127. Л. 4; Д. 5139. Л. 25-26; Д. 5195. Л. 22-24.

Якобы в Архангельской губернии на тот момент было лишь 8 поднадзорных²⁹⁷. О сокращении упомянул начальник АГЖУ М.А. Роменский спустя два года. Подполковник просил штаб ОКЖ усилить штат и сетовал, что в Архангельске служит всего 5 нижних чинов, в то время как население города составляет 20 тысяч, а в Шенкурске на 5 унтер-офицеров приходится 77 ссыльных²⁹⁸. Но предложение не было принято. В период руководства М.А. Роменского (1896-1898 гг.) и К.Е. Семенова (1898-1900 гг.), на фоне первых признаков усиления революционных настроений, прошла реорганизация АГЖУ, что привело к структурной «хаотизации».

В июле 1897 г. была ликвидирована должность помощника по Пинежскому и Мезенскому уездам, а вместо нее учреждалось отделение по Архангельску, Архангельскому и Холмогорскому уездам. Через год штаб-квартира помощника по Шенкурску была перемещена в Архангельск, и ему же теперь подчинялись Холмогоры. К 1899 г. исчезло отделение в Онежском и Кемском уездах²⁹⁹. Наконец, помощник по Шенкурскому и Холмогорскому уездам сворачивает службу в 1902 г. Так в распоряжении АГЖУ остается лишь помощник в губернском городе и его уезде. При этом как таковые жандармские пункты не ликвидировались: унтер-офицеры продолжали служить во всех уездных городах, за исключением Усть-Цильмы (центра Печорского уезда) и Александровска (центра Александровского уезда, в который с 1899 г. был переименован Кольский).

Несмотря на все сокращения штата, АГЖУ не оставляло планов по расширению мест присутствия. Так, с основанием Александровска (ныне г. Полярный) АГЖУ в 1900 г. запросило у губернатора А.П. Энгельгардта сведения о заселении города, численности и занятости населения. Те же вопросы ставил перед местной властью штаб ОКЖ, подводя к главному: целесообразно ли будет учредить в Екатерининской гавани Александровска жандармский пункт, направив вахмистра и двух унтер-офицеров?

²⁹⁷ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 3. Д. 2310. Л. 9-10.

²⁹⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5056.

²⁹⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 92; Д. 129. Л. 2. Д. 5157. Л. 57 об. Д. 5166. Л. 100. Оп. 3. Д. 90. Л. 7.

Энгельгардт считал, что это не требуется, тем более, в новом городе на тот момент не имелось свободных помещений для расквартирования жандармов³⁰⁰. Однако уже в 1904 г. власти забили тревогу, узнав, что из норвежского Варде через Александровск в Архангельск проникала нелегальная литература. У МВД уточнялась возможность организовать в Александровске жандармский пункт хотя бы в период навигации³⁰¹.

При помощнике по Архангельску и Архангельскому уезду к началу XX века служили вахмистр и четыре унтер-офицера³⁰², но такого числа жандармов было недостаточно для должного надзора за центром губернии. Сохранял трудность и надзор за обстановкой в отдаленных местностях. Например, к 1901 г. на пункте в Мезени служило лишь 2 унтер-офицера. Один из них вел нетрезвую жизнь, что чуть было не привело к его увольнению³⁰³. Однако можно понять подобные случаи, ведь служба в суровых условиях и без каких бы то ни было общественных развлечений требовала выносливости духа. К тому же при объездах вверенного участка унтер-офицер из Мезени преодолевал до 300 верст, хотя зимой расстояние по почтовому «зимнику» сокращалось³⁰⁴.

К началу XX века общее месячное жалованье нижним чинам АГЖУ составляло порядка 700 рублей, к тому же унтер-офицеры получали от 8 до 10 руб. квартирных денег. В течение 1900 г. выплата повысилась до 10 и 12 руб. соответственно³⁰⁵. К 1904 г. общая сумма жалованья чинам повышается, достигая 930 рублей. Вахмистрам из нее полагалось по 30 руб., унтер-офицерам высшего оклада – 25, среднего – 20, нижнего – 15³⁰⁶.

К этому же времени относятся первые известные данные об адресе канцелярии АГЖУ, где пребывал начальник: как минимум с 1904 г. Управление размещалось в доме №6 (доме Антуфьева) по Соборной улице, в

³⁰⁰ ГААО. Ф.1. Оп. 4, т.3. Д. 337. Л. 10, 12-13 об.

³⁰¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 232. Д. 5 ч. 45. Л. 2.

³⁰² ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 90. Л. 7.

³⁰³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 302. Л. 22, 90.

³⁰⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 316. Л. 30; Ф. 6. Оп. 2. Д. 284. Л. 1.

³⁰⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 196. Л. 31; Д. 200. Л. 1-2.

³⁰⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 95. Л. 15, 60 об.

центре Архангельска³⁰⁷. В этом доме начальники АГЖУ, адъютанты и писари будут пребывать до 1908 г.

АГЖУ снабжалось из разных источников. Ежегодно Казначейство через Губернское правление выдавало талон на путевое довольствие и прогоны в 500 рублей. Эти деньги выдавались на поездки в уезды по проводимым дознаниям для начальника АГЖУ и его офицеров. Чтобы сохранять прогонные деньги, жандармы могли пользоваться пароходами³⁰⁸. Каждую треть года АГЖУ к тому же получало от Казначейства по талону Окружного интендантского управления деньги на довольствие чинам и писарям, на шитье одежды и на фураж для продовольствия лошадей. Вся сумма распределялась через помощников начальника³⁰⁹. Так АГЖУ продолжало оставаться частью военной системы и снабжаться в составе Санкт-Петербургского военного округа. В 1889 г. местные жандармы получили револьверы Смита-Вессона 2-го образца. В мае 1901 г. при стрельбе из новых револьверов степень попаданий в Архангельске и Архангельском уезде составила около 73% с расстояния в 25-40 шагов, в то время как в Шенкурском и Холмогорском уезде около 82%³¹⁰.

В свою очередь, на все операции, связанные с политическим сыском, АГЖУ получало средства от Департамента полиции. В частности, на секретные расходы от ДП поступало 50 рублей в месяц³¹¹. Несмотря на «секретность», в основном эти деньги тратились на служебные телеграммы, заказ фотокарточек и их копирование, а не на вербовку секретной агентуры, которая на тот момент в АГЖУ отсутствовала. Аванс на секретные расходы как правило расходовался почти полностью. При ведении бумажной работы и внутреннего управления от начальников АГЖУ требовалась точность. К примеру, когда в 1886 г. М.Г. Крестинский неправильно заполнил отчетную

³⁰⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 123. Л. 15.

³⁰⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 42. Л. 1; Шенкурская ссылка // Революционное движение в Архангельской губернии. 1905 год. Архангельск, 1925. С. 113.

³⁰⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 86. Л. 3.

³¹⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5108; Д. 5221. Л. 38 об, 73 об.

³¹¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 43. Л. 1; Д. 69. Л. 2, 30-34.

третнюю ведомость, штаб ОКЖ уведомил его, что «не все суммы были внесены на приход»³¹².

В 1899 г. внимание жандармского начальства привлекли просьбы полковника К.Е. Семенова к городскому управлению отводить себе и унтер-офицерам квартиры натурой вместо получаемых денег на съем. Штаб ОКЖ информировал, что такая практика допустима только когда «нет никакой возможности нанять квартиру с отоплением и освещением», что не являлось случаем Архангельска. Штаб сомневался, что жандармам пойдет на благо, если размер площади мест дислоцирования увеличится, но за счет более отдаленных квартир. В свою очередь, начальник АГЖУ пояснял, что чины желают получать квартиру натурой, чтобы не заниматься самим поисками приличного жилья и проверять его состояние. Он получил разрешение запрашивать квартиры натурой, но только так, чтобы это не выглядело как вымогательство добавочных квартирных денег³¹³.

По строевой части начальство АГЖУ вело дела о проступках нижних чинов и наложении на них взысканий. Уволить за малограмотность и дурное поведение могли не только жандарма, но и писаря как представителя нестроевой должности. В 1897 г. М.А. Роменский вел переписку с командиром городского батальона по поводу увольнения писаря Покровского, который в пьяном виде не отдал честь начальству. Пьянством и вызывающим поведением Покровский в итоге добился своего ареста. Чтобы позже его освободить, требовалось разрешение также командира батальона³¹⁴. Собственные писари вполне могли служить местным жандармам причиной досадных случаев. В 1901 г. писарь Кожевников оскорбил нецензурным выражением императорскую особу, сидя в винном погребе, что слышали свидетели. По характеристике от начальника АГЖУ

³¹² ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5085. Л. 69.

³¹³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5171. Л. 10-11, 13-15

³¹⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5162. Л. 12, 34.

А.А. Вейтбрехта, Кожевников политически благонадежен, но до того уже был замечен в нетрезвом состоянии³¹⁵.

Не всегда положительные выводы АГЖУ делало и при оценке состояния дополнительного штата. В результате смотра 1900 г. полковником Вейтбрехтом отмечалось, что строевая подготовка, шашечные приемы, маршировка «выполнялись не стройно и не отчетливо». Теоретические познания местных жандармов о деятельности ГЖУ «не очень хороши», а ответы на опросы по наблюдательной и следственной деятельности сбивчивые. Не удовлетворяло и качество стрельбы, хотя воинская дисциплина «находится на должном уровне, а одежда и вооружение хранится в относительно хорошем состоянии». Недостатки объяснялись тем, что от унтер-офицеров, в силу удаленности жандармских пунктов, не требовалось регулярно являться в Управление на обучение³¹⁶. К проблемам, связанным с расстояниями, связан и тот факт, что объезды районов велись нерегулярно, не имелось журналов объездов, что должно быть «срочно исправлено». Более того, смотр показал, что делопроизводство на пунктах ведется «совершенно не правильно», неразборчиво и не по установленной форме.

Между тем, требования к правилам объездов районов и ведения отчетности были едины для всех ГЖУ и имели тенденцию становиться более строгими. Например, по приказу ОКЖ в 1900 г. унтер-офицеры были обязаны присутствовать на месте по приезду губернатора в подведомственный им район³¹⁷. В 1904 г. подполковник И.Д. Петровский проехал 2119 верст от Архангельска до Онеги, затем до Кеми и обратно в губернский город³¹⁸, и это учитывая, что он был к тому времени единственным помощником в штате АГЖУ. Петровский периодически доезжал до Колы и мог преодолевать 2239 верст по маршруту Архангельск-

³¹⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 120. Л. 52, 56.

³¹⁶ Там же. Л. 58-59.

³¹⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5068. Л. 35.

³¹⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5289. Л. 1.

Холмогоры-Мезень-Усть-Цильма-Ижма и обратно ³¹⁹. Таковы были негативные последствия сокращения должностей помощников начальника АГЖУ, что длились с 1897 г.

Структурные вопросы, с которыми сталкивалось АГЖУ в 1880-1905 гг. были довольно далеки от актуальных забот вновь образованных ДП и охранно-розыскных отделений, хотя, как и в случае с общим положением, местная политическая полиция усилила и расширила состав. Даже в случае свертывания отделения во главе со штаб- или обер-офицером, нижние чины сохраняли присутствие в уездном городе. С другой стороны, обязанность унтер-офицеров состояла в наблюдении за местностью, но не в аналитике получаемых данных, что было прерогативой именно помощников. Качество общей работы жандармского ведомства неминуемо снизилось к 1905 г., в то время как социальная напряженность в губернии нарастала.

В указанный период появляется новая жандармская структура – Архангельское отделение Московско-Архангельского ЖПУ железных дорог (АО ЖПУ). С конца 1894 г. власти активно обсуждали с ОКЖ строительство новой железнодорожной линии от Вологды до Архангельска. Приказом по Корпусу от 4 мая 1895 г., на основании императорского указа, утверждался жандармский надзор: в составе Московского ЖПУ ж.д. были созданы Вологодское, Ниженское и Архангельское отделения. Последнему, силами вахмистра и 12 унтер-офицеров, надлежало контролировать дорогу протяженностью в 200 верст ³²⁰. 12 мая 1895 г. ротмистр Н.А. Шпейер назначался начальником Архангельского отделения. Приступив к службе, он ознакомил унтер-офицеров с выпиской из санитарных правил содержания рабочих при постройке Вологодско-Архангельской линии. С июля 1897 г. Московское ЖПУ ж.д. было переименовано в Московско-Архангельское.

Со временем ротмистр заметил, что жандармы ведут служебную переписку небрежно и неаккуратно. На тот момент АО ЖПУ делилось на 9

³¹⁹ Там же. Л. 12.

³²⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 4. Д. 929. Л. 27-28.

участков, каждый под ответственностью станционного унтер-офицера³²¹. Помимо прочего, в обязанности начальника отделения входил контроль строительства. Объезжая вверенный район, Н.А. Шпейер заразился брюшным тифом, от которого не оправился и в сентябре 1897 г. умер³²². Его вдове назначалась пожизненная пенсия. Новым начальником Архангельского отделения стал ротмистр А.О. Милевский, а затем ротмистр В.В. Тржецяк, чья дальнейшая жандармская карьера была примечательной. Ему, в частности, будет доверено формировать агентуру на Балканах, а в 1905 г. подполковник Тржецяк возглавит Московское охранное отделение³²³.

Чинам АО ЖПУ следовало осуществлять полицейские функции в полосе отчуждения железной дороги, которая была до 1916 г. однопутной. Путь от Вологды до Архангельска стал завершающей частью Московско-Ярославско-Архангельской линии в составе Северных железных дорог. В 1898 г. от Вологды до Архангельска располагалось 18 станций, а расстояние составляло 596 верст. За этот год пассажиропоток составил 98316 человека, что было довольно много для вновь открытого участка³²⁴.

В основном жандармы АО ЖПУ выполняли административно-контрольные функции, надзирая за общим порядком и безопасностью, а также расследуя несчастные случаи и преступления (чаще всего кражи, драки и прочие не примечательные в политическом смысле дела). Они также должны были знать распоряжения железнодорожной администрации о противопожарных, врачебно-санитарных и других мерах, контролировать их исполнение³²⁵. Нижним чинам полагалось 180 рублей жалованья и серебряный шеврон из узкого галуна на левый рукав мундира³²⁶. Начальник ЖПУ ж.д. издавал приказы, касавшиеся строевой (перемещения, отпуска,

³²¹ ГАРФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 725. Л. 1, 3 об, 8.

³²² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 8400. Л. 15, 19.

³²³ Павлов Д.Б. На пути к Цусиме. Бессмертный поход 2-й Тихоокеанской эскадры. М., 2011. С. 187-188.

³²⁴ ГААО Ф. 6. Оп. 2. Д. 57. Л. 1 об; Оп 14. Д. 7. Л. 1.

³²⁵ Кузнецов С. А. Деятельность жандармских полицейских отделений по охране железных дорог нижнего Поволжья в конце XIX начале XX вв.// Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2009. № 15. С. 138.

³²⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 4. Д. 1. Л. 18 об.

увольнения, больничные, выплаты и пособия), хозяйственной (снабжение чинов, расходы) и жандармско-полицейской части. К последней относились, в числе прочего, различные благодарности унтер-офицерам, например, за спасение человека из-под колес поезда.

Помимо Архангельского, в ЖПУ ж.д. входили и другие отделения, их число и состав регулярно изменялись. В условиях удаленности станций друг от друга и протяженных расстояний для отделений ЖПУ были характерны частые кадровые перестановки, не вполне удобные для службы решения. Например, с начала 1901 г. начальнику АО ЖПУ ротмистру В.Н. Тошакову довелось также исполнять должности начальников Нименского и Вологодского отделений. Имелись проблемы и в работе нижних чинов. Было замечено, что иногда железнодорожные жандармы отказывают в содействии полиции, что недопустимо³²⁷. Однако постепенно устройство службы на железной дороге наладилось, несмотря на то, что для Архангельской губернии движение поездов стало большим новшеством. В 1904 г. В.Н. Тошаков при инспекции заключил, что «в строевом и умственном отношении все нижние чины показали себя хорошо»³²⁸.

Основным фактором, определявшим специфику политического сыска в губернии в 1880-1905 гг. и характер его взаимодействия с другими государственными ведомствами, оставалась административная ссылка. Точный подсчет динамики численности ссыльных в этот период затруднен в силу противоречивых данных общих отчетов и алфавитных списков поднадзорных. Известно, что в целом по стране в этом вопросе существовала неразбериха, на что обращал внимание ДП, замечая неточности в ведомостях³²⁹. В 1880-х гг. число ссыльных постепенно уменьшалось за счет политики ДП по «разгрузке» губерний. К 1882 г. общая численность поднадзорных в губернии составляла 239 человек, в 1889 г. равнялась 270 (из

³²⁷ ГАРФ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 12. Л. 3, 4 об.

³²⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 4. Д. 1. Л. 41.

³²⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 2. Л. 15.

них 64 в Архангельске), в 1892 г. – 225³³⁰. Несмотря на политику ДП по сокращению ссылки, на местах для полиции иногда было достаточно даже факта общения человека со ссыльными, чтобы подвергнуть его самого административной высылке. К примеру, в 1884 г. житель Вологодской губернии А.А. Шустиков по этой причине смог избежать ссылки в Пинегу только потому, что его заступник из волостного правления был дружен с начальником Вологодского ГЖУ Н.Э. Винклером³³¹.

В 1880-х гг. местная социально-политическая обстановка оставалась вполне стабильной. В обзоре за 1883 г. А.Н. Щетинин писал, что «никаких случаев политического характера» в губернии не было³³². В основном критические замечания начальника АГЖУ касались вопросов хозяйствования и недочетов в работе местных ведомств, отдельных чиновников. Особенно много полковник писал о недостатках службы полицмейстера Г.Н. Ахвердова. Ссыльные, согласно обзору, вели себя удовлетворительно, жандармами было получено и просмотрено только две их корреспонденции³³³. Последний факт означал для АГЖУ, что ссыльные не пишут от собственных имен, а ведут переписку через привлечение третьих лиц. В политическом обзоре за 1887 г. М.Г. Крестинский отмечал, что в губернии, «почти не испытывая гнета эксплуататоров, население никогда не обнаруживало какого-либо движения в смысле протеста»: фабрик нет, а лесопильный завод только один. Ссыльных всего 56, в Архангельске они не живут, но иногда сближаются с местными сельскими учителями³³⁴.

Переписка и взаимодействие АГЖУ с местной администрацией в этот период становятся более адекватными ситуации, в отличие от 1860-х гг. Это касалось в основном именно вопросов, связанных с надзором за ссыльными и

³³⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.3. Д. 131. Л. 22 об; Оп. 9. Д. 522. Л. 48; Д. 526. Л. 47; Д. 531; Оп. 11. Д. 29. Л. 2, 46.

³³¹ Орешина М.А. Из архивного наследия деятелей культуры Русского Севера второй половины XIX – начала XX века. М., 2006. С. 142-144.

³³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 80. Д. 88 ч. 34. Л. 2.

³³³ Там же. Л. 6, 17.

³³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 84. Д. 89 ч. 15. Л. 1-3.

было обусловлено тем, что в вопросах сыска Департаменту полиции подчинялись и ГЖУ, и общая полиция.

Необходимость регулярного и полноценного сотрудничества между правоохранительными органами постоянно подчеркивалась циркулярами ДП. Урядники, к примеру, были должны своевременно сообщать ГЖУ о приметах лиц, находящихся в розыске, о побегах ссыльных³³⁵. Периодически Департамент предписывал губернаторам разыскивать лиц под негласным надзором, изменивших местоположение. Если поднадзорный обнаруживался в какой-либо губернии, то попадал под местный негласный надзор, о чем в отдельных случаях было необходимо уведомлять начальника ГЖУ, в чьей местности ранее пребывал поднадзорный³³⁶.

Разъясняя «Положение о полицейском надзоре» 1882 г., МВД обращало внимание, что просмотру подлежат не только письма, но и посылки для ссыльных, причем в губернском городе перлюстрация становилась обязанностью начальника ГЖУ, а в уездах – исправников. Товарищ министра П.В. Оржевский в циркуляре губернаторам подтверждал, что ГЖУ имеет право требовать от общей полиции сведения о лицах под негласным надзором, и при этом губернатор не может препятствовать жандармам. Полиция должна «оказывать полное содействие чинам ОКЖ по исполнению ими служебных обязанностей»³³⁷. Так в работе ГЖУ и полиции безусловно требовалась слаженность и оперативное устранение разногласий, однако часто подобные циркуляры ДП носили декларативный характер, не прописывая конкретные пути повышения качества взаимодействия чинов.

Ближе к началу XX века из-за ежегодного роста по России числа ссыльных и «организаций с преступными целями», «Положение о негласном надзоре полиции» отменялось как не отвечавшее новым условиям. Начинался новый этап в истории революционного движения –

³³⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 2. Л. 3, 66-68.

³³⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 61. Л. 1-3. Подробнее см.: Резанов А.Д. Взаимодействие жандармов и чинов полиции в Архангельской губернии середины XIX – начала XX века // Вестник Вологодского государственного университета. Серия «Исторические и филологические науки». 2024. №3. С. 22-25.

³³⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

«пролетарский», как его понимала советская историография. Его также можно характеризовать как «партийный», так как прежде революционные структуры не имели ярко выраженной партийной организации.

Вплоть до выхода «Манифеста 17 октября» 1905 г. любые партии были вне правового поля. Для Архангельской губернии, в силу этого обстоятельства, последние годы XIX века привели к очередному изменению характера административной ссылки: ее численность резко возросла, так как выслать человека стало возможно по факту его принадлежности к партийной организации или объединению. Ссылка стала более многочисленной, что привело к необходимости «единства в способе отправления приговоренных к высылке лиц в места пребывания». Из некоторых губерний высылка на Север шла по этапам, но иногда допускались такие варианты как личный коновой или проезд по проходным свидетельствам. Последний вариант был сочтен МВД в 1902 г. наиболее опасным и нежелательным, так как ссыльные, пользуясь случаем, сбегали. Что до конвоиров – их явно больше не хватало на каждого ссыльного. Потому ДП счел, что должен доминировать этапный способ высылки в качестве «нормального способа передвижения»³³⁸. При этом итоговый выбор способа отправки определялся губернатором. Если это был конвой, то отвлекать жандармские чины от службы для сопровождения высланных допускалось лишь в крайних случаях.

В этих условиях Архангельская губерния стала заполняться ссыльными. Уже в 1898 г. К.М. Норинский заметил, что в Архангельске образовалась большая колония³³⁹. А.П. Цикарев отмечал: «после недолгого затишья, в 1903 г. партии ссыльных стали пребывать в Архангельск, а затем губернатор распределял их по уездам»³⁴⁰. Администрации предписывалось вести списки всех поднадзорных, а также тех, кто заподозрен в ненадежном образе жизни. Эти документы затем сдавались на хранение в охранное

³³⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 516. Л. 31-32 об.

³³⁹ Залежский В.Н. Восемь побегов. М., 1923. С. 4. Норинский К.М. Под надзором полиции. Воспоминания. М., 1974. С. 80.

³⁴⁰ ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 80. Л. 1.

отделение, а при его отсутствии – в ГЖУ. Полицейско-жандармские анкеты должны были прежде всего отнести ссыльного к «привилегированному» или «непривилегированному» сословию: от этого зависела сумма выплачиваемого пособия³⁴¹.

В случае побега состоящего под гласным надзором, полиции надлежало при обнаружении обыскать его, арестовать и доложить в ГЖУ, от которого ссыльный скрылся. Розыск по указу ДП подлежал прекращению в случае убийства поднадзорного, естественной смерти или его задержания при побеге³⁴². При этом начальники ГЖУ могли представлять в 3-е делопроизводство ДП списки лиц, которых возможно освободить от надзора. С конца 1902 г. начальник АГЖУ А.А. Вейтбрехт приказывал ежемесячно доставлять с жандармских пунктов списки всех гласных и негласных поднадзорных с данными об их местах жительства и занятиях, чтобы указать в ДП, за кем надзор не целесообразен. Так в 1903 г. Архангельской губернии было освобождено 11 человек³⁴³.

Судя по письмам от МВД начальникам ГЖУ, понятие о негласном надзоре и негласном наблюдении смешивалось на практике. В то время как надзор являлся общим «наблюдением за лицами сомнительной политической благонадежности», негласное наблюдение – «мера исключительно розыскная», учреждаемая ДП или местными властями временно, для проверки сведений о вредном лице и выявления его связей³⁴⁴. АГЖУ активно включилось в работу по систематизации надзора за ссыльными и розыск беглецов. Это подтверждается стабильностью получения АГЖУ ведомостей о негласных поднадзорных в то время, когда его структура еще не была сокращена. Каждый уездный помощник направлял сведения в Архангельск,

³⁴¹ Супрун М.Н., Косухин С.Я. Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX – начале XX вв. Вологда, 1989. С. 10-11.

³⁴² ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 41. Л. 5.

³⁴³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 129; 246; 272. Л. 72.

³⁴⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 3. Л. 40.

причем из Печорского уезда, за неимением жандармского помощника, ведомости направлял исправник³⁴⁵.

При этом не всегда отношения АГЖУ с полицией носили характер, отвечавший интересам укрепления порядка и безопасности в губернии. Чаще всего это определялось не высоким уровнем подготовки общей полиции на местах. К примеру, в 1884 г. губернский прокурор Р.К. Краус писал губернатору К.И. Пащенко, что чины полиции извещают его и АГЖУ о государственных преступлениях лишь кратко (или вовсе не извещают), в то время как обязаны вести подробные протоколы при начальном следствии. Один из исправников к тому же не передал дело об оскорблении императорской особы в АГЖУ, а сам стал выяснять степень вины подозреваемого³⁴⁶. А.Н. Щетинин отмечал слабость местной полиции: каждый день происходят кражи, а чины только составляют протоколы, виновные не находятся. После этого губернатор Пащенко заявил в ДП, что полицейские делают все, что могут «при скудных возможностях»³⁴⁷.

В 1897 г. непосредственно из ДП обратили внимание, что в Архангельской губернии полицией «с недостаточной строгостью применяется Положение о гласном надзоре»³⁴⁸. В том же году, когда полковник Роменский указал А.П. Энгельгардту на неточности доставляемых полицией данных, последний отмечал, что, «насколько известно», преступления по ст. 246 «Уложения о наказаниях» в Архангельской губернии «очень редки». Поэтому он «находит неудобным» выпустить циркуляр для полиции с разъяснением порядка сообщения данных в АГЖУ о государственных преступлениях³⁴⁹. М.А. Роменский писал также, что полицейские чины самовольно возбуждают дознания по государственным

³⁴⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 92. Л. 59.

³⁴⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.1. Д. 2783. Л. 1-2, 11.

³⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 3. Д. 388. Л. 3.

³⁴⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.3. Д. 223. Л. 1.

³⁴⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 83. Л. 407.

преступлениям, чем нарушают «Устав уголовного судопроизводства», но не смог привести губернатору конкретные факты³⁵⁰.

В целом подобные случаи являлись неотъемлемым осложнением бюрократии в устройстве правоохранных ведомств и не содержали признаков противостояния жандармов и «гражданской» полиции, хотя их сближение в деле систематизации надзора и сотрудничества в предварительных расследованиях протекало нелегко.

Круг взаимодействия жандармских структур с губернскими учреждениями не исчерпывался вопросами ссылки и порядка ведения дознаний, поскольку в данный период АГЖУ укрепило свою деятельность в общем устройстве губернии. Так, канцелярия губернатора систематически уведомляла начальника АГЖУ о выдаче паспортов лицам на выезд за границу, а таможня информировала о прибытии иностранных пассажиров с имеющимися паспортами. Жандармы передавали от ДП губернатору для местной полиции списки и фотокарточки бродяг³⁵¹.

Заметной формой работы АГЖУ становится выдача справок о «политической благонадежности», которые оформлялась по обращению губернатора. Во-первых, различные ведомства достаточно активно обращались с запросом к губернатору о чьей-либо благонадежности, так как подобное свидетельство требовалось на вступление в важные с точки зрения государства должности, хотя и не высокие. Например, земского фельдшера, учителя, преподавателя воскресной школы, блюстителя училища и т.д.³⁵² Во-вторых, за свидетельством о благонадежности к губернатору могли обращаться частные лица. Это было необходимо, например, при поступлении в высшее учебное заведение или училище, на высшие женские курсы; для открытия учебных заведений, права книжной торговли, получения звания домашней учительницы и по многим другим поводам.

³⁵⁰ Там же. Л. 11.

³⁵¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 141; Ф. 1. Оп. 4, т.1. Д. 2840.

³⁵² ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1845. Л. 9; Д. 2029. Л. 6.

В обоих вариантах обращения губернатор направлял соответствующий запрос в АГЖУ. В среднем время ответа от жандармов о степени благонадежности того или иного лица составляло три дня. В особо важных случаях запрашивался также рапорт полицмейстера об общем поведении кандидата на должность. В отдельных случаях, связанных с работами на железных дорогах, губернатор обращался в АО ЖПУ. В 1895 г. полковник В.Д. Коренев просил А.П. Энгельгардта при запросе о благонадежности того или иного лица более не обозначать его причину на основании циркуляра МВД от 29 ноября 1891 г.³⁵³

Затребовать сведения о благонадежности у АГЖУ могли из прокуратуры и ДП³⁵⁴, а также из охранных отделений. В 1888 г. Петербургское охранное отделение просило АГЖУ подвергнуть негласному надзору беглого ссыльного из Екатеринослава при обнаружении в Архангельске, где он появился, судя по агентурным сведениям³⁵⁵.

Расширению контактов АГЖУ с местными властями способствовала судебная реформа. Хотя Государственный совет не считал своевременным введение в Архангельской губернии новой судебной системы в полном объеме, в 1888 г. было принято решение об учреждении мировых судов, а в 1896 г. в Архангельске учреждался Окружной суд в составе Московской судебной палаты. В июле он был торжественно открыт³⁵⁶. Уточнялись функции прокурора Окружного суда и жандармов в ведении «политических» дел: если прокурор инициировал дознание, начальник АГЖУ должен был сообщать об этом в Московскую судебную палату, или сообщить об основаниях для прекращения дознания, если таковые имелись. Прокурор Палаты мог отклонить предложение АГЖУ о возбуждении дела. Если оно

³⁵³ ГААО. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1868. Л. 63.

³⁵⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 14. Л. 5, 12.

³⁵⁵ Там же. Л. 15-16.

³⁵⁶ Чижов Ю.А. Проведение судебной реформы 1864 года в Архангельской губернии // Вестник Чувашского университета. 2010. №4. С. 115-116.

было выдающимся, прокурору Окружного суда следовало приступать к производству формального дознания немедленно³⁵⁷.

Периодически МВД просило АГЖУ выслать жандарма в суд в качестве свидетеля по делу, после чего унтер-офицер получал соответствующую повестку, а начальник АГЖУ уведомлял мирового судью, что экземпляры вручены³⁵⁸. Так жандармы углубляли сотрудничество не только с губернатором и полицией, но и с чинами новых судебных ведомств. Кроме того, когда в 1897 г. в Архангельске было открыто Губернское по фабричным делам присутствие, в его состав вошел М.А. Роменский³⁵⁹.

Жандармам приходилось вступать в контакт не только с государственными институтами, но и со своими непосредственными «противниками» - политическими ссыльными как «неблагонадежным элементом». Воспоминания ссыльных, побывавших в губернии, содержат не так много данных о чинах АГЖУ, что логично, учитывая, что непосредственный надзор за ними был прерогативой полиции. Тот факт, что жандармы не стремились попадаться ссыльным на глаза, косвенно подтверждается мемуарами Веры Фигнер, которая находилась в архангельской ссылке в 1904-1905 гг. и писала лишь о жандармах-конвоирах из Петербурга³⁶⁰. Сами ссыльные также не были заинтересованы в том, чтобы становиться предметом жандармского внимания. Достаточно было проводить собрания, чтобы чины АГЖУ это заметили и захотели «сотворить дело»³⁶¹.

А.А. Дивильковский описывал местных унтер-офицеров как «учтивых и вежливых». Его воспоминаниям принадлежит описание ведомственной конкуренции. После того, как одного ссыльного посетил неизвестный осведомитель, жандармы решили, что ДП «хочет тайком контролировать бдительность надзора в Архангельске», о чем доложили в штаб ОКЖ (у

³⁵⁷ ГААО. Ф. 66. Оп 1. Д. 3. Л. 2; Д. 18. Л. 35, 39.

³⁵⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5275. Л. 1-6.

³⁵⁹ Балова М.Б. Изменения в структуре местных органов государственного управления в Архангельской губернии во второй половине XIX в. // *Wschodni rocznik humanistyczny*. 2014. Tom X. S. 347.

³⁶⁰ Фигнер В.Н. После Шлиссельбурга. Л., 1925. С. 9-11.

³⁶¹ Фишер Г.М. Подполье. Ссылка. Эмиграция. Воспоминания большевика. М., 1935. С. 104.

Дивильковского – «Округ»). Так между ведомствами «пошла расти и ветвиться сугубая кутерьма недоразумений»³⁶². Из этого же отрывка следует, что АГЖУ располагало в начале XX века несколькими осведомителями, возможно, из числа ссыльных. Это было бы не удивительно, так как известны многочисленные факты их сотрудничества с полицией³⁶³.

Архангельские жандармы были «особенно встревожены», когда в губернском центре и уездах в начале 1904 г. стали распространяться сотни революционных прокламаций³⁶⁴. При описании последующей реакции на убийство В.К. Плеве ссыльным запомнились многочисленные обыски жандармов и полиции (Приложение 4). М.В. Ильинский писал о «набегах» в уезды, которые летом «теряли в секретности» из-за белых ночей. Часто подобные экстренные обыски и аресты производились без прокурорского предписания. Так, ссыльный Ю.Г. Кок в Пинеге после внезапного ареста был избит крестьянами, «натравленными» городскими, затем отправлен в тюрьму Архангельска³⁶⁵. Ю.Н. Лавринович называл обыски этого периода «жестокими и бессмысленными». Чины АГЖУ «целыми толпами во всякое время дня и ночи врываются в квартиры наиболее излюбленных ими для таких случаев ссыльных...», производили в поисках прокламаций «разгромы, напоминавшие разбойничье нападения»³⁶⁶.

Массовые обыски с последующими возбуждениями дознаний стали актуальны в предреволюционный период, но в основном до начала XX века АГЖУ продолжало работать в привычном порядке. Уездные штаб- и обер-офицеры ежемесячно высылали начальнику ведомости о проведенной работе. В среднем, в 1880 г. в производстве АГЖУ находилось от 2 до 6

³⁶² Дивильковский А.А. Архангелогородское сидение // Вестник Европы. 1911. Книга 9. С. 257-258.

³⁶³ Политическая каторга и ссылка. М., 1934. С. 9-15.

³⁶⁴ Ильинский М.В. Архангельская ссылка. СПб., 1908. С. 52.

³⁶⁵ Там же. С. 89-91.

³⁶⁶ Лавринович Ю. Н. В архангельской ссылке // Былое. 1907. № 4. С. 278. Подробнее см.: Резанов А.Д. Образ жандарма в воспоминаниях политических ссыльных Архангельской губернии (конец XIX-начало XX в.) / Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации. Ч. 2. Вологда, 2024. С. 216-221.

дознаний в месяц, главным образом по ст. 246 «Уложения о наказаниях»³⁶⁷. Из 68 отдельных следственных действий и проверок по наблюдательной части 21 приходились на Архангельск. Почти половина подобных дел велась жандармами по требованию и совместно с прокурором. Пять дел за год проводилось в порядке «Правил» от 1 сентября 1878 г.³⁶⁸ Последние были отменены в сентябре 1881 г., когда «Положение о мерах к охранению» дало ГЖУ схожий, но более удобный вариант сокращенного расследования.

Дознания о государственных преступлениях продолжали вестись общим порядком уголовного производства по статьям 1032-1065 «Устава». Такой порядок применялся и к делам о противозаконных сообществах, предусмотренных в статьях 318-324 «Уложения о наказаниях»³⁶⁹. В 1903 г. Николай II утвердил новое «Уголовное уложение». Главы о государственных преступлениях («О бунте против верховной власти», «О государственной измене», «О смуте») успели вступить в силу закона³⁷⁰.

Форма сведений об обвиняемом к 1896 г. стала весьма подробной. Помимо прочего она учитывала «народность» привлеченного к дознанию, что опровергает заявления о том, будто бы в Российской империи не было понятия о национальном происхождении, и его якобы заменяло «вероисповедание»³⁷¹. Доминирующим поводом к возбуждению формальных дознаний служили оскорбления императора. По таким делам правом ареста обладал исправник, уведомляя о начальном следствии губернатора, прокурора и начальника АГЖУ. Последний решал, есть ли основание для возбуждения дознания в порядке ст. 1035 «Устава»³⁷². Чаще всего «оскорбления» проявлялись в пьяных выкриках, спорах в трактирах и т.д. Поскольку АГЖУ вполне логично не видело в подобных «государственных

³⁶⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 53. Л. 5,18, 46.

³⁶⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5073. Л. 108.

³⁶⁹ Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов Губернских Жандармских Управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний. СПб., 1903. С. 227.

³⁷⁰ Новое Уголовное уложение, высочайше утв. 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 42-57.

³⁷¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 77. Л. 62.

³⁷² ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 230. Л. 12.

преступлениях» опасности, в большинстве случаев ДП разрешал дела по ст. 246 «Уложения о наказаниях» административным порядком.

Когда «оскорбление» заключалось в действии, могло последовать более серьезное наказание: в 1901 г. крестьянин Рыжков сделал на портрете императора непристойные надписи, за что был отправлен под особый надзор полиции³⁷³. Порою подобные дознания возбуждались по курьезным случаям. Например, в марте 1883 г. губернатор П.А. Полторацкий интересовался у АГЖУ, не имеется ли «дерзких слов» против императора в заявлении московского мещанина Э. Мендельсона. 26 февраля становой пристав на ярмарке пришел в его лавку и наложил арест на товар в связи с незаконной торговлей восковыми свечами. На это Мендельсон сопротивлялся и сказал, что никому, «даже царю» не позволит распоряжаться у себя в лавке. Дело было возбуждено, однако в итоге прекращено за недостаточностью улик и показаний свидетелей³⁷⁴.

С ходатайством о возбуждении дознания мог обратиться не только прокурор, но и другие ГЖУ, ЖПУ ж.д., а также канцелярия императора³⁷⁵. Дознания по предложению Канцелярии проводились ближе к XX веку на регулярной основе. Они касались разрешения семейных споров, наблюдения за образом жизни, поведением, занятиями и нравственными качествами какого-либо супруга или родителя³⁷⁶. Последнее требовалось при оспаривании бывших супругов права друг друга на воспитание ребенка. АГЖУ полагалось описать моральный облик каждого родителя.

Множество дел, которые вело АГЖУ, не могло быть расследовано даже на уровне дознания в виду малочисленности улик, отсутствия свидетелей или подозреваемых. Например, в 1881 г. А.Н. Щетинин получил донесение помощника в Шенкурском уезде А.Н. Тимофеева о том, что местным крестьянам пришли из столицы письма преступного содержания,

³⁷³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 8. Л. 19.

³⁷⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4. Л. 13-14.

³⁷⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 103. Л. 80, 107-108, 142.

³⁷⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 123. Л. 2.

включавшие прокламации «Земли и воли» и деньги³⁷⁷. Начальник АГЖУ предположил, что «со здешней местностью ведется преступная переписка», а губернатор М.М. Кониар счел, что письма преследовали цель «возбуждения крестьянами недовольства их земельными наделами» для склонения к бунту³⁷⁸. В виду необходимости перлюстрации, для АГЖУ был установлен порядок вскрытия почтовой корреспонденции ссыльных, однако ни к каким следам этот инцидент не привел.

В 1895 г. заведующий Архангельской больницей Приказа общественного призрения П.К. Большесольский получил письмо с «летучим листком» Фонда вольной русской прессы в Лондоне. Он отнес письмо прокурору, но оснований к возбуждению дознания не обнаруживалось. Иногда дознание было к тому же невозможно проводить из-за погодного фактора, такого как осенняя распутица³⁷⁹.

В феврале 1897 г. группу ссыльных из Шенкурска заподозрили в «тайной подрывной деятельности». Дознание началось с обысков у В.И. Маноцкова, когда была обнаружена прокламация, подписанная пятью социал-демократами и тремя революционерами из фракции «Народное право». Обвинение было предъявлено 36 ссыльным, но против большинства из них дознание прекратилось в мае за недостаточностью улик³⁸⁰. Трое фигурантов были заключены в тюремный замок на три месяца.

Помимо формальных дознаний АГЖУ приступает к ведению дел в порядке, предусмотренном «Положением о мерах к охранению». Примером охранной переписки в этот период может служить расследование о 8 рабочих, которые, по сообщению старшего фабричного инспектора, устроили 4 октября 1901 г. беспорядки на лесопильном заводе П. А. Беляева в селе

³⁷⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.1. Д. 2478. Л. 1.

³⁷⁸ Там же. Л. 2 об, 11.

³⁷⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 68. Л. 12, 36.

³⁸⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 83. Л. 60, 280.

Умба Александровского уезда³⁸¹. О результатах этого дела А.А. Вейтбрехт отчитывался в ДП и прокурору Московской судебной палаты.

«В порядке охраны» велось также дело об агитации ссыльного Юлиуса Кока в ветеринарно-фельдшерской школе. По его итогу мера пресечения Ю.Г. Коку с негласного наблюдения была изменена на заключение в Архангельский тюремный замок, однако 20 ноября 1901 г. Кок был отпущен за «сомнительностью доказательств», хотя дело было крупным и вызвало обыски в Вологде и Перми³⁸². Ведение дел «в порядке охраны» сопрягалось с организационными затруднениями. В 1904 г. ДП несколько раз указывал полковнику Вейтбрехту на неправильное применение порядка «охранного производства». Как разъяснялось, дело в данной форме может быть возбуждено о лице, но не о факте преступления. К тому же начальник АГЖУ начал вести охранную переписку, столкнувшись с распространением среди рабочих лесозавода Карла Стюарта преступных воззваний, в то время как должен был «ограничиться возбуждением формального дознания и негласного наблюдения с розыском»³⁸³.

В целом, какие-либо громкие дознания или «переписки», которые позволили бы выявить в губернии организованную сильную группу революционеров, были редки в виду периферийного положения Архангельской губернии. А.П. Энгельгардт в отчете 1895 г. утверждал, что, несмотря на благоприятное положение у моря, которое должно придавать губернии исключительное государственное и политическое значение, «край остался как бы забытым, заброшенным и отрезанным от остальной России»³⁸⁴. На тот момент единственным связующим звеном с центральной Россией становилась лишь строящаяся линия железной дороги из Вологды, поэтому революционный элемент, если попадал в Архангельск, то чаще всего только по этапам ссыльных.

³⁸¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 122. Л. 4.

³⁸² Там же. Л. 15, 63; Трапезников В.Н. Политическая ссылка во время первой русской революции (1904 – 1905 гг.) // Каторга и ссылка. 1928. № 12 (49). С. 116.

³⁸³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1. Л. 47-48.

³⁸⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 543. Л. 1.

Уже в 1898 г. местные политссылные образовали первый рабочий кружок РСДРП³⁸⁵, но для развития социалистических идей среди местного населения до начала XX века не было необходимых условий. Политический обзор полковника К.Е. Семенова за 1899 г., сосредоточенный в основном на экономике и не отмечавший никакой активности революционеров, освещал в первую очередь роль традиционных промыслов³⁸⁶. Рабочий класс в губернии был слаб, плохо организован, далек от политической борьбы, также и крестьянское движение являлось слабо организованным и преимущественно аполитичным³⁸⁷. Местный комитет РСДРП оформился к концу 1903 г. во главе с А.А. Эком, которого позже сменил К.И. Покровско-Водоватовский (оба являлись политссылными). Социал-демократы были в губернии мало заметны, повышая затем степень активности только вместе с социалистами-революционерами. Вместе они, часто вообще не разделенные по партийному признаку, образовали большинство в составе ссылки.

В то же время и Партия социалистов-революционеров была активна в стремлении влиять на жизнь губернии. Циркуляр ДП по Особому отделу от 19 августа 1903 г. обращал внимание на энергичность ПСР и ее боевой организации, к которой примкнули многие революционеры бывшей «Народной воли». К ноябрю от ГЖУ требовались сведения обо всех выявленных эсерах в губернии. В течение 1903-1904 гг. в городе и уездах активно распространялись прокламации, направленные на различные категории населения: ссыльных, рабочих, солдат. В росте агитации подозревались именно местные члены организации ПСР³⁸⁸. С эсерами однозначно было связано распространение в Архангельске в 1904 г. прокламаций «Что делается в царских застенках», экземпляр которой был

³⁸⁵ Малиновский В.В., Косухин С.Я. Архангельская социал-демократическая ссылка к. XIX - н. XX вв. // Из истории политической ссылки на Европейском Севере. Вологда, 1978. С. 61.

³⁸⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. Д. 1 ч. 58 л. А. Л. 2-5.

³⁸⁷ 1917-1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. Архангельск, 1927. С.7. Новикова Л.Г. Провинциальная контрреволюция. Белое движение и Гражданская война на Русском Севере, 1917-1920. М., 2011. С.33.

³⁸⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 140. Л. 493; Оп. 4, т. 3. Д. 390.

обнаружен у крыльца дома исправника Ф.Г. Волыхина. Возбужденное дознание было прекращено «за необнаружением виновных»³⁸⁹.

В ночь на 17 июля 1904 г. архангельская группа СР распространяла по городу прокламации «К обществу на убийство Плеве». Процесс дознания по этому делу запустил множество обысков и арестов среди ссыльных, что для последних стало непривычным, резким усилением розыска. Жандармы обнаруживали большое количество революционных воззваний и нелегальной литературы, но в итоге полковник Вейтбрехт заключил, что выявить «конечных виновных в воспроизведении и распространении воззваний не представляется возможным»³⁹⁰.

В 1904 г. выпуском прокламаций дали о себе знать и социал-демократы во главе с А.К. Петровым. В январе около ста человек провели в Архангельске демонстрацию, которая осталась, по мнению местного комитета РСДРП, незамеченной жандармами³⁹¹. Однако в октябре подполковник И.Д. Петровский уже знал, что организация состоит из семи членов, и что борьба с ней станет успешной «только если чины АГЖУ будут иметь поддержку высшей местной администрации»³⁹². Месяцем ранее подполковник вместе с товарищем прокурора нагрянул в Пинегу в поисках прокламаций. Он «топал ногами» на старуху, что доносила сведения полиции, но та не дала показаний, так как ей угрожал ссыльный Д. Розов³⁹³.

Политика высшей власти в конце 1890-х гг. по наращиванию темпов высылки революционного элемента в северные губернии принесла предсказуемые плоды. Увеличив численность и укрепив внутренние и внешние связи, местные ссыльные перешли к прямой политической активности, стали все больше заявлять о себе в губернии как об особой силе. К примеру, в сентябре 1904 г. среди ссыльных господствовало сильное

³⁸⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 154.

³⁹⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 2. Л. 50.

³⁹¹ Петров А.К. Рабочий-большевик в подполье. М., 1969. С. 78.

³⁹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 232. Д. 5 ч. 45а. Л. 6; ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 110. Л. 8.

³⁹³ Розов Д. Пинежская ссылка // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. Архангельск, 1925. С. 102.

раздражение, вызванное «репрессивными» действиями губернатора Н.Г. фон Бюнтинга. Лидеры ссыльных приват-доцент М.Ю. Гольдштейн и врач С.А. Никонов требовали объяснений от губернатора за принятые решения по перемещению поднадзорных³⁹⁴. К 1905 г. «политики» стали готовы перейти от общего проявления нелояльности властям и распространения прокламаций к непосредственным акциям в городах. Местным жандармам предстояло столкнуться со службой в новых условиях. Подводя итог их работе в указанный период, отметим, что всего с 1875 по 1896 гг. АГЖУ было проведено 192 дознания³⁹⁵. Следственная часть службы местных жандармов сохраняла стабильный характер, что можно связать с отсутствием в губернии в 1880-1900 гг. сильного революционного подполья.

В указанный период специфика работы АГЖУ и АО ЖПУ определялась факторами различного характера. Достаточно четко в этой связи можно выделить два периода: 1880-1898 и 1898-1905 гг. На первом этапе обстановка в губернии была довольно спокойной не только в рамках общих настроений, но и в деятельности поднадзорных. Поэтому особенности жандармской службы определялись прежде всего внутренними факторами, к которым можно отнести вопросы структурных изменений, адаптацию к службе в различных уездах и расстояниям между ними, взаимоотношения с общей полицией и губернской властью, систематизацию надзора.

Второй этап характеризовался ростом ссылки в губернию в связи с появлением нелегальных социалистических партий. На первый план выходят уже социально-политические, внешние факторы. Под руководством А.А. Вейтбрехта АГЖУ начинает активно вести оперативно-розыскные мероприятия по выявлению революционных прокламаций, показывать ссыльным собственную силу. Однако снижению их влияния на губернию препятствовали особенности законодательства: жандармы оставались сугубо исполнительным, зависимым элементом в правоохранительной системе.

³⁹⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 232. Д. 9 ч. 43. Л. 1-2.

³⁹⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5169. Л. 64-79; Д. 5152. Л. 70.

«Лучшим» результатом, которого удавалось достигать местным жандармам и полиции по итогам проведения дознаний, в этом смысле была высылка «вредного элемента» в другую губернию. В большинстве же случаев дознания и охранные переписки приводили лишь к усилению надзора либо краткосрочному тюремному заключению того или иного ссыльного, что сохраняло постоянно копящееся «брожение».

Помимо этого, усложняло ситуацию то обстоятельство, что внешнее спокойствие 1890-х гг. позволяло ОКЖ сокращать отделения АГЖУ, хотя рост ссылки требовал обратного. Возможные последствия этих решений на тот момент не были очевидны властям. Поэтому к 1905 году структура местного политического сыска явно стала ослабленной.

В целом, в период 1867-1905 гг., несмотря на множество осложняющих факторов, состоялось полное оформление АГЖУ как регионального профессионального ведомства политического сыска. С точки зрения эволюции устройства и функций АГЖУ, здесь можно говорить о нескольких периодах, примерно совпадающих с правлением трех императоров.

При Александре II, несмотря на реформу политического сыска, в конце 1860-х гг. жандармы по сути все еще являлись носителями старых представлений «николаевского» времени о том, чем должна заниматься «высшая полиция» в качестве «посланцев императора» с высокими моральными качествами. В губернии уязвимость «ограниченного» положения АГЖУ проявлялось в различных случаях вплоть до назначения А.Н. Щетинина и распространения на регион права жандармам вести дознания по государственным преступлениям. С этого момента можно говорить о постепенном развитии функций АГЖУ в сторону профессиональной полицейской деятельности.

Наиболее сильные позиции в плане разветвленности структуры и присутствия офицеров-«аналитиков» (помощников начальника) местные жандармы имели в период 1880-1896 гг., что примерно совпадает с

правлением Александра III. Однако в это же время намечается тенденция к консервации структуры, чему способствовало отсутствие действительно серьезных вызовов для АГЖУ.

Кризисные явления, отчетливо проявившиеся в стране в период правления Николая II, дали о себе знать в губернии примерно с 1898 г., что соответствовало периоду становления социалистических революционных партий. Предполагаем, что момент для необходимого повышения опыта местных жандармов и их адаптации к новым условиям с выявлением угроз, был потерян в период 1897-1902 гг. В это время начальники АГЖУ часто сменялись, а число их уездных помощников сократилось с трех до одного, в самом Архангельске. Тем не менее, хотя губерния воспринималась в верхах как «окраина», служба жандармов в качестве политической полиции в указанный период носила организованный и стабильный характер, была четко встроена в общероссийскую систему.

Глава 2. РЕГИОНАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ СЫСК В ПЕРИОД КРИЗИСА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ, 1905-1917 гг.

2.1. Деятельность жандармских чинов Архангельской губернии в условиях Первой российской революции 1905-1907 гг.

Русская революция 1905-1907 гг. стала периодом ожесточенных столкновений монархического режима и его противников. С разной степенью радикальности почти все сословия предъявляли властям требования, сводившиеся к необходимости ограничения абсолютной монархии или же ее полной замены на республиканский строй. К революционным событиям привели противоречия, которые накапливались и не разрешались, начиная с эпохи реформ Александра II. Одним из них было несовершенство жандармско-полицейской системы. В череде реформ XIX в. полиция приобретала все более аморфную структуру, к революционному периоду она стала ослабленной и несбалансированной³⁹⁶. В некоторых местностях, как отмечалось чинами ОКЖ, полиция и губернское правление достигли «состояния полного развала»³⁹⁷.

На этом фоне в начале 1905 г. в Архангельской губернии царила мнимая стабильность, хотя АГЖУ отдавало себе отчет о рисках. Политический обзор И.Д. Петровского за 1904 г. показывал, что коренное население отличается мирным характером и противоправительственных идей не имеет, как и временно живущие в городе служащие, коммерсанты и рабочие³⁹⁸. Не вызывала подозрений и деятельность учебных заведений. Лишь политические ссыльные были охарактеризованы как «крайне сомнительный элемент», пытающийся входить в доверие к семьям учителей,

³⁹⁶ Лавренова А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880-1917 гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. С. 53.

³⁹⁷ Курлов П.Г. Конец русского царизма. М., 1923. С. 27.

³⁹⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 39. Л. 4.

мелких чиновников и обывателей. Связи ссыльных друг с другом постоянно укрепляются через общий быт и коммуникации.

В обзоре были перечислены все основные заводы Архангельска и его уезда. Помощник начальника АГЖУ отмечал ведущую роль в местной экономике промыслов, в то время как капиталы малы и предпринимательство слабо развито. Хотя «усилились воззвания от вредного элемента» к крестьянам и рабочим заводов Маймаксы, выступлений пока не было³⁹⁹. Поскольку ссыльных в Архангельске находилось много, И.Д. Петровский предлагал их рассредоточить. Такая потребность вызывалась, во-первых, «легкой степенью координации городских ссыльных с целью влияния на население», а во-вторых – трудностью жандармского наблюдения в виду отсутствия агентуры. Все выводы помощника в начале 1905 г. в обзоре повторил полковник Вейтбрехт, упомянув к тому же о столкновениях в уездах ссыльных и местных жителей⁴⁰⁰.

Выросшая политическая активность ссылки привела к тому, что за 1904 г. АГЖУ было проведено 21 дознание и две охранные переписки (по одной в Шенкурском и Кемском уездах)⁴⁰¹. Опираясь на данные подчиненных, начальник АГЖУ доносил в ДП, что местное население весьма легко поддается вредному развращающему влиянию со стороны ссыльных⁴⁰². Но в целом, когда в Петербурге и крупных городах уже гремели революционные столкновения, митинги и стачки, ничего подобного по масштабам в Архангельской губернии не происходило вплоть до осени.

Первый отчет для ДП о политических ссыльных за 1905 год представлял данные о 425 гласно-поднадзорных, в том числе о Вере Фигнер, которая 15 июня выбывала в Казанскую губернию⁴⁰³. Из общего числа с января по октябрь в Архангельске и уезде находилась примерно четверть

³⁹⁹ Там же. Л. 5.

⁴⁰⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 103. Д. 1 ч. 56 л. А. Л. 2 об.

⁴⁰¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 39. Л. 1-2.

⁴⁰² Федотова Е.Д. Революционное движение в Архангельской губернии в годы I русской революции (1905 – 1907 гг.) Архангельск, 1955. С. 26.

⁴⁰³ ГААО. Ф. 1. Оп. 11. Д. 430. Л. 132 об.

ссылных⁴⁰⁴. В связи с ростом высылки губернатор Н.Г. фон Бюнтинг выдворял «политических преступников» во все большее число населенных пунктов⁴⁰⁵. Но все равно наибольшее скопление ссылных в 1905 г. оставалось в Архангельске, где был представлен весь спектр политических и религиозных течений. Царил приподнятый дух: в архангельской колонии ссылных «было шумно и весело»⁴⁰⁶.

На этом фоне общий объем переписок политического сыска по наблюдательной части увеличивался, хотя и продолжал касаться бытовых вопросов: полиция и помощник уведомляли начальника АГЖУ о перемещениях ссылных (отлучки, переезды), освобождении от надзора. АГЖУ запрашивало у полицейских урядников различные сведения о ссылных, их образе жизни, занятиях и знакомствах, возможной корреспонденции. Развивался и негласный надзор жандармов за подозреваемыми в разнообразных условиях: не только в городах, но и, к примеру, на пароходе⁴⁰⁷.

При этом служба оставалась далекой от образца. Новый начальник АГЖУ полковник А.Ф. Соболев поставил на вид И.Д. Петровскому, что тот только из его запроса узнал о выезде ссылного, состоявшего под особым надзором. Это значило, что «наблюдательская служба ведется неправильно». Уездному помощнику было приказано «вести более неослабленные наблюдения», а виновный унтер-офицер подвергался дисциплинарному взысканию⁴⁰⁸. Донесения чинов с мест продолжали касаться происшествий, никак не связанных с ростом революционных настроений. Жандармы информировали о пожарах, драках, ссорах, убийствах и кражах, недостойном поведении различных должностных лиц. Но еще одним предметом

⁴⁰⁴ ГААО. Ф.1323. Оп. 2. Д. 35. Л. 140-150, 258-259, 361-370.

⁴⁰⁵ Овечкина С.Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: Вторая половина XIX - начало XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2005. С. 31.

⁴⁰⁶ Супрун М.Н. Политссылка на европейском севере как срез с политических партий и организаций революционной России (1895 - 1905) // IV Соловецкий общественно - политический форум «Человек и общество». Архангельск, 1992. С. 140. Логачева-Пилецкая М.Н. Архангельская ссылка и побеги в 1900-х годах // Каторга и ссылка. 1930. № 7. С. 137.

⁴⁰⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4778.

⁴⁰⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 81. Л. 167.

донесений становились участвовавшие выпады в сторону чинов АГЖУ. Например, в Онеге, проходя мимо дома, унтер-офицер услышал крик из окна: «нужно убивать жандармов – их не надо»⁴⁰⁹.

Между тем, в течение 1905 г. социально-политическое напряжение в губернии, и прежде всего в Архангельске, продолжало возрастать. Еще в конце января поднадзорный А.П. Цикарев и частный поверенный И.В. Галецкий провели «банкет» (т.е. митинг) с рабочими Соломбалы. Загодя ссыльные отвлекли полицию в другом месте. Жандармы попались демонстрантам навстречу по Воскресенской улице, когда митинг уже кончился⁴¹⁰. В то же время подполковнику Петровскому стало известно, что Петербургский комитет РСДРП послал в губернию четырех человек для «определенных занятий»⁴¹¹.

Когда дело не касалось непосредственно проведения уличных акций, АГЖУ и полиция располагали достаточной информацией о деятельности поднадзорных. Регулярно докладывалось о сходках «политиков» при различных обстоятельствах, в том числе о том, кто из официальных лиц присутствовал на похоронах ссыльного⁴¹². Полицмейстер Г.В. Готовцев 11 февраля доложил фон Бюнтингу об открытом в 1902 г. Архангельско-Соломбальском потребительском обществе, которым, как выяснилось, тайно руководили местные лидеры социалистов К.И. Покровско-Водоватовский, Ю.Г. Кок, А.К. Петров и П.Н. Переверзев. Уже 8 марта распоряжением губернатора Общество было закрыто⁴¹³.

Жандармы не ослабляли контроль обстановки на заводах. Особую важность занимали 10 лесопильных заводов Маймаксы. Адьютант АГЖУ Л.Ф. Бетковский писал о намечающейся там сходке 120 рабочих. При этом он отмечал, что с мая «течение рабочего движения в городе и на заводах

⁴⁰⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 168. Л. 99.

⁴¹⁰ ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 80. Л. 5-6.

⁴¹¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 41. Л. 2.

⁴¹² Там же. Л. 4, 26, 44.

⁴¹³ Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 г.) Архангельск, 2004. С. 292.

имело лишь подготовительный характер в самом начальном его периоде»⁴¹⁴. Несмотря на то, что положение не было острым, тенденция к усилению активности рабочих сохранялась. 16 октября, за день до выхода «Манифеста», появились сведения, что рабочие депо в Исакогорке подали петицию об улучшении экономических условий труда. В то же время АГЖУ опровергло слухи о забастовках на заводах А.Ю. Суркова и Е.И. Шергольда, ссылаясь на сведения, добытые агентурным путем⁴¹⁵.

Было бы в этом контексте неверно считать, что политические ссыльные, ведя агитацию, преследовали целью лишь устроить столкновения и спровоцировать полицию на репрессии. Многие из них, будучи образованными людьми, сыграли значительную роль в ликвидации неграмотности местного населения, в его общем культурном развитии. Так, И.В. Галецкий участвовал в научных экспедициях, повышал правовое сознание северян, а лидер архангельской колонии М.Ю. Гольдштейн организовал устройство химической лаборатории⁴¹⁶. Тем не менее, события, последовавшие за выпуском «Октябрьского манифеста», навсегда изменили отношения коренного населения и «политиков».

Под давлением революционного процесса 17 октября Николай II утверждает «Высочайший Манифест об усовершенствовании государственного порядка», даруя населению основные гражданские права: свободу слова, совести, печати, собраний и союзов. Это событие вызвало небывалое воодушевление у либеральной оппозиции и досаду у революционных партий, которые сочли, что в своей борьбе за свободу заслужили большего, чем «подачку» сверху. Объявленная на следующий день амнистия «политическим преступникам» высвободила революционный потенциал. Во многих городах империи прошли манифестации в честь обретенных свобод, и вместе с тем за дальнейшую демократизацию. Сторонники развития революции сталкивались с реакционными силами.

⁴¹⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 97. Л. 1.

⁴¹⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 41. Л. 69-71.

⁴¹⁶ Дрентельн Н. С. Памяти М. Ю. Гольдштейна // Русская мысль. 1915. №10. С. 58.

События в Архангельске развивались именно по такому сценарию, что привело к массовому кровавому побоищу.

Многие его детали остаются неясными, но суть была изложена в подробном рапорте И.Д. Петровского (Приложение 5), что лег в основу доклада А.Ф. Соболева для ДП. Трагические события начались с того, что с утра 18 октября в городе была замечена «суетливая и спешная беготня политических ссыльных по улицам». Толпа с красными флагами, состоящая в основном из учащихся, под предводительством ссыльных врвалась в различные учреждения, требуя остановить работу и присоединиться к шествию. Немногие, кто откликнулся на призывы, были зафиксированы жандармами поименно⁴¹⁷. На многочисленном митинге в здании Думы М.Ю. Гольдштейн, П.Н. Переверзев и другие критиковали «Манифест», призывая «отомстить за кровь всех борцов за свободу». На протяжении всей акции демонстранты угрожали жандармам, крича «долой шпионов».

На следующий день в городе собралась «патриотическая партия» с портретами Николая II и национальными флагами. «Националисты», как их назвал помощник начальника АГЖУ, состояли в основном из приказчиков, рабочих, мещан. Сначала эта толпа побила и разогнала новую демонстрацию учащихся в Гагаринском сквере, после чего двинулась на север. Там она столкнулась с вышедшей из Соломбалы «красной» демонстрацией, и началась драка. Во главе «красных» вновь стояли ссыльные, большинство же составляли подростки из училищ и гимназий. В результате жестокой битвы множество людей с обеих сторон было ранено, а двое убито. На месте погибла учительница А.А. Покотило, чуть позже от ран скончался лидер ссыльных М.Ю. Гольдштейн. На его похоронах присутствовали официальные лица, которых в дальнейшем также перечислили жандармы⁴¹⁸.

Подобного по масштабу и накалу ненависти политического столкновения никогда не случалось в истории губернии. Это событие стало

⁴¹⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 41. Л. 76-77.

⁴¹⁸ Там же. Л. 89.

самым кровавым в рамках местного революционного периода. Оно обросло множеством разночтений уже на следующие дни, а затем было мифологизировано в историографии, венцом чего стала мемориальная табличка на месте столкновения, утверждающая, что «черносотенцами была разогнана мирная демонстрация рабочих-лесопильщиков»⁴¹⁹. Непосредственно после трагедии П.Н. Переверзев телеграфировал С.Ю. Витте: «черная сотня избивает учащихся, интеллигенцию и политических ссыльных, угрожает смертью и разгромом, власти бездействуют»⁴²⁰. Ю.Н. Лавринович писал, что организованная колонией процессия была встречена выстрелами черносотенной толпы, вооруженной револьверами, дубинами и кольями. Черносотенцы с гиком бросились, немилосердно избивая беззащитных, особенно тех, которых указывали вожаки, по-видимому, заранее наметившие своих жертв⁴²¹.

Как «черносотенный погром» побоище расценивает и Е.Д. Федотова, особенно отмечая роль пристава И.Л. Нечаева, что вел «патриотов», и некие выстрелы в качестве провокации⁴²². При этом даже касательно погибших ясны не все детали: к примеру, по воспоминаниям Г.И. Васильева, учительницу Покотило схватил казак, а затем «затоптали мужики» еще до бойни, в которой был убит Гольдштейн. Он же писал, что «нас били рабочие и крестьяне, настроенные против», а не идейные реакционеры⁴²³. Пресса при этом утверждала, что «черная сотня по знаку помощника пристава набросилась на манифестантов с дрекольями», а по некоторым свидетельствам, избиением учащихся в сквере руководил не кто иной как подполковник И.Д. Петровский⁴²⁴.

Последнее, как мы полагаем, вряд ли возможно, так как 21 октября Петровский сам составил рапорт, хотя и оправдывавший «реакционеров», но

⁴¹⁹ Лукнов И.Н. 19 октября 1905 года в Архангельске. [Электронный ресурс]: <http://achronicle.narod.ru/19october.html>

⁴²⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 а. Д. 1350 ч. 24. Л. 11.

⁴²¹ Лавринович Ю. Н. Указ. соч. С. 287.

⁴²² Федотова Е.Д. Указ. соч. С. 48-49.

⁴²³ ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 22. Л. 2-3.

⁴²⁴ ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 14. Л. 29-30.

совершенно бессмысленный, если бы это АГЖУ устроило подобный погром. К тому же едва ли реально, что местные жандармы с полицией в принципе на тот момент были способны на проведение столь масштабной провокации. Тем более, с момента выхода «Манифеста» у них не хватило бы времени на подготовку серьезной операции против демонстрантов и лично М.Ю. Гольдштейна. Стоит ли говорить, что само АГЖУ расценивало побоище 19 октября совсем по-другому. Тот же И.Д. Петровский отмечал разногласия, возникшие в среде демонстрантов: «евреи приказали срывать портреты царей», за что чуть были не побиты самими «красными»⁴²⁵. Из рапорта выходило, что это демонстранты были вооружены, поэтому «патриоты» стали ломать заборы, «бросаться в драку с обломками и палками». Враждебность «реакционной толпы» в оценке Петровского была вызвана «обидой и оскорблениями за поругание портретов» императоров⁴²⁶.

Схожую позицию занял Н.Г. фон Бюнтинг. В докладе для МВД от 31 октября он писал, что выход «Манифеста» основная масса губернии восприняла спокойно, но «бестактные действия вожаков демонстрации» («прогрессивной партии») настроили против себя враждебно большинство местных жителей⁴²⁷. Губернатор утверждал, что при встрече двух толп первым выстрелил поднадзорный Поставной, хотя до этого стороны пытались договориться мирно.

События 18-19 октября привели АГЖУ к возбуждению дознания только в связи с «преступно-политическими речами» П.Н. Переверзева, А.С. Тартаковского и прочих ораторов. Через полицейских и околоточных надзирателей жандармерия выясняла личности всех, кто слышал эти выступления. Общий ход трагедии в заключении жандармов определялся как «события преступно-политического характера»⁴²⁸. Дознание «об изорвании царских портретов в здании городской думы» и сопутствующие

⁴²⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 41. Л. 79.

⁴²⁶ Там же. Л. 80-81.

⁴²⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233 а. Д. 1350 ч. 24. Л. 39-41, 43.

⁴²⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 36. Л. 186, 198.

разбирательства тянулись долго, и завершились только в начале января 1906 г., когда дело было передано прокурору В.И. Грекову.

Столкновения и гибель лидера ссыльных Архангельска имели революционизирующее воздействие на губернское общество. 3 ноября подполковник Петровский пишет о дальнейшей политизации учащихся, которые собираются на квартирах городского головы Я.И. Лейцингера, мирового судьи И.А. Лебедева, присяжного поверенного А.С. Тартаковского, где смело обсуждают насущные вопросы, в спорах делясь на «красную» и консервативную партии, если не считать безразличных⁴²⁹.

7 ноября последовал первый акт насилия в среде рабочих. На заводе Ганнемана рабочие пришли к управляющему В.К. Гернету с требованием предоставить теплые помещения и получили грубый отказ. По данным АГЖУ, вечером толпа в 40-50 человек разгромила квартиру Гернета, затем призвала еще 50 рабочих с завода Русановых и ворвалась в контору. Когда на подавление беспорядка прибыл батальон, толпа уже разошлась обратно по заводам, многие рабочие были арестованы. АГЖУ составило список погромщиков, но подполковник Петровский отмечал, что социальное недовольство на заводе Ганнемана появилось давно, так как рабочим мало платили⁴³⁰. Отчитываясь перед ДП, А.Ф. Соболев заключил, что «определить причину разгрома конторы Русанова трудно» и предположил, что «рабочие просто хотели учинить грабеж»⁴³¹.

В день этих событий Н. Г. фон Бюнтинг был снят с должности, а новым губернатором назначался действительный статский советник Н.Н. Качалов. Его политика поначалу отличалась стремлением не повышать уровень революционных настроений горожан. Это проявилось на основном этапе рабочих забастовок, что начались с первомайской демонстрации 1906 г. и продолжились летом. Полковник Соболев был намерен арестовать

⁴²⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 41. Л. 91, 101. Подробнее см.: Резанов А.Д. Система образования Архангельской губернии и жандармский надзор в 1905-1907 гг. / Историческое образование в школе и вузе: региональная история в контексте истории России. Архангельск, 2024. С. 23-28.

⁴³⁰ Там же. Л. 102-106.

⁴³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233. Д. 4 ч. 72. Л. 5.

агитаторов среди рабочих, но губернатор и вице-губернатор просили этого не делать, чтобы не осложнять ситуацию⁴³².

Всеобщая забастовка лесопильщиков охватила около 8000 рабочих на 19 заводах и носила мирный характер⁴³³. Как отмечал А.Ф. Соболев, «рабочими были предъявлены обычные требования о сокращении рабочего дня, увеличении платы и вообще об улучшении их положения». При этом были возбуждены дознание по делу социалиста Вячеславова и охранная переписка о неблагонадежности агитаторов⁴³⁴. Силовое прекращение забастовки потребовалось в итоге только на Удельном заводе Маймаксы, что привело к началу применения администрацией реакционных мер.

После того как накаленность спала, Н.Н. Качалов распорядился, чтобы любого, уличенного жандармско-полицейским наблюдением в агитации, сразу отправляли в тюремный замок. Он также констатировал, что руководителями забастовок являлись «люди посторонние», не из числа рабочих⁴³⁵. Отдельно губернатор запросил у АГЖУ отчет обо всех существующих подпольных организациях. 24 августа он узнал, что «серьезных революционных организаций, при этом имевших бы внешние связи и оказывавших руководящее влияние на рабочее движение, не имеется». А.Ф. Соболев отмечал, что в губернии есть последователи ПСР и РСДРП, но это партийное разделение «внешнее, а не внутреннее», так как революционеры часто работают сообща, одними средствами. Тех, кто в Архангельске открыто причисляет себя к социалистам-революционерам, насчитывалось по его данным около десяти человек.

В уездных городах АГЖУ не обнаружило тесной связи между ссыльными и местными жителями (те не доверяли первым). Особое положение имел лишь Шенкурск, где под влиянием эсеров был учрежден

⁴³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 4 ч. 72. Л. 7-8.

⁴³³ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.3. Д. 1225. Л. 282-283; Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: попытка реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 - лето 1918. Монография. Архангельск, 2018. С. 86.

⁴³⁴ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 1447. Л. 1-3.

⁴³⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.3. Д. 1321. Л. 88.

«Союз шенкурских крестьян»⁴³⁶. В апреле начальник АГЖУ «успокаивал» и Особый отдел ДП: кроме партии кадетов «в Архангельске никаких противоправительственных организаций не имеется», хотя революционный элемент многочисленный. По соглашению с АО ЖПУ принимаются меры «к тщательному наблюдению за привозом оружия и нелегальной литературы». А.Ф. Соболев также указал, что после гибели Гольдштейна и выезда Переверзева, приверженцы РСДРП сгруппировались вокруг И.В. Галецкого, А.С. Тартаковского и К.И. Пиотровского⁴³⁷.

Хотя значительный вклад в организацию забастовок внесло созданное «Профессиональное общество рабочих лесопильных заводов», серьезные опасения властей вызывал в них след именно политических ссыльных. АГЖУ и губернатор понимали, что только ссыльные способны придать социальным протестам рабочих и крестьян политическую окраску. Поэтому надзор и розыскные мероприятия интенсифицировались.

Еще 9 января 1906 г. Н.Н. Качалов запрещал какие бы то ни было манифестации, но это не остановило социалистов и кадетов от общих собраний, за которыми регулярно наблюдали жандармы. К примеру, на встрече сторонников РСДРП в доме Лукина было 150 человек, что стало максимумом среди зимних собраний. В феврале в Соломбале в доме Рябова на заседании кадетского комитета собралось 70 человек. 140 участников собрала встреча, устроенная комитетом (из 6 членов) «Архангельского союза рабочих социал-демократов». Его лидер, ссыльный К.И. Пиотровский, будет вскоре арестован в одну из волн обысков⁴³⁸. В апреле 1906 г. его ждало помещение под гласный надзор полиции с последующим выдворением из Архангельской губернии и запретом жить в столицах.

Это произошло после еще одного акта массовых беспорядков, отличавшихся от событий 19 октября 1905 г. только отсутствием убитых, а также тем, что «реакционную сторону» представляла полиция. 16 апреля

⁴³⁶ Там же. Л. 112, 153 об.

⁴³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 1800 ч.3. Л. 29, 32-33.

⁴³⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.3. Д. 1332. Л. 18, 24, 56.

прошла «уличная демонстрация политического характера» на Набережной Северной Двины и в сквере⁴³⁹. По докладу губернатора в ДП, все началось как обычные гуляния, но вскоре к гуляющим присоединились маргиналы, и тогда законопослушные горожане стали расходиться. «Разнородная публика в тысячу человек», среди них множество пьяных, начала петь революционные песни и выкрикивать лозунги. Этой ситуацией воспользовались социал-демократы, пытаясь вести агитацию. В сторону полиции полетели камни, сопровождаемые криками и свистом толпы. В итоге прибывший полицмейстер Г.В. Готовцев был серьезно ранен ударом камня в голову. В дальнейшей стычке с ротой солдат появились раненые с обеих сторон. Толпу разогнали, но вскоре на Соборной площади скопилась новая, хотя и меньшая по численности, и пошла на тюремный замок. Там скопище рассеяла охрана тюрьмы и солдаты.

Одной из причин того, что апрельские столкновения с полицией зашли так далеко, стало позднее (с января 1906 г.) создание в губернии полицейской стражи, чья задача состояла именно в пресечении уличного насилия. Во многих губерниях стража формировалась еще с 1903 г. Полицейская стража делилась на конную и пешую, в уездах она подчинялась исправникам, а в центре – губернатору. Непосредственными командирами стражников становились урядники, а начальниками по строевой части с февраля 1906 г. чины ГЖУ⁴⁴⁰. К апрелю отряды стражи в губернии еще только формировались, поэтому в разгоне буйствующей толпы участвовали в первую очередь солдаты.

Усиление полицейской системы в 1906 г. не ограничилось повышением ее численности за счет стражников. Расширялись функции железнодорожной жандармерии. Приказом от 28 июля 1906 г. на чины ЖПУ ж.д. возлагались обязанности производства дознаний обо всех «преступных действиях политического характера», совершенных в полосе отчуждения железных

⁴³⁹ Там же. Л. 131-134.

⁴⁴⁰ Невский С.А. Уездная полицейская стража в России в начале XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №4. С. 1-2.

дорог. При ведении дознаний начальники отделений ЖПУ подчинялись ГЖУ⁴⁴¹. В этой связи первоочередной задачей архангельских жандармов стал розыск нелегальной литературы на транспорте. 7 ноября по распоряжению начальника АО ЖПУ подполковника С.Г. Плева на станции Архангельск должны были реквизироваться все накладные на отправки, а сомнительные при этом вскрываться и направляться в АГЖУ⁴⁴².

Донесения унтер-офицеров с мест подтверждали дальнейшие распространения «прокламаций преступного характера». Иногда, однако, распространителей выдавали те, с кем агитаторы делились материалами. Канцелярия (она же квартира) И.Д. Петровского в доме Двойниковой на углу Псковского проспекта и Соборной улицы регулярно вызывала свидетелей в ходе многочисленных дознаний, и эта практика учащалась⁴⁴³.

За политическими активистами, проявившими себя в это время, продолжали следить спустя годы. Например, в 1912 г. АГЖУ вело переписку о С.В. Ивановском, который выступал в 1906 г. «на митингах и собраниях в городе», был оратором среди рабочей демонстрации 1 мая, вел агитацию бастовавших на лесопильных заводах. Ивановский будет арестован в 1908 г. в Ярославле, привлечен в качестве обвиняемого к охранной переписке по другому делу, что и потребовало от АГЖУ дополнительных сведений⁴⁴⁴.

Если в Архангельске основным проявлением политической активности в 1905-1906 гг. стало рабочее движение и демонстрации ссыльных, то Шенкурский уезд столкнулся с массовым недовольством крестьян, что в итоге вылилось в восстание. Его экономическая подоплека состояла в том, что Шенкурский уезд был наиболее хлебобобовым. Вместе с Холмогорским, на их долю приходилось 62% всей пахотной земли в губернии⁴⁴⁵. Поэтому местные крестьяне были особенно активны в хозяйственных запросах и

⁴⁴¹ Чудакова М. С. Жандармско-полицейские управления железных дорог и их роль в борьбе с оппозицией в конце XIX – начале XX в. (на примере Ярославской губернии) // Ярославский педагогический вестник. 2011. № 1. С. 39.

⁴⁴² Северный листок. 1906. №251. 7 ноября. С. 2.

⁴⁴³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 36. Л. 90, 146.

⁴⁴⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 127. Л. 2.

⁴⁴⁵ Куратов А.А. Архангельский Север в истории России. Архангельск, 2003. С. 61.

отстаивании своих интересов, заключавшихся в первую очередь в увеличении наделов. После реформ 1860-х гг. шенкурские во многом остались зависимы от Удельного ведомства, которое владело большинством земель уезда. Крестьяне могли пользоваться ими только ограниченно и платно, что приводило к регулярным конфликтам с лесной стражей удельных земель.

Конфликт тлел долгое время, но именно в период революции произошел его взрыв. В ноябре 1905 г. состоялся съезд крестьян в Шенкурске, участники которого высказались за конфискацию удельных, кабинетских и монастырских земель. Тогда и был создан «Союз крестьян Шенкурского уезда»⁴⁴⁶. Это стало моментом перехода конфликта в открытую стадию. Крестьяне принялись самовольно осваивать удельные земли, рубить лес, совершать «выпады» против стражников и чиновников, о чем А.Ф. Соболев донес в ДП 20 ноября 1905 г. 11 декабря он указал, что арестовать зачинщиков нет возможности: местное крестьянство возбуждено, а в Шенкурске нет надежной части⁴⁴⁷.

В январе 1906 г. он доносил министру внутренних дел П.Н. Дурново, что в Шенкурске священник В.Х. Попов и волостной старшина Я.И. Едемский призывают народ к восстанию. Помимо принятия мер к прекращению брожения, также призывал к «ограждению интересов Уделов», чтобы повлиять на первопричину недовольства⁴⁴⁸. В конце июля начальник АГЖУ уже отмечал, что «движение крестьян все усиливается, и положение становится совершенно ненормальным и невозможным», поэтому просил выслать для прекращения беспорядка сотню казаков.

Когда в августе-сентябре ситуация еще более обострилась, Н.Н. Качалов требовал от МВД прислать уже три роты пехотинцев: две в Шенкурск и одну в Архангельск. Анализируя волнения, он считал, что «цель крестьян добиться увеличения земельного надела и освободиться от тяжелой

⁴⁴⁶ Голдин В.И. Указ. соч. С. 85.

⁴⁴⁷ Потылицын А. И. Крестьянское революционное движение на Севере в 1905–1907 гг. Архангельск, 1930. С. 45.

⁴⁴⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 700 ч. 6. Л. 1-2, 35-35 об.

экономической зависимости от Уделов»⁴⁴⁹. То есть, власти вполне понимали, что одними репрессивными мерами эту проблему не решить, и придется призывать к договору обе стороны.

Однако силовое вмешательство все-таки потребовалось после того, как АГЖУ оказалось не способно расследовать дело на месте. Миссия в Шенкурске была возложена на И.Д. Петровского и товарища прокурора П.М. Корецкого, которые в январе-марте 1906 г. арестовали 9 человек. Это снизило напряженность только на время⁴⁵⁰. Прибыв в Шенкурск вновь 22 августа, подполковник встретил множество препятствий ведению дознания: обвиняемые и свидетели либо скрывались в лесу, либо прямо заявляли об отказе явиться на допрос⁴⁵¹. По свидетельству А.К. Горбункова, Петровский совершал внезапные налеты, но успехом не пользовался, так как «вожаки восстания не дремали, а уходили в лес, слышав появление «паука»⁴⁵². Помощнику начальника АГЖУ регулярно угрожали и требовали уехать. При проезде из Шенкурска в Великониколаевскую волость, Петровского окружили и затребовали отпустить старшину Пятина, которого везли с допроса. По словам подполковника, старшину вырвали силой и увели⁴⁵³.

Встретив резкое сопротивление следствию, И.Д. Петровский так и не раскрыл местный отдел Всероссийского крестьянского союза, зато вызвал критику газет в свой адрес. В заметке «Господин Петровский действует» говорилось, что «охранительная орда» угнетает крестьян, хотя авторы обрушилась при этом на казаков, а не на жандармов⁴⁵⁴.

5 октября в Шенкурск для подавления волнений была отправлена рота солдат. А.Ф. Соболеву при этом поступило предложение «воспользоваться пребыванием войск и за это время ликвидировать деятельность местного бюро Всероссийского крестьянского союза», а заодно закончить все дознания

⁴⁴⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.3. Д. 1329. Л. 83.

⁴⁵⁰ Потылицын А.И. Указ. соч. С. 46.

⁴⁵¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 57. Л. 147.

⁴⁵² ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 26.

⁴⁵³ Потылицын А.И. Указ. соч. С. 57.

⁴⁵⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 3 ч. 10. Л. 8.

по Шенкурскому уезду⁴⁵⁵. К концу года волнения были подавлены, причем ни один крестьянин не был убит или ранен. Беспорядки в Шенкурском уезде, тем не менее, стали единственными в губернии, когда для подавления потребовались дополнительные войска⁴⁵⁶.

Таким образом, под конец 1906 г. в Архангельской губернии острая фаза революции себя постепенно исчерпывала. Однако оставалась актуальной проблема радикализации учащих под влиянием агитации ссыльных. 22 ноября бастовать стали уже не только заводы, но и Мореходное и Городское училища, а также четыре старших класса мужской гимназии⁴⁵⁷. Унтер-офицерам, проходившим мимо нее, учащиеся крикнули из окон «долой жандармов» и громко запели «Марсельезу». Проявлялись и отдельные эпизоды волнений среди рабочих: жандармы замечали случаи отказа выполнять работу, попытки выступлений⁴⁵⁸.

В конце 1906 г. успели показать себя местные эсеры. В ноябре губернатор уведомил полковника Соболева, что в приказчиьем клубе пройдут «чтения рефератов революционеров», куда приглашены в том числе приезжие члены ПСР⁴⁵⁹. 22 декабря начальник АГЖУ донес в ДП о покушении на директора Мариинской женской гимназии З.А. Мышецкую, которое совершил ссыльный эсер С.И. Аданаиа⁴⁶⁰. Он произвел два выстрела из револьвера, но Мышецкая выжила, и позже уехала из губернии. По мнению Д.Б. Петруханова, это покушение стало «единственным в истории губернии террористическим актом»⁴⁶¹, хотя возможно говорить, что имело место личное желание мести ссыльного за оскорбление.

Важным фактором общественной жизни губернии в беспокойное время, оказывавшим влияние на политический сыск, становилось развитие

⁴⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 700 ч. 6. Л. 141 об.

⁴⁵⁶ Новикова Л. Г. Указ. соч. С. 36.

⁴⁵⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 41. Л. 123.

⁴⁵⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.3. Д. 1328. Л. 43; Ф. 1323. Оп. 1. Д. 168. Л. 230.

⁴⁵⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 236. Д. 9 ч. 78. Л. 7.

⁴⁶⁰ Там же. Л. 35; Политическая каторга и ссылка. М., 1934. С.20.

⁴⁶¹ Петруханов Д.Б. Формирование и деятельность местных организаций политических партий в Архангельской губернии начала XX века. Дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2003. С. 92.

местной периодической печати. Первой неправительственной оппозиционной газетой стал в декабре 1905 г. «Северный листок» левого кадета В.И. Галецкого. Впервые чины АГЖУ стали объектом интереса прессы, и часто даже критики. К примеру, одна из заметок красноречиво называлась «Из вражьего стана». В ней указывалось, что АГЖУ командировало жандарма в Петербург за 22 винтовками, в стрельбе из которых чины позже упражнялись⁴⁶². В основном же жандармы стали появляться на страницах газеты в связи с усилением розыска и нарастанием реакции. Например, упоминалось о «заседании у губернатора с участием жандармского полковника и полицмейстера», «значительном скоплении полиции у квартиры И.Д. Петровского в ожидании обысков», а также выезде подполковника в столицу и ходе допросов о митинге⁴⁶³.

В итоге за 1906 год АГЖУ было проведено 53 дознания в порядке ст. 1035 «Устава», из них 21 дело в Архангельском и 17 в Шенкурском уездах. Всего обвинения были предъявлены 81 подозреваемому. По другим данным прошло 66 дознаний с 96 обвиняемыми. Дел «в порядке охраны» за год возбуждалось всего шесть: по три переписки в Архангельском и Шенкурском уездах, обвинялось пятеро фигурантов⁴⁶⁴. При этом всего лиц под надзором полиции в губернии в этом году АГЖУ зафиксировало 1917, то есть, в годы революции произошел очередной скачок их роста, что однозначно сказалось на местных событиях. Число дознаний, по сравнению с 1904 г., выросло более чем в два раза (исходя из других данных – даже в три раза).

Поскольку радикальный сценарий революции, который отстаивали эсеры и социал-демократы, провалился после подавления декабрьского восстания 1905 г., а в следующем году, несмотря на все потрясения, монархический режим оправился, МВД в лице П.А. Столыпина взяло жесткий курс на борьбу с революционерами. Для этого были предприняты очередные меры по усилению полицейской системы: внедрение полицейской

⁴⁶² Северный листок. 1906. №129. 10 июня. С. 3.

⁴⁶³ Северный листок. 1906. №7. 5 янв. С. 2; №10. 10 янв. С. 2; №48. 26 фев. С. 2; №159. 16 июля. С. 2.

⁴⁶⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 211. Л. 316; Оп. 2. Д. 87. Л. 2.

стражи в новых губерниях, наделение ЖПУ железных дорог полномочиями по ведению дознаний, а также дальнейшее развитие «охранки».

14 декабря 1906 г. утверждается секретное «Положение о районных охранных отделениях» (РОО). В империи создавалось восемь районных отделений, контролировавшихся через Особый отдел непосредственно директором ДП для «объединения и направления деятельности местных органов», ведущих политический розыск. РОО распространяло свои полномочия на несколько губерний. Политический сыск Архангельской губернии первоначально вошел в округ Центрального (Московского) РОО⁴⁶⁵. Районные отделения были призваны развивать на местах розыскное дело, курировать агентурную работу ГЖУ и охранных отделений, чтобы взаимодействие между ведомствами стало более интенсивным.

Вскоре, 9 февраля 1907 г. выходит также секретное «Положение об охранных отделениях», которое более подробно по сравнению с актами 1902 г. оговаривало полномочия «охранок», их статус и нормы отношений с ГЖУ. Окончательно закреплялась подчиненная роль ГЖУ и общей полиции в вопросах наружного наблюдения и агентурной работы перед охранными отделениями, которые превращались в главные подразделения политического сыска России⁴⁶⁶. Важным обстоятельством стал тот факт, что розыскные органы на местах теперь обязывались систематически вести сводки агентурных показаний и данных наружного наблюдения за представителями революционных фракций⁴⁶⁷.

В губерниях, где не было охранных структур, эта функция закреплялась за ГЖУ. Так полковник Соболев оказался перед ситуацией,

⁴⁶⁵ Положение о районных охранных отделениях, 14 декабря 1906 г. / Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плева до В.Ф. Джунковского. СПб., 2015. С. 79.

⁴⁶⁶ Плужников С.Ю. Место и роль губернских жандармских управлений в системе органов политического сыска, последняя треть XIX - начало XX вв. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2007. № 2. С. 98.

⁴⁶⁷ Положение об охранных отделениях, 9 февраля 1907 г. / Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плева до В.Ф. Джунковского. СПб., 2015. С. 91.

когда агентурная часть становилась «базой всего политического розыска»⁴⁶⁸. Но в начале 1907 г. АГЖУ было не до развития передовых методов сыска. В марте А.Ф. Соболев направил в ДП подробный отчет, где охарактеризовал губернию как «чрезвычайно переполненную ссыльными при отсутствии средств поддержания среди них порядка», что заставляет наблюдать «крайне ненормальные явления угрожающего характера»⁴⁶⁹. Например, в Холмогорском и Пинежском уездах ссыльные останавливают этапы и препятствуют дальнейшему конвоированию. В Пинеге и Мезени они провели антиправительственные демонстрации с красными флагами. Соболев обратил внимание, что ссыльные продолжают влиять на настроения рабочих, а также изложил события апреля 1906 г. По мнению начальника АГЖУ, полицмейстер Г.В. Готовцев был слишком мягок и не соответствовал по характеру своей должности, как и некоторые другие функционеры.

Отдельно полковник упоминал о том, что в газетах «Северный листок» и «Архангельск» публикуются «статьи возмутительного содержания», и жандармы пытаются бороться с ними, как и с распространением брошюр⁴⁷⁰. Действительно, местная неофициальная пресса все пристальнее наблюдала за делами АГЖУ, как и прочих государственных ведомств. Несмотря на то, что в июле 1907 г. «Северный листок» будет запрещен, критику местных властей продолжают более умеренные «Голос Севера» (издание партии Мирного обновления) и «Архангельск» (издание кадетов). И если первая газета просуществует до сентября 1907 г., то вторая будет выходить вплоть до конца 1917 г. Местная пресса в течение 1907 г. продолжала освещать текущие мероприятия АГЖУ: описывала в заметках ход обысков (часто неудачных), факты задержаний и арестов, упоминала о досмотрах жандармами подозрительных личностей на вокзале, а также о перемещениях

⁴⁶⁸ Глобачев К.И. Правда о русской революции: воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М., 2009. С. 55.

⁴⁶⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 211. Л. 887.

⁴⁷⁰ Там же. Л. 905.

А.Ф. Соболева и И.Д. Петровского⁴⁷¹. Определенно издатели симпатизировали политическим ссыльным, и не исключено, что этими сводками предупреждали их об опасностях, так как вряд ли подобные сведения были интересны обывателю.

Более редко встречалась в газетах полноценная критика чинов АГЖУ. Ее главным объектом был подполковник Петровский. К примеру, в «Архангельске» от 7 февраля 1907 г. писали, что помощник начальника АГЖУ в своей канцелярии «чинит форменные жандармские допросы», кричит и грозит вызываемым лицам. Особый резонанс вызвал случай, когда Петровский арестовал и поместил в тюрьму больную курсистку, причем не выпускал ее и обманывал родственников задержанной⁴⁷².

Очень любопытна заметка от 4 февраля, которая, в случае своей правдивости, отражает степень затруднений чинов АГЖУ в ведении наружного наблюдения. «Жандармское начальство при «уловлении» обывателей не брезгует никакими средствами»: если раньше агенты носили ротонды и платки, при этом оставаясь в брюках и с бородами, то теперь еще применяются в качестве «маскировки» черкесские костюмы, хотя сохраняется чистейший русский говор филеров⁴⁷³.

В целом, тональность таких газет как «Архангельск» и «Голос Севера» была вполне типична для парадигмы либерального мировоззрения, которая формировалась в губернском обществе на волне революционных процессов и ориентировалась на европейские формы общественного развития⁴⁷⁴. Жандармы были для неофициальной прессы одним из «темных», реакционных элементов. Между тем, к 1911 г. АГЖУ будет располагать досье на 40 сотрудников газеты «Архангельск», в том числе содержащие

⁴⁷¹ Архангельск. 1907. №12. 24 янв. С. 4; №20. 2 фев. С. 4. №26. 9 сен. С. 4; №90.4 мая. С. 4. Голос Севера. 1907. №133. 9 фев. С. 4.

⁴⁷² Архангельск. 1907. №24. 7 фев. С. 4.

⁴⁷³ Архангельск. 1907. №21. 4 фев. С. 4.

⁴⁷⁴ Либеральное движение в России. 1902-1905 гг. М., 2001. С. 6.

компрометирующие материалы об их связях с нелегальными партийными организациями⁴⁷⁵.

В 1907 г., помимо А.Ф. Соболева, о положении дел в губернии бил тревогу и Н.Н. Качалов. 11 апреля он пишет товарищу министра внутренних дел А.А. Макарову о прошедших в феврале забастовках на крупных лесопильных заводах, в том числе на Удельном, и вновь просит выслать казаков в губернию, а также усилить местный батальон⁴⁷⁶. Губернатор отметил, что ссыльные пагубно влияют на общую обстановку, повышая число уголовных преступлений. Само МВД затем признало проблему: в условиях, когда «ссыльные терроризируют население», архангельские административные власти «находятся в крайне тяжелых условиях по осуществлению обязанностей в охране порядка и безопасности»⁴⁷⁷.

Губернатор не зря беспокоился о взрывном росте числа ссыльных, что затронул к тому времени все уезды. Уже 12 апреля в Кеми произошли «беспорядки, имеющие политический характер». Подробности были изложены Кемским исправником Д.Е. Шариным губернатору, который тут же обратился к прокурору В.И. Грекову и в АГЖУ. Около 50 ссыльных и 30 местных жителей пели в центре города революционные песни, велась агитация. «Скопище» стало угрожать полицейскому надзирателю и двум урядникам, затем бунтари принялись кидать в них камни и открыто нападать. Надзиратель «при самоохране» произвел два выстрела, ранив в бедро ссыльного Рыжикова, после чего толпа была рассеяна прибывшей стражей⁴⁷⁸. Когда свидетели были допрошены, И.Д. Петровский оказался вынужден прекратить дознание, так как счел, что революционные мотивы «скопища» не доказаны. При этом Н.Н. Качалов назвал инцидент «уличной демонстрацией с агитационными речами»⁴⁷⁹.

⁴⁷⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 320.

⁴⁷⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 116. Д. 3 ч.3. Л. 7-8.

⁴⁷⁷ Там же. Л. 37.

⁴⁷⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 88. Л. 5-7.

⁴⁷⁹ Там же. Л. 12, 27.

Кемская история получила продолжение 22 апреля, когда «ссылыные и некоторые мещане напали на полицию»: были ранены надзиратель, городской, стражник и жандарм⁴⁸⁰. В ходе разбирательств выяснилось, что имел место ответ на насилие. Ранее «пьяные стражники», в отместку за прежнее столкновение, нападали на встречных, ранив пять обывателей. 18 мая член Думы И.А. Лебедев писал П.А. Столыпину, что в Кемии «происходит нечто ужасное»⁴⁸¹. Газеты расценили события как полицейский произвол. По итогу разбирательств о кемских столкновениях были сняты с должностей исправник Д.Е. Шарин и мировой судья М.А. Федосеев.

Более о каких-либо громких событиях и массовых столкновениях в губернии в 1907 г. не известно. Локальные выступления рабочих и крестьян, степень общественного напряжения, уже не могли сравниться с 1905-1906 гг. Развитие оппозиционной прессы могло сыграть здесь положительную роль, так как позволило населению видеть политические события без необходимости участия в столкновениях. Чины АГЖУ и АО ЖПУ продолжали выполнять стандартные функции по надзору за обстановкой и преследованию «государственных преступников». Когда в январе проходили выборы во II Госдуму, у местной Думы дежурила полиция и «прогуливались» жандармы, ими было задержано четыре человека за подозрительное поведение. Жандармерия также следила за избирателями, прибывшими в Усть-Цильму, что вызвало возмущение прессы⁴⁸².

После изменения порядка выборов и роспуска II Думы новые выборы в сентябре также потребовали контроля. Эсеры в Архангельске разбрасывали листки и прокламации с призывами к бойкоту⁴⁸³. Местная организация ПСР проявила себя не только в агитации. Летом 1907 г. «в порядке охраны» рассматривалось дело крестьянки Е.А. Григорьевой, которая изобличалась «в принадлежности к социал-революционной партии и участии в заговоре

⁴⁸⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 105. Д. 117. Л. 11.

⁴⁸¹ Там же. Л. 16, 22.

⁴⁸² Архангельск. 1907. №14. 26 янв. С.4; Голос Севера. 1907. №137. 14 фев. С. 3.

⁴⁸³ ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 110. Л. 5-7.

против подполковника Петровского с целью лишить его жизни». МВД постановило выслать Григорьеву в Нарымский край Томской губернии под гласный надзор полиции на 3 года⁴⁸⁴. Если действительно подобное покушение планировалось, то очевидно, местные эсеры все-таки перешли к политическому терроризму. В отличие от З.А. Мышецкой, помощник начальника АГЖУ был для революционеров наиболее приоритетной целью устранения. Потенциальное убийство И.Д. Петровского было бы подано как месть за участие в подавлении крестьянского движения в Шенкурске.

Как и в целом по России, в губернии произошел сначала спад революционного движения, а затем и свертывание политической активности перед лицом ужесточения жандармско-полицейской системы. Архангельск покинули лидеры протеста, такие как П.Н. Переверзев и К.И. Пиотровский; были закрыты «Северный листок» и «Голос Севера», ограничивалась деятельность профессиональных обществ. В конце января был арестован секретарь союза пекарей Чертков, и жандармы организовали допросы по итогам обысков в этом союзе⁴⁸⁵. После серии стачек, накануне 1 мая 1907 г. был закрыт союз рабочих-лесопильщиков «за противоправительственную агитационную деятельность»⁴⁸⁶.

В ноябре по инициативе П.А. Столыпина был назначен новый губернатор. Им стал действительный статский советник И.В. Сосновский, которому предстояло заниматься постреволюционным развитием губернии, а чинам АГЖУ – повышением эффективности политического розыска.

Внутренняя структура АГЖУ в 1905-1907 гг. менялась мало, оставаясь в рамках установленных штатов. Несмотря на революционные процессы и лавинообразный рост ссыльных, не было открыто дополнительных уездных отделений. Перед необходимостью качественного улучшения политического розыска и надзора, внутренние вопросы отходили на второй план. Тем не менее, А.А. Вейтбрехт и А.Ф. Соболев понимали, что губернская

⁴⁸⁴ ГААО. Ф. 66. Оп. 1. Д. 1096. Л. 303.

⁴⁸⁵ Архангельск. 1907. №17. 30 янв. С. 4.

⁴⁸⁶ Федотова Е.Д. Указ. соч. С. 93.

жандармская организация не может ограничиваться пребыванием лишь в уездных центрах. При невозможности ввода новых отделений, АГЖУ направило расширение по иному пути.

Это выразилось в увеличении «точечного» присутствия нижних чинов в различных наблюдательных пунктах. Ранее временные пункты работали в селе Сёмжа и в Сумском посаде. В 1906 г. в Суме открывался постоянный наблюдательный пункт, и тогда же штат АГЖУ вырос до 35 чинов⁴⁸⁷. В следующем году жандармы приступили к службе в Усть-Цильме. В целом повседневный надзор оставался в рамках привычной рутины. Жандармы на пунктах наблюдали за крестьянами, учителями, призывниками на военную службу. Унтер-офицеры продолжали свои объезды вверенных районов. К примеру, объезд из Холмогор по участку составлял для жандарма до 232 верст⁴⁸⁸. На тот момент в Холмогорах служило два унтер-офицера. Помимо прочего, они докалывали о смотрах формирующихся команд полицейских стражников, а также обучали тех стрельбе из винтовок, проверяли снабжение и квартиры⁴⁸⁹. Не всегда жандармы выполняли объезды добросовестно. В 1905 г. отмечалось, что унтер-офицеры, возвращаясь из поездок, обычно представляют только описание маршрута и часто «ни одного слова о том, что было ими замечено, тогда как это является целью объездов»⁴⁹⁰.

Впрочем, жандармская служба в принципе не была простой, особенно в условиях сурового климата и бездорожья. Иногда нижние чины не выдерживали. Например, в мае 1906 г. пришлось арестовать унтер-офицера Углова, который долгое время проявлял странное поведение. При дальнейших разбирательствах он был признан невменяемым, и с «расстройством нервной системы» увольнялся в запас⁴⁹¹. Здесь же нельзя не отметить кадровый инцидент, имевший место уже в 1908 г. Унтер-офицер Семенов во время филерской службы, находясь в квартире, выстрелил в себя

⁴⁸⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 98. Л. 5 об.

⁴⁸⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 528. Л. 26 об.

⁴⁸⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 542. Л. 7, 35-36.

⁴⁹⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 502. Л. 56.

⁴⁹¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 98. Л. 46-47.

из нагана, ранив шею и руку. Выяснилось, что он страдал алкоголизмом, часто говорил, что «тяготится жандармской службы». АГЖУ пришло к выводу, что «на почве сифилиса и алкоголизма» у жандарма в итоге случился «мозговой припадок», после чего Семенова уволили⁴⁹².

Но все-таки главной «кадровой проблемой» для АГЖУ являлся подполковник И.Д. Петровский, не раз попадавший в разного рода происшествия. Он был помощником начальника по Архангельску и Архангельскому уезду с 1900 по 1908 гг. Почти весь этот срок АГЖУ регулярно вычитало из жалованья подполковника 53 рубля в уплату взысканных судом долгов по вексям⁴⁹³. В 1904 г. из штаба ОКЖ А.А. Вейтбрехту писали о недостойном поведении Петровского, который, «помимо пьянства и растрат прогонных денег», «устроил при квартире общежитие для учениц средних заведений», и оказывает им «ласковое свое попечение, ничего общего с воспитательными началами не имеющее», навлекая порицание общества⁴⁹⁴. В начале 1906 г. в переписке с ДП А.Ф. Соболев дал Петровскому разгромную характеристику и сообщил о начале дознания в связи с многочисленными скандалами⁴⁹⁵.

В октябре 1907 г. прокурор В.И. Греков получил анонимное письмо о том, что главный инженер порта П.Г. Минейко, живущий у тещи в доме Двойниковой, «зверски избивает свою жену и мать своей жены Екатерину Двойникову» Мало того, он «пытался застрелить их из револьвера». Помешавшая этому прислуга утверждала, что скандалы в семье происходят часто. В письме говорилось, что положение должно быть «небезызвестно живущему в том же доме жандармскому подполковнику Петровскому, который почему-то не предпринимает никаких мер к прекращению таких преступлений, которые безнаказанно творятся Петром Минейко»⁴⁹⁶.

⁴⁹² ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 105. Л. 49-50.

⁴⁹³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 90, 104; Оп. 1. Д. 5225.

⁴⁹⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5171. Л. 43а.

⁴⁹⁵ Там же. Л. 61-62.

⁴⁹⁶ ГААО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1095. Л. 368-368 об.

При всем при этом И.Д. Петровский продолжал быть на посту и определять политику АГЖУ в городе, исправно проходя аттестацию. Пресса находила любой предлог, чтобы упомянуть об этой личности, куда более заметной, нежели жандармские начальники. Например, писала о случае, как «три жандарма куда-то уводили гимназиста». Выяснилось, что это вели под руки в лечебницу сына Петровского, который поранился топором⁴⁹⁷.

В связи с учреждением в конце 1906 г. районных охранных отделений возникали различные поводы к переписке с Московским РОО, которому АГЖУ подчинялось в вопросах розыска и вербовки секретных сотрудников, систематизации сведений о политических организациях различной идеологической направленности: их членах и изменениях численности.

Переписка с Центральным РОО в 1907 г. носила в основном односторонний характер. А.Ф. Соболев не часто поставлял собранные сводки наблюдений и агентурные сведения, встречал критику за задержки. В майском рапорте он обозначил, что «ссылных в губернии раньше никогда не было столько, сколько в настоящее время» (всего 1500, из них 200 в Архангельске). Они делают в уездах «что хотят», а «полиция прячется». В подобных условиях текущая переписка АГЖУ увеличилась в 3 раза по сравнению с 1905 г., а почти все дознания ложились на И.Д. Петровского. В итоге Соболев констатировал, что АГЖУ не справляется с вызовом, и потому просил прикомандировать к Управлению офицера для заведования розыскным делом, но исполнить этого РОО не могло⁴⁹⁸. В письме на имя главы московской «охранки» М.Ф. фон Коттена полковник обозначил, что «розыскное дело в АГЖУ крайне не удовлетворительно», агентуру приобрести не удастся, не хватает средств и кадров⁴⁹⁹. В этих условиях местные жандармы довольствовались случайными сведениями и данными «от нескольких ненадежных агентов», которые не раз «провалились».

⁴⁹⁷ Северный листок. 1906. №13. 13 янв. С. 3.

⁴⁹⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 220. Л. 27-29.

⁴⁹⁹ ГАРФ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 3011. Л. 7.

В ноябре 1907 г. Московское РОО просило АГЖУ выслать двух унтер-офицеров в Ярославское охранное отделение на обучение основам филерской службы. «Охранка» акцентировала внимание на том, что «жандарм в штатском платье – это еще не готовый филер»⁵⁰⁰. Если вспомнить февральскую заметку «Архангельска» о вопиющем дилетантизме местных жандармов в слежке, подобное обучение было остро необходимо.

В отличие от контактов с РОО, в текущем взаимодействии жандармов с общей полицией было мало нового. Хотя чины обоих ведомств стали на регулярной основе проводить совместные обыски и расследования, в целом отношения оставались натянутыми. Во многом это было связано с внедрением в губернии отрядов полицейской стражи, над которой закрепилось «двоевластие» ГЖУ и администрации.

Жандармы не только инспектировали стражу, но и расценивались губернатором как «непосредственные начальники» стражников в тех случаях, когда было нужно усмирять беспорядки и народные волнения⁵⁰¹. При этом сам начальник АГЖУ был подотчетен губернским властям по всем делам стражи. Он снабжал офицеров удостоверениями на льготный проезд по железным дорогам, производил отрядам «смотри в строевом отношении, поверку отправления ими внутренней службы и состояние дисциплины», но лишь с ведома губернатора. Циркуляр МВД отмечал «недоразумения относительно именованя офицеров полицейской стражи»: эти чины не могли считаться «помощниками губернского инспектора стражи», так как звание закреплялось только за офицерами ГЖУ⁵⁰².

Унтер-офицеры на пунктах не только инспектировали и тренировали стражников, но и представляли начальнику АГЖУ списки со сведениями об их службе. О ходе строевых занятий также требовалось докладывать. За обучение стражников стрельбе и строевому делу жандармам в качестве награды полагалось от 20 до 30 рублей в год. В 1907 г. И.Д. Петровский по

⁵⁰⁰ Там же. Л. 115.

⁵⁰¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5333. Л. 1.

⁵⁰² ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5513. Л. 71; Ф. 1. Оп. 12. Д. 81. Л. 5, 25.

итогах смотра отрядов в Шенкурске составил развернутую и в целом негативную характеристику состояния стражников⁵⁰³. Тогда же возникла и конфликтная ситуация между АГЖУ и полицией. А.Ф. Соболев негодовал в письме помощнику, будто Мезенский исправник А.Н. Репин распорядился, чтобы «полицейские чины и стражники не вступали в сношения с жандармами и не пускали их к себе в казармы». И.Д. Петровский получил приказ вести расследование, по итогам которого начальник АГЖУ намеревался обратиться в ДП⁵⁰⁴.

Отношения с уездными исправниками обстояли не лучшим образом. АГЖУ просило у Н.Н. Качалова выпустить «соответствующее распоряжение» в виду неоднократно повторяющихся «отказов в грубой форме» Шенкурского исправника содействовать жандармам в наблюдениях и докладывать о перемещениях поднадзорных⁵⁰⁵. Впрочем, были и обратные случаи межведомственной небрежности: в марте 1907 г. жандармы вызвали на допрос в АГЖУ двух околоточных надзирателей, и адъютант Л.Ф. Бетковский завел их «в прокуренную кухню». Возмущенный таким отношением к чинам полиции, один из надзирателей покинул помещение⁵⁰⁶.

При этом общая полиция видела и признавала достоинства жандармов. Онежский исправник Л.А. Донеико в рапорте губернатору отмечал, что в условиях «действительно плохого» надзора, его надлежащий уровень может установиться лишь «если бы на пять ссыльных был один наблюдающий, хорошо обученный, вооруженный и дисциплинированный как, например, жандармы». Донеико к тому же отметил, что нижние чины полиции, в отличие от жандармерии, не вооружены и «проявляют слабость»⁵⁰⁷. Полиция все больше становилась объектом критики за неспособность преодолеть рост уголовной преступности⁵⁰⁸.

⁵⁰³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 914. Л. 89; Оп. 1. Д. 539. Л. 27-29, 253.

⁵⁰⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 79. Л. 65.

⁵⁰⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.3. Д. 1202. Л. 103.

⁵⁰⁶ Голос Севера. 1907. №157. 13 янв. С.4.

⁵⁰⁷ ГААО. Ф.1. Оп. 4, т.3. Д. 1334. Л. 10.

⁵⁰⁸ Голос Севера. 1907. №163. 20 мар. С. 4.

В революционный период продолжало исполнять свои служебные обязанности и АО ЖПУ. Оно принимало ориентировки на подозреваемых в политических и уголовных преступлениях от ДП и различных РОО. В случае обнаружения подобного лица было необходимо его обыскать, арестовать и донести начальству, но дело осложнялось тем, что к ориентировкам редко прилагались фотокарточки подозреваемых⁵⁰⁹. Обязанностью чинов было также, в случае обнаружения, уничтожение или изъятие нелегальной литературы из получаемых списков. В целом служба чинов Архангельского отделения оставалась рутинной и состояла прежде всего в расследовании «бытовых» происшествий. Жандармам предписывалось не уклоняться от «наблюдения стоящих на станциях почтовых вагонов», при этом не допускать их простоя, а также выезда автомобилей на железнодорожные пути⁵¹⁰. Чины расследовали самоубийства в зоне ответственности, составляли протоколы и акты при несчастных случаях, даже если рабочий только травмировался, наступив на торчащий гвоздь⁵¹¹.

С 1907 г. чинам ЖПУ ж.д. увеличивалось жалованье, которое до того составляло 15 рублей (и 10 квартирных). На Московско-Ярославско-Архангельской линии вводилось три разряда, которым выплачивалось по 25, 30 и 35 рублей в месяц. Это вызвало недовольство газет, как и доходы вахмистров АГЖУ, которые в тот же период получали больше, чем «учитель, фельдшер и акушерка вместе взятые»⁵¹².

Единственным громким эпизодом в деятельности АО ЖПУ в революционный период стало происшествие лета 1906 г. Под предводительством Марии Гулишамбарово́й 11 ссыльных грузин захватили поезд и, угрожая унтер-офицерам оружием, бесплатно проехали 390 верст со станции Обозерской до Лещево, чтобы бежать на юг. По итогам разбирательства трое жандармов, не предпринявших мер, были арестованы, а

⁵⁰⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 4. Д. 3. Л. 17.

⁵¹⁰ Там же. Л. 1, 6.

⁵¹¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 4. Д. 5. Л. 3, 15.

⁵¹² Северный листок. 1906. №275. 6 дек. С. 2; Голос Севера. 1907. №201. 9 мая. С. 6.

1 августа подполковник С.Г. Плец получил выговор. Штаб ОКЖ обрушился на жандармов Вологодско-Архангельской линии, в особенности на АО ЖПУ, чьи чины «совершенно не понимают свои обязанности»⁵¹³. По иронии судьбы захватившим поезд беглецам к тому моменту уже было разрешено вернуться на родину, но они этого не знали⁵¹⁴.

Тем не менее, служба постепенно менялась к лучшему. В мае 1907 г. инспекция начальника Московско-Архангельского ЖПУ полковника Н.П. Касаткина выявила на городской станции «хороший уровень службы во всех отношениях», здоровый и бодрый вид унтер-офицеров, отметила, что приемы с шашками проделаны хорошо, но «с винтовками чины ознакомлены недостаточно». При проверке качества стрельбы в ноябре жандармы АО ЖПУ показали 28% попаданий из винтовки и 53% из револьверов⁵¹⁵.

В качестве основного вывода по итогам политического сыска в губернии революционного периода, можно констатировать, что административная высылка, использовавшаяся властями для ослабления революционных партий в центре страны, фактически переносила «вредную» деятельность в регион. Ссылки и прежде были в губернии основным фактором приложения жандармского надзора, многочисленных споров с общей полицией и поводом к возбуждению дознаний. Резко увеличившись в начале XX века, к 1905-1907 гг. ссылка стала катализатором создания революционных партийных ячеек и массовых выступлений в губернии, что в итоге привело к столкновениям, которые ни до, ни после революции в местных условиях не повторялись с такой частотой.

В этом смысле революционный взрыв был логичным итогом копившегося брожения в среде поднадзорных, и АГЖУ хотя бы частично, но было к этому готово. С другой стороны, революционный период стал и качественно новым для деятельности местной политической полиции: вместо исполнения гласного и негласного надзора на первый план вышел

⁵¹³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 233а. Д. 1350 ч.24. Л. 64-67.

⁵¹⁴ Северный листок. 1906. №198. 2 сен. С.2.

⁵¹⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 4. Д. 2. Л. 20.

политический розыск с необходимостью развивать агентурную работу, вести филерское наблюдение за представителями революционных партий. Здесь губернские жандармы столкнулись с большими трудностями, которые в дальнейшем предстояло преодолевать.

2.2. Региональный политический сыск и жандармский надзор за массовыми движениями в 1907-1914 гг.

После того, как 3 июня 1907 г. была распущена II Государственная Дума и изменен избирательный закон, правительство П.А. Столыпина перешло от реактивных мер по борьбе с революционерами к последовательному ужесточению политики, подавлению любых попыток выступлений. Несколько лет продолжались многочисленные «ликвидации» нелегальных организаций и кружков. В результате всех усилий после революции властям удалось выявить и разгромить большинство боевых организаций революционных партий⁵¹⁶.

В условиях «столыпинской реакции» было очевидно значение политического сыска, и потому вновь становился актуальным вопрос о реформе полиции с целью ее дальнейшей централизации. Еще в 1905 г. бывший министр юстиции Н.В. Муравьев предлагал полное объединение общей полиции и жандармерии в специальном ведомстве во главе с шефом жандармов, который стал бы также «министром полиции»⁵¹⁷.

Теперь же П.А. Столыпин поручил ДП разработать реформу, предусматривавшую пересмотр статуса жандармов. В губерниях начальнику ГЖУ передавалось бы полное заведование полицией, причем он получал бы звание «помощника губернатора по полицейской части», тем самым

⁵¹⁶ Вязьмитинов М. Н. Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 89–93.

⁵¹⁷ Ганелин Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция. СПб., 1991. С. 197.

напрямую подчинившись местной власти⁵¹⁸. К ноябрю 1908 г. были готовы «Основные положения преобразования полиции в Империи». Однако обсуждение затянулось, а затем реализация вовсе отменялась, поскольку в случае проведения реформы ГЖУ были бы расформированы, и центральная власть лишилась в лице жандармов инструмента по контролю политики губернаторов на местах.

В то время как ОКЖ сохранил свое положение в военной и полицейской системе, продолжая борьбу с государственными преступлениями, в губернскую полицию внедрялся новый институт – сыскные отделения. Их учреждение 6 июля 1908 г. было призвано создать ведомства для производства дознаний и негласных расследований в борьбе с возросшей обще-уголовной преступностью⁵¹⁹. Этот шаг можно считать одним из воплощенных аспектов предполагавшейся реформы полиции.

В мае 1908 г. П.А. Столыпин заметил, что полицейские чины «совершенно незнакомы с техникой политического розыска и негласных расследований», а губернаторы «не нашли необходимым рекомендовать начальникам полиции войти в сношения с ГЖУ». В очередной раз отмечалась необходимость «полного объединения всех жандармских и полицейских розыскных органов» под руководством начальника ГЖУ, как наиболее компетентного лица в политическом розыске⁵²⁰. Только ему чины обязывались доставлять неотложные сведения, в то время как на губернатора ложилась ответственность «к объединению деятельности органов».

После гибели П.А. Столыпина, а затем увольнения его преемника А.А. Макарова начался новый этап в развитии жандармско-полицейской системы, совпавший также со стабилизацией политической обстановки: 1911-1913 гг. выдались наиболее спокойными. Для этого времени тоже были

⁵¹⁸ Джунковский В.Ф. Воспоминания в 2-х т. Том 2. М., 1997. С. 135; Рыжова Ю.В. Правовые основы деятельности отдельного корпуса жандармов по обеспечению внутренней безопасности во второй половине XIX – начале XX вв. / Научные междисциплинарные исследования: сборник статей V Международной научно-практической конференции. М., 2020. С. 201-202.

⁵¹⁹ Жилина Ю.А. Агентурная деятельность сыскных отделений Российской империи в начале XX века // Современное право. 2011. №6. С.169.

⁵²⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.4. Д. 1175. Л. 2 об.-4 об.

характерны попытки реформировать политический сыск, но уже в отдельных аспектах. При министре внутренних дел Н.А. Маклакове его товарищ В.Ф. Джунковский инициировал политику ослабления агентурно-розыскной деятельности жандармов на фоне, казалось бы, победы режима над революционерами. Джунковский примет решение о сворачивании агентурной работы ДП в армии и среди учащихся. В 1913 г. по его инициативе начнется постепенная ликвидация охранных отделений, которых в итоге останется только три из числа самых старых: в Петербурге, Москве и Варшаве⁵²¹. Упразднены также и РОО, за исключением Восточно-Сибирского, Кавказского и Туркестанского.

Наращение реакции после «третьеиюньского переворота» и усиление розыска при П.А. Столыпине непосредственным образом коснулись Архангельской губернии. Чины АГЖУ стали действовать жестче и увереннее. Накануне роспуска Думы прошли массовые обыски в городе, а губернатор Н.Н. Качалов затребовал у прессы правильно освещать события, угрожая в противном случае штрафом или темя месяцами тюремного заключения⁵²². В одну из ночей жандарм и трое городских устроили погоню за давно разыскиваемым рабочим Успенским с завода Карла Стюарта. Остановить его помог лишь предупредительный выстрел, после чего рабочего доставили в АГЖУ к И.Д. Петровскому⁵²³. В результате всех проведенных обысков и арестов 16 июня колония политических ссыльных в Архангельске «полностью ликвидировала свои дела»⁵²⁴.

После установления «третьеиюньской монархии» полковник Соболев продолжал старания по выявлению революционных ячеек и настроений. В сентябре 1907 г. он отмечал, что организация ПСР в городе незначительна, причем указал, что возглавляют ее И.В. Галецкий и И.А. Лебедев, которые «крайне осторожны» и стараются влиять на учащихся через различные

⁵²¹ Гурлев И.В. Указ. соч. С.146.

⁵²² Голос Севера. 1907. №222. 5 июня. С. 4.

⁵²³ Голос Севера. 1907. №220. 2 июня. С. 4.

⁵²⁴ Архангельск. 1907. №124. 16 июня. С. 4.

общественные организации. Хотя «особой военно-революционной организации» у местных эсеров нет, Галецкий был намерен возродить издание «Северного листка»⁵²⁵. Кроме того, в сентябрьских сводках Центральному РОО было указано, что готовится побег из тюрьмы для С.И. Аданаиа. Агентурные данные становились все более скудными: в декабре никаких сведений по эсерам и социал-демократам «не поступало», организация последних «значительно ослабла, расстроилась», так как многие активные члены выехали⁵²⁶.

В январе 1908 г., исходя из сведений о возникновении в разных губерниях крестьянских кружков («братств»), Соболев распорядился командировать в села унтер-офицеров для негласной проверки. Отчет показал, что крестьянских братств в Архангельской губернии не возникало. Тщательное наблюдение велось также за всеми 23 известными профессиональными союзами и обществами. Отдельное внимание уделялось учителям, сведения о которых доставлялись А.Ф. Соболеву помощником каждый месяц⁵²⁷.

Однако работа АГЖУ все меньше удовлетворяла начальство по розыскному делу. Один из ответов полковника Соболева на запрос был назван Московским РОО «канцелярской отпиской». Претензию вызвало и наблюдение за беглым ссыльным «Черным», которого, по мнению РОО, следовало арестовать. Отмечалось «неправильное понимание» Соболевым назначения отчетности о лицах, проходящих по наружному наблюдению⁵²⁸. Директор ДП М.И. Трусевич в конце 1907 г. писал командиру ОКЖ Ф.Ф. фон Таубе, что начальник АГЖУ «ни в чем не проявляет активной деятельности» по борьбе с угрозами и «до сего времени» не завел агентуры⁵²⁹.

⁵²⁵ ГАРФ. Ф. 280. Оп. 1. Д. 3013. Л. 1-2.

⁵²⁶ Там же. Л. 24. Ф. 280. Оп. 1. Д. 3014. Л. 7, 11-13.

⁵²⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 104. Л. 13-16, 42; Д. 116. Л. 1.

⁵²⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 220. Л. 115, 124.

⁵²⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 13219. Л. 4-5.

В свою очередь, А.Ф. Соболев 16 февраля написал подробный рапорт для барона фон Таубе. Фактически это была всесторонняя критика условий службы. Полковник осветил две наиболее острые проблемы АГЖУ. Во-первых, отсутствие агентуры в силу неразвитости навыков специального политического розыска у «старых жандармских офицеров», к которым начальник АГЖУ отнес и себя. Во-вторых, «несоответствие штатного расписания» АГЖУ с предъявляемой ему массой работы. Здесь Соболев вспомнил о сокращениях штата в 1898 и 1902 гг., накануне обострения ситуации, хотя во времена, когда для жандармов «почти не было работы», в АГЖУ служило сразу три помощника⁵³⁰.

Обозначенные проблемы привели к тому, что начальство АГЖУ было сменено. В феврале 1908 г. губернию покинул И.Д. Петровский, который получил назначение помощником начальника Екатеринославского ГЖУ⁵³¹. 1 марта был снят с должности А.Ф. Соболев, а новым начальником АГЖУ назначался полковник Н.И. Мочалов. Он сам изъявил желание перейти на службу в Архангельск, и его инициатива еще в ноябре 1907 г. обсуждалась между М.И. Трусевичем и Ф.Ф. фон Таубе⁵³².

Роль Н.И. Мочалова как опытного функционера политического сыска стала очень заметной, оказав влияние на весь «реакционный» период. И.В. Сосновский возлагал большие надежды на его «познания, опыт и энергию в розыскном деле». С Архангельской губернией Мочалов познакомился еще в 1888 г., когда служил адъютантом АГЖУ, а позже исполнял должность помощника в Пинежском и Мезенском уездах⁵³³. В отличие от А.Ф. Соболева, чья карьера развивалась в основном в Москве, Н.И. Мочалов был тесно связан с Петербургом. В 1901-1902 гг. он исполнял

⁵³⁰ Там же. Л. 8-12.

⁵³¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 104.

⁵³² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 13219. Л. 2-4.

⁵³³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 4. Л. 2. Подробнее см.: Резанов А.Д. «Учреждение, где ведают страхом и ужасом»: Архангельское губернское жандармское управление в 1908-1915 годах // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. Серия «История и филология». 2024. №1 (67). С. 72-79.

обязанности начальника столичного охранного отделения: на тот момент единственный пример руководства «охранкой» среди начальников АГЖУ.

В конце 1908 г., ознакомившись с положением дел в губернии, Н.И. Мочалов написал в штаб ОКЖ о проблемах, которые выявил, в частности, в работе полиции. По его данным, Холмогорский исправник Н.Е. Попов выслал из города направленного АГЖУ агента. К тому же он пригрозил местным поднадзорным грядущими обысками, после того как те прошли в Пинеге, за что «получил от ссыльных признательность»⁵³⁴.

Более того, новый начальник АГЖУ пришел к выводу, что «фактического надзора за ссыльными не существует», работа городских «не выдерживает никакой критики», заметны проявления попустительства ссыльным. Помимо различных документов и переписок, Мочалов направил в ОКЖ недавно выпущенную книгу М.В. Ильинского «Архангельская ссылка», на которую сослался как на одно из распространяемых сочинений.

Так в рапорте Н.И. Мочалова нашли отражение три наиболее актуальные, притом давние, проблемы губернии в политическом сыске: отношения АГЖУ с исправниками, агентурная работа и состояние надзора за ссыльными. В первый же год руководства полковник развернул оперативно-розыскную деятельность, поддерживая ее на должном уровне. 25 сентября 1908 г. завершилось дознание по итогам обнаружения в книжном магазине М. Г. Шашковской «книг и брошюр преступного противоправительственного содержания». Большое количество нелегальной литературы было обнаружено в ходе обыска в Архангельском союзе рабочих печатного дела⁵³⁵.

Н.И. Мочалов отметил необходимость контроля оборота оружия, приказав помощнику Э.Ф. Коху «иметь наблюдение за возможной продажей винтовок из войсковых частей, расположенных в Архангельске, а равно и вообще за торговлей ружьями нового казенного образца»⁵³⁶. В условиях, когда продолжалось распространение прокламаций, было установлено

⁵³⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 505. Л. 18-21.

⁵³⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 99. Л. 276-281; Ф. 1. Оп. 4, т.4. Д. 12. Л. 31.

⁵³⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 101. Л. 13.

негласное наблюдение за проживающим в Маймаксе Ф.П. Типисевым, который, по сведениям АГЖУ, «состоит в социал-демократической партии, ведет знакомство с политическими ссыльными Архангельска и получает от них много книг преступного содержания, которые раздает для чтения рабочим лесопильного завода»⁵³⁷.

Немаловажным делом для Мочалова стала установка связей с администрацией и «охранкой». В обоих случаях сотрудничество было налажено. 12 октября 1908 г. губернатор Сосновский напомнил полицмейстеру В.И. Лапину и уездными исправникам об обязанности сообщать «все агентурные и негласные сведения начальнику АГЖУ без всяких формальностей»⁵³⁸. В том же году АГЖУ было получено отношение Московского охранного отделения о высылке на три года в Архангельскую губернию Е.И. Хоминской, которая подозревалась в «принадлежности к группе анархистов-коммунистов». АГЖУ поручалось «препроводить ей расписку» и уведомить об этом охранное отделение⁵³⁹.

Непросто при этом складывалось сотрудничество нового начальника АГЖУ с АО ЖПУ, при проверке которого чинами РОО выяснилось, что «никакой агентуры не имеется», а ротмистр Н.А. Веришко «не имеет об этом ни малейшего понятия». Когда на станции Архангельск-пристань произошло «буйство рабочих» у чайной, и полиция арестовала 9 фигурантов, начальник железнодорожной жандармерии не уведомил АГЖУ об инциденте. Н.И. Мочалов счел, что ротмистр Веришко «уклоняется от ведения розыска», и тогда начальник Московско-Архангельского ЖПУ Н.П. Касаткин сделал тому выговор за неподчинение АГЖУ в производстве дознаний⁵⁴⁰. В начале 1909 г. Н.А. Веришко вообще будет снят с должности, и только новый начальник АО ЖПУ подполковник Е.О. Щербович-Вечор постепенно наладит агентурную работу. В начале 1914 г. в ответ на циркуляр ДП он

⁵³⁷ Там же. Л. 47.

⁵³⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5870. Л. 34.

⁵³⁹ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 196. Л. 1 об.

⁵⁴⁰ ГАРФ. Ф. 280. Оп. 2. Д. 5028. Л. 7-8, 39.

доложит, что не сталкивался с агентурными сведениями, которые оказались бы впоследствии не заслуживающими доверия⁵⁴¹.

Н.И. Мочалов представлял именно тот тип руководителя политического сыска, который был необходим губернии с точки зрения ДП в условиях реакции: функционер, искушенный в розыске и агентурной работе, способный усмирить многочисленный революционный и оппозиционный элемент, используя передовые методы. На полковника была сделана большая ставка, так как он пробудет в должности начальника более семи лет.

В годы его руководства АГЖУ сумело изменить подход к ведению политического розыска. Если при А.Ф. Соболеве он сводился в основном к многочисленным обыскам и «набегам» в попытке найти хоть какие-то нелегальные материалы, то теперь целью стала последовательная, интенсивная борьба с активностью колоний ссыльных для полной нейтрализации их влияния во всех уездах.

Но, перед тем как переходить к действию, Н.И. Мочалов способствовал принятию важного организационного решения: с 18 февраля 1909 г. ДП переводил АГЖУ из округа Московского РОО к Санкт-Петербургскому (Северному) РОО. Департаментом было признано, что Архангельская губерния «в отношении революционного движения совершенно не имеет связи с Москвой, а тяготеет к Петербургу»⁵⁴². Поэтому до 1909 г. систематического наблюдения за подпольными организациями не было. Отчеты в Московское РОО давали либо отрывочные сведения, либо ничего не выявляли, несмотря на уточняющие запросы. В столице же полковник имел множество связей, поэтому перевод являлся весьма уместным.

Теперь было необходимо тщательное выявление членов революционных структур с опорой на грамотно поставленное наружное наблюдение и агентуру. Поначалу это давалось с трудом: в июне 1908 г. АГЖУ констатировало, что не имеет сведений о местной организации

⁵⁴¹ ГАРФ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 127. Л. 9.

⁵⁴² ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 508. Л. 3.

РСДРП, хотя предполагалось, что таковая существует в виду слишком активного распространения прокламаций. Тогда же было признано отсутствие (по-прежнему) у местных жандармов секретной агентуры⁵⁴³.

Позже начальник АГЖУ констатирует, что «фактическое наблюдение» за лицами местного сообщества социал-демократов и ведение отчетности было установлено с 11 ноября 1908 г. Их организация, как отмечалось в сводке, оформилась в мае 1909 г., проявляя активность в Архангельске, Холмогорах и Онеге. Боевого крыла при этом не имела⁵⁴⁴. Отныне сводки наблюдения за РСДРП и ПСР в Архангельске каждый месяц направлялись в Северное РОО. Они включали все сведения, полученные по донесениям секретных сотрудников либо владельцев домов. В журнале наблюдений фиксировались адреса, которые посещали подозреваемые «партийцы». Самим поднадзорным членам революционных организаций для удобства слежки давались клички.

До мая 1909 г. АГЖУ не вело столь тщательного наблюдения. В январе ДП интересовался, существует ли вообще в Архангельской губернии организация СД, учитывая, что сведения о ней не отсылаются в столицу? Н.И. Мочалов объяснял, что АГЖУ уже располагает агентурой среди ссыльных социал-демократов, но сведения от сотрудников пока не поступали. В преддверии 1 мая были обысканы шесть поднадзорных, а филеры АГЖУ выявили кружок из восьми человек⁵⁴⁵. В июне местными жандармами был приобретен агент «Проводник», который подтвердил, что в городе есть попытки создать организацию РСДРП из учащихся и ссыльных, к тому же выдал сведения о троих активистах. В это же время сотрудник «Демидов» стал доставлять в АГЖУ переписки социал-демократов⁵⁴⁶.

Судя по докладам в РОО, местные социал-демократы занимались тем, что печатали воззвания на квартирах и были «озабочены постановкой

⁵⁴³ ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 110. Л. 14.

⁵⁴⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 10. Л. 1; Д. 13. Л. 19.

⁵⁴⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 7. Л. 4, 20.

⁵⁴⁶ Там же. Л. 43, 73.

солидной типографии». В ходе усиления сыска было реанимировано одно из старых дел. В поджоге здания Технического училища с целью «убить директора в суматохе» в 1907 г. стали подозреваться симпатизанты РСДРП⁵⁴⁷. В сентябре жандармами были получены сведения о пропагандистах в Мезени и Шенкурске, кроме того, к концу года усиливалось наблюдение в Онеге, где, как полагалось, социал-демократического сообщества нет. Всего в 1909 г. АГЖУ определило в общей сложности 23 члена местной организации РСДРП, а в 1910 г., судя по числу кличек, их насчитывалось 18⁵⁴⁸.

Ведение отчетов по наблюдению за партиями и предоставляемые в Особый отдел ДП сведения агентов в это время не всегда были корректными. Н.И. Мочалову было указано, что, поскольку агентурные сведения о намерении социал-демократов устроить стачки на лесопильных заводах не подтвердились наружным наблюдением, не следовало затем проводить безрезультатные обыски. Зато требовалось обратить пристальное внимание на ненадежного секретного сотрудника⁵⁴⁹.

Продолжая наблюдение за ситуацией, в июле 1909 г. Н.И. Мочалов велел районным унтер-офицерам следить за тем, кто из социал-демократов может отправиться в школу Максима Горького на Капри⁵⁵⁰. В начале марта АГЖУ в переписке с прокурором подвело итоги обысков в «Холмогорском союзе политических ссыльных», образованном в 1907 г. Как оказалось, в союз входили все до единого ссыльные Холмогор⁵⁵¹.

Несмотря на проблемы розыска, активность сторонников РСДРП в губернии явно снижалась. На запрос Петербургского РОО сведений по происшествиям 1 мая 1910 г. АГЖУ утверждало, что попыток демонстративного празднования не было, так как после разгрома в 1906 г.

⁵⁴⁷ Там же. Л. 68.

⁵⁴⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 513. Л. 52-55; Оп. 7. Д. 13.

⁵⁴⁹ Там же. Л. 103.

⁵⁵⁰ ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 91. Л.1.

⁵⁵¹ Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 г.) Архангельск, 2004. С. 319-320.

организация РСДРП в Архангельске «существует только номинально». Напротив, эсеры по-прежнему активно разбрасывали прокламации⁵⁵².

Отдельные подстрекатели, судя по отчету, нейтрализуются сериями обысков, причем чаще всего они даже не выявляют нелегальной литературы. Полковник Мочалов обратил внимание, что в этих условиях рабочий Михайлов – единственное лицо, которое «по своей инициативе самостоятельно пропагандирует» среди других рабочих. АГЖУ установило за ним наблюдение «с целью ликвидации при очередном акте пропаганды», причем Мочалов отметил, что губернатор был не против такого замысла. В свою очередь, РОО также не имело возражений по поводу «ликвидации» Михайлова⁵⁵³. Несмотря на подобные «совещания», под ликвидацией имелось в виду не политическое убийство, а арест с личным и последующим возбуждением дознания.

АГЖУ предприняло активные действия летом 1910 г., когда стало известно, что в Пинеге образовалась группа из 18 «эсдеков». 15 сентября прибывший из Архангельска жандармский отряд провел 35 обысков в местной колонии⁵⁵⁴. Однако вместо похвалы в ноябре ДП известил Н.И. Мочалова, что «право производить обыски у ссыльных в установленном порядке есть лишь у общей полиции». Поскольку не было установлено признаков государственного преступления, чины АГЖУ не должны были самостоятельно вмешиваться⁵⁵⁵.

Что касается борьбы жандармов с местными эсерами, важно понимать, что среди ссыльных губернии часто не было четкого деления по партийному признаку. Многие противники режима причисляли себя к обеим партиям, участвуя в их деятельности. С 1909 г. Н.И. Мочалов собирал данные наблюдения за 14 лицами, принадлежавшими к организации ПСР, некоторые

⁵⁵² ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 10. Л. 30, 48, 52

⁵⁵³ Там же. Л. 46-48.

⁵⁵⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 10. Л. 69-70, 102.

⁵⁵⁵ Там же. Л. 116.

из которых по сводкам также относились к социал-демократам. Это было замечено Петербургским РОО, которое затребовало прояснений⁵⁵⁶.

По агентурным сведениям, на начало 1910 г. в местной организации эсеров было выявлено не менее 20 членов: большинство из них рабочие, а среди учащихся агитирует интеллигенция. В Архангельске отмечены восемь эсеров, остальные «устроены по заводам». Организация располагает библиотекой и небольшим складом оружия, «налаживает типографию»⁵⁵⁷. Местные эсеры прилагали большие усилия по распространению агитации, в том числе в закрытых письмах на адрес Общества изучения Русского Севера. Однако эта форма пропаганды была быстро нейтрализована, так как Общество возглавлял вице-губернатор А.Ф. Шидловский, лично вскрывавший письма и направлявший их в АГЖУ⁵⁵⁸.

В начале 1910 г. АГЖУ получило данные из Пинеги, что организация эсеров в уезде себя не проявляет. Чуть позже начальник Вологодского ГЖУ А.В. Штольценбург сообщил Н.И. Мочалову, что, по агентурным сведениям, эсеры усиливаются в Онеге во главе со ссыльным К. Молендой, однако в отчете для РОО Мочалов указал, что секретным сотрудником в Онеге «Колей» эти сведения не подтвердились, а организации там не существует⁵⁵⁹.

В апреле 1910 г. выяснилось, что в Холмогорах имело место совместное собрание 21 члена ПСР и РСДРП. Филерское наблюдение за этими лицами оказалось «по местным условиям совершенно невозможно», но группу было решено ликвидировать «в наиболее благоприятный момент для изобличения»⁵⁶⁰. Такой момент выдался в июле, когда по поручению АГЖУ полиция провела массовые обыски у ссыльных в Холмогорах, выявив множество пропагандистских писем и литературы⁵⁶¹.

⁵⁵⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 514. Л. 14-15.

⁵⁵⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 11. Л. 147-148.

⁵⁵⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 555.

⁵⁵⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 11. Л. 28, 39 об.

⁵⁶⁰ Там же. Л. 58 об.

⁵⁶¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.5. Д. 756. Л. 57-58.

Несколько ранее, в мае обыски прошли в Архангельске. Была выявлена группа лиц, оказывавшая материальную помощь ссыльным. В качестве инициатора деятельности был установлен врач С.А. Никонов, активно проявивший себя в 1904-1905 гг.⁵⁶² В июне против него и еще троих подозреваемых было возбуждено дело «в порядке охраны». С.А. Никонов, продолжая деятельность после снятия гласного надзора, якобы организовал комитет Красного креста ПСР для помощи ссыльным и укрепления их организации. Н.И. Мочалов направил результаты охранной переписки губернатору⁵⁶³. Через год дело получило продолжение, когда на основании ст. 29 «Положения» 1881 г. был задержан и содержался под стражей А.И. Винников, служащий Архангельской казенной палаты. Уведомляя об этом И.В. Сосновского и прокурора Ф.П. Слетова, начальник АГЖУ отметил, что Винников «вошел в состав подпольного красного креста партии социалистов-революционеров», получает нелегальную литературу и связан с поднадзорными, ведущими «активную революционную деятельность»⁵⁶⁴.

В июле 1910 г., еще до обысков у социал-демократов в Пинеге, АГЖУ пристально наблюдало за этой местностью, несмотря на обнадеживающие данные начала года. По сведениям агента «Самарского», в Пинежском уезде летом возникла группа партии «Бунд» в составе семи евреев. Снова филерское наблюдение в текущих условиях было сочтено невозможным, а ликвидация формирования – «допустимой в благоприятный момент».

«Самарский» также известил о возникновении в Пинеге группы ПСР в составе 11 членов. В ответ на соответствующее донесение АГЖУ, Северное РОО сочло, что «эти люди весьма серьезны», и потому следует расследовать их деятельность глубже, после чего разослать по уездам⁵⁶⁵. В дальнейшем местные жандармы успешно провели операции против этих групп, поскольку в ноябре 1910 г. Н.И. Мочалов докладывал в РОО о Пинежской и

⁵⁶² ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 11. Л. 65.

⁵⁶³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 9. Л. 26, 67-68.

⁵⁶⁴ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Л. 109. Д. 2.

⁵⁶⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 11. Л. 83 об, 86,90.

Холмогорской группам ПСР как о «ликвидированных», а также выражал уверенность в местных секретных сотрудниках. При этом он просил РОО выслать в Архангельск «своего сотрудника» с целью более подробного освещения деятельности городской организации эсеров⁵⁶⁶.

В феврале 1911 г. Холмогорский уезд снова дал о себе знать. На этот раз вплоть до ноября охранная переписка велась о ссыльных социал-демократах. В Холмогорах прошли обыски полиции у ссыльных К.Е. Ворошилова, И.М. Избицкого и прочих фигурантов. 24 февраля Ворошилов и Избицкий были арестованы и заключены в Архангельский тюремный замок⁵⁶⁷. Результаты обыска выявили у этой группы ссыльных множество нелегальных материалов.

Когда Н.И. Мочалов завершил ликвидации подпольных ячеек в ближних к Архангельску уездах (Холмогорском и Пинежском), это позволило перенести внимание на отдаленные местности, такие как Кемский уезд. Все лето 1911 г. секретные сотрудники активно наблюдали за Кемской колонией ссыльных социал-демократов. 17 сентября помощник АГЖУ ротмистр А.И. Говорович, возглавив отряд филеров и унтер-офицеров в штатском, направился на ликвидацию колонии⁵⁶⁸. В ходе совместных действий жандармы и полиция через два дня заявили о выполнении задачи, выявив необходимые улики. Однако для возбуждения дознания не хватило обнаружения устава организации, поэтому Н.И. Мочалов предложил рассредоточить ссыльных по иным уездам. В результате АГЖУ смогло заявить о ликвидации Кемской колонии политических ссыльных⁵⁶⁹.

Так завершилась череда розыскных действий АГЖУ, направленных на выявление и арест революционеров в уездах Архангельской губернии. Не всегда подобные эпизоды приводили к судебным процессам и удалению

⁵⁶⁶ Там же. Л. 146.

⁵⁶⁷ ГААО. Ф. 8660. Оп. 9. Д. 51. Л. 3, 12-13.

⁵⁶⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 16. Л. 88.

⁵⁶⁹ Там же. Л. 120; Оп. 2. Д. 141.

революционного элемента из губернии, однако подпольные связи и активность ссыльных в уездах значительно ослабли.

Последующие годы стали в губернии, как и в целом по России, более спокойными: число заметных расследований АГЖУ сократилось. Заслуживает внимания активная переписка Н.И. Мочалова с ДП, Московским и Петербургским РОО, а также различными ГЖУ по делу «архангельской группы анархистов-синдикалистов». Дело велось в апреле-сентябре 1912 г. Революционная ячейка действовала в городе с 1911 г. и позже стала именоваться в документации «анархистами-коммунистами»⁵⁷⁰. Группа сформировалась из собраний рабочих и студентов. Приобретая политический характер, она стала ассоциировать себя с ПСР. Силами этой группы была организована первомайская демонстрация 1912 г. «с революционным песнопением и распространением прокламаций». В ходе последовавших обысков у членов кружка нашлись красные флаги и нелегальная литература. В тюремном замке оказалось 12 членов ячейки.

Поскольку архангельские анархисты-коммунисты оказались «подотделом центральной организации», действовавшей в столице, завершенная охранная переписка была передана в Петербургское ГЖУ для дальнейшего дознания. Однако позже столичные жандармы пришли к выводу, что поскольку обвиняемые совершали государственные преступления лишь в Архангельске и не были замечены в Петербурге, дело следует вернуть «обратно в область АГЖУ». Н.И. Мочалову надлежало теперь «вывести из переписки всё, имеющее значение для судебного производства», чтобы возбудить новое формальное дознание в порядке «Устава». При дальнейшем ведении дознания число заключенных увеличилось до семнадцати. Большинству анархистов-коммунистов мера пресечения была заменена на особый надзор, а за фигурантов М.Н. Иванова и М.Н. Мартынова внесли залог в 4000 и 5000 рублей⁵⁷¹. Так или иначе,

⁵⁷⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 18. Л. 176.

⁵⁷¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 25. Л. 1 об.

деятельность группы закончилась, и в следующем году у АГЖУ не имелось о ней никаких сведений для РОО⁵⁷².

Больше не вызывала беспокойства жандармов и активность эсеров. В 1912 г. по сводкам наружного наблюдения за членами ПСР проходил лишь один фигурант⁵⁷³. Только борьба социал-демократов, ставшая глубоко законспирированной, являлась в дальнейшем причиной розыскных мероприятий. Так, в июне 1912 г. активность Онежской группы РСДРП среди рабочих лесопильных заводов стала причиной «экспедиции» А.И. Говоровича и жандармов в штатском, которая не имела успеха. В начале 1913 г. о группе вновь велась переписка. Сведения по делу поступали от агента «Стрекаловского». Они позволили на этот раз арестовать подозреваемых и затем поместить их под гласный надзор⁵⁷⁴. Через год организация РСДРП была выявлена на заводе Экономии, что привело к возбуждению охранной переписки, где в качестве подозреваемых проходили 11 рабочих. В марте 1914 г. переписка была передана губернатору С.Д. Бибикову⁵⁷⁵.

В указанный период жандармские чины вели наблюдение не только за революционными, но и за правыми, консервативными организациями, несмотря на то, что те являлись по своей идеологической платформе естественной опорой царизма⁵⁷⁶. В условиях, когда правительство старалось дистанцироваться от черносотенных организаций, по запросу ДП и указанию губернатора Н.Н. Качалова от 17 сентября 1907 г. АГЖУ собирало сведения о потенциальном присутствии и численности отделов «Союза русского народа» и других монархических организаций в Архангельской губернии⁵⁷⁷.

⁵⁷² ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 577.

⁵⁷³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 565.

⁵⁷⁴ ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 178. Л. 30-33. Батина Н.А. История политической ссылки в г. Онега и Онежском уезде // В вихре двух революций. Краеведческий альманах: Выпуск 3. Онега, 2017. С. 24.

⁵⁷⁵ ГААО. Ф. 8660. Оп. 4. Д. 177. Л. 23-26.

⁵⁷⁶ Правые партии: Документы и материалы. 1905 – 1917 гг. Т.1. М., 1998-1999. С. 6.

⁵⁷⁷ Жаров С.Н. Социальная опора правительства России перед Февральской революцией глазами жандармов // Вестник Южно Уральского государственного университета. Серия: Право. 2006. № 13. С. 76; ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 79. Л. 489.

Из донесения следовало, что на Исакогорке обнаружилось 40 человек, причисливших себя к «Союзу русского народа»⁵⁷⁸.

Как можно заметить, ведение эффективного политического розыска, завершившегося ликвидацией колоний ссыльных и ослаблением их влияния, было невозможно без развития агентурной работы. Толчком к активному наращиванию сети секретных сотрудников в провинции стали революционные процессы, а также разоблачение Е.Ф. Азефа в 1908 г.⁵⁷⁹ Департамент полиции подчеркивал, что внутренняя агентура является «единственным вполне надежным средством, обеспечивающим осведомленность розыскного органа», но часто чинам ОКЖ было трудно свыкнуться с необходимостью выступать в роли «шпионов»⁵⁸⁰. Вопрос о том, когда именно и в каком количестве АГЖУ стало «приобретать» секретных сотрудников, остается во многом не выясненным.

Первые попытки обзавестись секретными кадрами, которые внедрялись бы в революционные организации, АГЖУ предпринимало до 1908 г., но без видимых успехов. Ознакомившись с агентами А.Ф. Соболева, Н.И. Мочалов расценил их «скорее как заявителей», нежели секретных сотрудников⁵⁸¹. При этом жандармы имели собственных осведомителей как минимум с начала XX века. Таковы, например, «шпики», о которых упоминается в рассказе А.А. Дивильковского, или удельный смотритель Горбов в Шенкурске, «доносчик полиции и жандармерии»⁵⁸². Помимо подобных «работников» АГЖУ в губернии могли действовать и профессиональные агенты, присланные ДП или «охранкой». Например, в августе 1905 г. ссыльный Н.Н. Медведков убил одного из лидеров комитета РСДРП К.И. Покровско-

⁵⁷⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т.4. Д. 12. Л.1-2.

⁵⁷⁹ Коновалов Ф.Я. Секретная агентура провинциальных губернских жандармских управлений в начале XX в (на материалах вологодского губернского жандармского управления) // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории*. 2019. Т.3. №1. С.91.

⁵⁸⁰ Политическая полиция Российской империи между реформами. От В.К. Плеве до В.Ф. Джунковского. М., 2015. С. 288; Спиридович А. И. Записки жандарма. М., 1991. С. 50-51.

⁵⁸¹ ГАРФ. Ф, 280. Оп. 2. Д. 5028. Л. 6.

⁵⁸² Потылицын А.И. Указ. соч. С. 50.

Водоватовского. Полагается, что Медведков «был агентом охранного отделения», хотя не ясно, о каком именно ведомстве речь⁵⁸³.

На местном уровне все еще не была поставлена на системную основу также и деятельность филерских отрядов, ведущих наружное наблюдение. Изначально эта функция относилась к самим жандармам. Но циркуляр ДП от 18 ноября 1910 г. констатировал, что филерская служба недооценена ГЖУ, и что многие начальники «не озаботились приобретением солидной агентуры», восполняя ее командировками филеров наугад в разные места⁵⁸⁴. Такой формат оказался неэффективным. Командированные филеры «без особой конспирации» встречали первых попавшихся крестьян, а потом рапортовали, что «ничего подозрительного не замечено». Поэтому подчеркивалось, что основой розыскной деятельности ГЖУ «должно стать изыскание способов приобретения секретных сотрудников»⁵⁸⁵.

Циркуляр ДП от 12 января 1914 г. вовсе освобождал строевой состав ГЖУ от филерской деятельности и предписывал заменять его «вольнораемными филерами». При АГЖУ предполагалось наличие шести «вольнораемных наблюдательных агентов наружного наблюдения»⁵⁸⁶. Они должны были получать в месяц 50 рублей жалованья и к тому же 15 рублей суточных и расходных. Для сравнения, при Вологодском ГЖУ устанавливалось семь филеров, а при Олонецком ГЖУ – трое. К этому времени АГЖУ получало на агентуру и секретную квартиру в пределах 1000-2000 рублей, что было мало по сравнению с расходами большинства жандармских ведомств⁵⁸⁷.

Н.И. Мочалов систематически вел переписку о секретных сотрудниках с Особым отделом ДП, однако ее характер в основном был «входящим», циркулярным. Особый отдел предупреждал ГЖУ о бывших секретных сотрудниках, которые утратили доверие в силу разных причин (низкие

⁵⁸³ Супрун М.Н., Косухкин С.Я. Указ. соч. С. 110.

⁵⁸⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 1. Л. 14 об.

⁵⁸⁵ Там же. Л. 15.

⁵⁸⁶ Там же. Л. 19-20.

⁵⁸⁷ Щеголев П. Е. Охранники, агенты, палачи. М., 1992. С. 42.

моральные качества, ложные сведения), стали шантажистами или провокаторами⁵⁸⁸. Местные жандармы должны были принимать информацию к сведению, чтобы впредь не иметь дел с указанным лицом, если оно предложит свои услуги в губернии.

Особый отдел информировал АГЖУ и о возможных вариантах агитации: например, об опасности газеты «Моряк», распространяемой инициативной группой Черноморских моряков из Константинополя. Целью группы было объединение с моряками Беломорского торгового флота, что подтверждалось посылкой тиража «Моряка» в Архангельск. Полковнику Мочалову предписывалось внедрить агентуру в команды пароходов⁵⁸⁹.

По поводу секретных сотрудников в контакт с АГЖУ входили и охранные отделения. Когда у революционера Т.Г. Жгенти, задержанного за убийства в Ростове-на-Дону, обнаружился, в числе прочего, адрес дома ссыльных в Архангельске, к АГЖУ обратилось с соответствующим запросом Московское РОО, сославшись на данные Ростовского охранного отделения. В ответ АГЖУ описало пустующий дом, из которого освобожденные от надзора ссыльные разъехались⁵⁹⁰.

Само АГЖУ в марте 1909 г. предупредило Вятское, Пермское и Вологодское ГЖУ о ссыльном сыне священника В.К. Беллюсове по кличке «Спартак», который «выказал себя в Архангельске как шантажист и провокатор». Благодаря полученным сведениям, Беллюсов был арестован вологодскими жандармами и отправлен этапом в Пермь за связь с местными ссыльными⁵⁹¹. ВГЖУ заодно осведомилось насчет «некого Мезенцева», который объявился в Вологде с предложением услуг и сослался на свою работу в АГЖУ. Н.И. Мочалов подтвердил, что такой секретный сотрудник имелся, но был уволен и доверия не заслуживает⁵⁹².

⁵⁸⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 1, 10, 21.

⁵⁸⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 497. Л. 25.

⁵⁹⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 10. Л. 24-26.

⁵⁹¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 12. Л. 10-12.

⁵⁹² Там же. Л. 40-41.

Провокатором в АГЖУ оказался и минский мещанин И.Р. Рогинкин по кличке «Осип», о чем был предупрежден ДП, который, в свою очередь, выпустил соответствующий циркуляр для информирования⁵⁹³. В 1910 г. о Рогинкине осведомилось Екатеринбургское ГЖУ. Архангельская политическая полиция на запрос ответила, что «Осип» не заслуживает доверия. В конце года ДП составил и разослал список бывших секретных сотрудников, утративших доверие. Из 142-х обозначенных агентов только Рогинкин оказался связан с работой на АГЖУ⁵⁹⁴.

Это позволяет сделать заключение, что «штат» секретных сотрудников, которым располагали местные жандармы, был невелик. Исходя из доступных сведений, пока возможно предположить, что в течение 1907-1914 гг. на АГЖУ работало не более двух-трех десятков сотрудников. Для сравнения, Ф.Я. Коновалов выявил 131 агента (в основном, из числа ссыльных), связанного с Вологодским ГЖУ⁵⁹⁵, хотя в это число были внесены и «штучники». Однако даже скромный объем агентурных сил позволил АГЖУ реализовать цели розыска и стабильно вести наружное наблюдение.

Хотя в период от установления «третьеиюньского» порядка и до начала Первой мировой войны основной проблемой чинов АГЖУ являлся политический розыск и наращивание агентуры, это не отменяло необходимости исполнения текущих служебных обязанностей по следственной и наблюдательной части, а также решения внутренних вопросов. На фоне распространения революционных идей продолжалось возбуждение дознаний и охранных переписок.

Например, в 1908 г. было начато дознание по итогам обыска у одного из учителей. В описи вещественных доказательств значились сочинения Ивана Франко, стенограмма съезда кадетов от 12-18 октября 1905 г., работы

⁵⁹³ Там же. Л. 46, 53.

⁵⁹⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 23. Л. 34, 71.

⁵⁹⁵ Коновалов Ф. Я. Совершенствование методов работы провинциальных органов российской политической полиции после революции 1905–1907 гг. (на примере Вологодского губернского жандармского управления) / Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы. Материалы научно-практической конференции. Вологда, 2014. С. 79.

«Классовая пролетарская борьба», «Завоевание рабочим его прав», выпуски «Вестника знания» за весь 1906 год⁵⁹⁶. По донесению унтер-офицера Дорофеева, политическим ссыльным Грудиным бандеролью была получена брошюра Г.А. Гершуни «Из недавнего прошлого», что также привело к началу предварительного расследования на основании ст. 253 и 259 «Устава»⁵⁹⁷. Письма противоправительственного содержания были найдены у И.А. Воробьева, который выслал из Онеги конверт с агитационным листком «Земли и воли» «на имена Павлова и Перова». 15 мая 1908 г. Воробьев отправлялся этапом в Кемскую тюрьму, а затем содержался в Архангельском тюремном замке⁵⁹⁸.

Заслуживает внимания охранная переписка о «предосудительных в политическом отношении поступках» Л.К. Иванова, ученика Торгово-мореходного училища. И.Д. Петровский доносил А.Ф. Соболеву, что Иванов «явно намерен вести агитацию в пользу революционного движения», так как на маскараде 2 января 1908 г. предлагал «пожертвовать приз» в пользу политических заключенных. Иванов явился на маскарад «в арестантском халате, со связанными цепями руками и ногами, веревочной петлей на шее и красной лентой с надписью «Современная свобода»⁵⁹⁹. 8 января учащийся был обыскан и арестован, а после обнаружения нелегальной литературы и фотографий политссыльных заключен в тюремный замок. Через два дня переписка была завершена. Иванов остался в тюрьме, а у начальника училища М.М. Безпятова затребовали личные документы обвиняемого. Директор сообщил АГЖУ, что не имеет сведений «относительно существования в городе Архангельске союза социалистов-революционеров и участия в нем учеников вверенного училища»⁶⁰⁰.

Дело Л.К. Иванова наглядно демонстрирует ужесточение местного политического сыска, которое произошло еще до назначения Н.И. Мочалова,

⁵⁹⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 99. Л. 60-61.

⁵⁹⁷ Там же. Л. 70.

⁵⁹⁸ Там же. Л. 171, 194.

⁵⁹⁹ Там же. Л. 205.

⁶⁰⁰ Там же. Л. 215.

а затем закрепилось И.В. Сосновским. С 9 июня 1909 г. на основании императорского указа, губернатор запретил «всякие демонстративные собрания, выкидывание флагов, произнесение противоправительственных речей и возгласов»⁶⁰¹. По усмотрению АГЖУ было можно возбуждать дознания на основании данных из вскрытых писем, что высылал ДП⁶⁰². Позже в связи с тем, что социальная обстановка была разряжена, условия ведения административной переписки смягчались. 14 февраля 1913 г. директор ДП С.П. Белецкий указал, что если на основании охранной переписки не предположена высылка в отдаленную местность на длительный срок, то арестованных можно освобождать⁶⁰³.

На следственную деятельность жандармов влиял и тот факт, что в губернию доходили отзвуки далеких, но громких событий. 1 мая 1912 г. на лесозаводах Маймаксы произошло «скопище с целью выразить протест по поводу Ленских событий и сочувствие РСДРП». В связи с этим, к дознанию было привлечено 57 человек, но некоторые сбежали и объявлялись в розыск⁶⁰⁴. В целом в указанный период, в соответствии с темпами сворачивания политической борьбы, сократилось и число дел АГЖУ. Так, в 1909 г. в Архангельске и Архангельском уезде было проведено 18 дознаний и две охранные переписки. По ведомости за 1912 г. возбуждалось 11 дознаний и 19 переписок, а к середине октября 1913 г. АГЖУ вело только 5 дознаний, отмечая, что «настроение всех слоев населения вполне спокойное»⁶⁰⁵.

Основу функционирования АГЖУ продолжали составлять различные формы надзора за политическими ссыльными, ведение секретной переписки по этому поводу с губернскими ведомствами. С 1911 г. губернатор уже не включает в отчет о состоянии губернии сведения о ссыльных и поднадзорных, что говорит об окончательном переходе политического

⁶⁰¹ ГААО. Ф.1. Оп. 4, т.5. Д. 1. Л. 3.

⁶⁰² ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 510.

⁶⁰³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1. Л. 262.

⁶⁰⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 339. Л. 5, 236-237.

⁶⁰⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 131. Л. 2; Оп. 1. Д. 356. Л. 24; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 3 ч. 7. Л. 8-10.

надзора от администрации к жандармам⁶⁰⁶. По-прежнему исправники отчитывались перед начальником и помощником АГЖУ о перемещениях ссыльных (побегах, помещении в лечебницу или тюрьму), установлении полицейского надзора, высылали списки этапированных. В свою очередь, прерогативой начальника АГЖУ была установка негласного надзора за лицами, освобожденными от гласного⁶⁰⁷.

При взаимодействии с тюрьмами помощник начальника АГЖУ мог запросить у смотрителя срочно «препроводить к себе ссыльного под надлежащим конвоем». Политические заключенные тюремного замка имели право подать в АГЖУ прошение. Например, заключенный Чарыков, желая смягчения меры пресечения, просил «господина жандармского подполковника Архангельска» уведомить, в каком положении находится дело, а также о встрече для личных объяснений⁶⁰⁸.

Развивалась система учета поднадзорных лиц: АГЖУ ежегодно расширяло собственную картотеку. Оформление личной карточки требовало фотографию в том виде, в котором человек был задержан. Она содержала подробное описание примет и черт внешности, дату рождения, «ложное имя, прозвище, кличку», имя задержанного. Если это был еврей, учитывалось, каким он назван христианским именем⁶⁰⁹. Начальник АГЖУ продолжал стабильно уведомлять губернаторов о подозрениях в неблагонадежности того или иного должностного лица – чиновника, священника, фельдшера, учителя, лесничего. Основаниями здесь могли выступать знакомства со ссыльными, «вредная деятельность», нетрезвое состояние или непосещение богослужений. Все чаще после 1908 г. АГЖУ указывало «агентурные сведения» в качестве источника подобной информации⁶¹⁰.

В наблюдательной деятельности чины АГЖУ руководствовались и требованиями конкретной ситуации. Например, 6 декабря 1911 г.

⁶⁰⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 9. Д. 642.

⁶⁰⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 100. Л. 4, 25, 74; Д. 101. Л. 12.

⁶⁰⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 99. Л. 1, 291.

⁶⁰⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 5. Д. 170.

⁶¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 4. Д. 1184. Л. 25.

Н.И. Мочалов сообщил унтер-офицерам на пунктах, что среди крестьян распространяют слухи, будто в новом году «будет дополнительный бесплатный надел», и что это вызовет «восстание на почве раздела». При объезде своего участка жандарму предписывалось обращать внимание на подобные слухи и доносить непосредственно начальнику АГЖУ⁶¹¹.

Поскольку в 1908-1914 гг. активно развивался политический розыск, АГЖУ столкнулось с необходимостью внедрения в работу новых технических средств, а именно фотографирования и дактилоскопии. Н.И. Мочалов был ознакомлен с циркулярным распоряжением МВД от 30 января 1909 г. «Об обязательном фотографировании политических ссыльных, высылаемых в отдаленные местности Империи». Отдельный циркуляр разъяснял организационные и технические аспекты фотосъемки, а также указывал, что «карточки для ГЖУ исполняются в местном сыскном отделении»⁶¹². По дальнейшим циркулярам ДП, при отправлении ссыльных в места водворения надлежало делать три фотоснимка: для ДП, начальства местности высылки и конвоирам⁶¹³.

В переписке с ДП Н.И. Мочалов сообщил, что губернатор Сосновский не удовлетворил его просьбу о том, чтобы в сыскном отделении «кроме фотографий поднадзорных делали еще и измерения с дактилоскопическими оттисками пальцев». Губернатор в дальнейшем сослался на то, что начальник сыскного отделения Н.Е. Паршенский «слишком обременен делами общеуголовного сыска». АГЖУ также замечало, что полицейские надзиратели делают оттиски пальцев неразборчиво, в то время как сами жандармы внедряют в свою работу брошюру «Дактилоскопия»⁶¹⁴.

На фоне сложностей внедрения технических новшеств в дела политического сыска внутренняя структура, обеспечение и ежедневные обязанности чинов сохраняли традиционный порядок. Все денежное

⁶¹¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1. Л. 237.

⁶¹² ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 2. Л. 93.

⁶¹³ Там же. Л. 94.

⁶¹⁴ Там же. Л. 100, 108.

содержание АГЖУ (жалованье, квартирные, столовые и фуражные деньги) лежало на Петербургском окружном интендантском управлении, и случалось, что деньги на фуражное довольствие доходили несвоевременно, о чем АГЖУ уведомляло штаб ОКЖ⁶¹⁵. Канцелярия Н.И. Мочалова размещалась в указанный период по разным адресам. В 1910 г. он доложил, что АГЖУ «занимает помещение, принадлежащее частному лицу», а все унтер-офицеры находятся на частных квартирах⁶¹⁶.

На местах чины дополнительного штата продолжали докладывать о происшествиях: пьяных вечерах, на которых были замечены ссыльные, убийствах и драках. Жандармы вступали в «Общество поощрения применения собак к полицейской и строевой службе», способствовали вступлению полицейских чинов и контролировали уплату членских взносов⁶¹⁷. Нижние чины АО ЖПУ при необходимости помогали в тушении лесных пожаров, угрожавших железнодорожным станциям⁶¹⁸.

Продолжалось развитие служебного сотрудничества между АГЖУ и Архангельским окружным судом, где в 1909 г. вводился институт присяжных заседателей⁶¹⁹. В судебном порядке велись дела об оскорблении чинов АГЖУ. В этих случаях начальник направлял рапорты мировому судье для возбуждения дела, как это было в 1913 г., когда мещанин Сараев в пьяном виде оскорбил унтер-офицера Сорокина⁶²⁰. В иных случаях детали дела направлялись также в штаб ОКЖ. Так, в Шенкурске крестьянин Тарутин закричал в спину унтер-офицеру Гурьеву «вот идет жандарм-шпион» и обозвал его сволочью, а затем подскочил и ударил кулаком по спине. Жандарм задержал нарушителя и доставил в полицию для составления протокола. Мировой судья приговорил Тарутина к двум неделям ареста⁶²¹.

⁶¹⁵ Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов. Спб., 1910. С. 6; ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5602. Л. 30.

⁶¹⁶ Там же. Л. 206.

⁶¹⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 261; 541. Л. 12.

⁶¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 122. Д. 3 ч. 7. Л. 6.

⁶¹⁹ Аверин М.Г. Судебная реформа 1864 г. в Архангельской губернии // Глаголь правосудия. 2014. №2. С. 62.

⁶²⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5278. Л. 2.

⁶²¹ Там же. Л. 29.

Стоит помнить, что «деликатность» чинов ГЖУ в подобных ситуациях была продиктована не только общей дисциплинированностью. Даже в условиях массовых беспорядков жандармам и полиции дозволялось использовать оружие только в случае крайней необходимости⁶²².

В то время как в вопросах политического розыска губернская власть всецело полагалась на службу АГЖУ, труднее было прийти к согласию в случаях, касавшихся общего надзора за порядком и безопасностью. 28 сентября 1909 г. состоялось особое совещание «по вопросу о предупредительных мерах против ограбления государственных кредитных учреждений, почт и частных лиц». Н.И. Мочалов рапортовал, что ограблений можно ожидать «только от случайных элементов, ничего общего не имеющих с революционным движением», с целями «чисто личного воровского свойства». При этом отметил, что «охрана банка неудовлетворительна», а в губернии среди ссыльных много лиц, причастных к экспроприациям, и потому все необходимые меры должны быть усилены⁶²³.

Тревоги укрепились после доклада подполковника Э.Ф. Коха от 9 октября. Помощник рапортовал, что «надзор со стороны полиции над ссыльными почти не исполняется», он «больше на бумаге чем на деле»⁶²⁴. Особое совещание 28 сентября и изложенные помощником сведения вызвали разногласия между Н.И. Мочаловым и И.В. Сосновским. В то время как начальник АГЖУ полагал, что состояние надзора «весьма плачевное и недостаточно твердое», губернатор не соглашался с выводами «о полном отсутствии полицейского надзора за ссыльными», о возможных ограблениях и побегах из ссылки. В письме от 10 ноября 1909 г. Сосновский назвал заключение АГЖУ недостаточно обоснованным, а опасения Мочалова преувеличенными. Однако в марте 1910 г. полковник пишет директору ДП

⁶²² Инструкция об употреблении оружия полицейскими и жандармскими командами (23 апреля 1908) / Законодательные акты переходного времени: 1904-1908 гг. СПб., 1909. С. 581.

⁶²³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1. Л. 167-168.

⁶²⁴ Там же. Л. 208.

Н.П. Зуеву, что все равно усилил меры против ограблений и повелел унтер-офицерам города «лично знать в лицо всех ссыльных»⁶²⁵.

В то же время АГЖУ старалось повысить качество надзора за государственной безопасностью не только в Архангельске, но и в уездах. Первоначально, в том же 1909 г. в центре внимания Н.И. Мочалова оказался Шенкурский уезд, за состояние которого была выражена обеспокоенность в штаб ОКЖ. Полковник вспомнил о крестьянских волнениях 1906 г. и последовавших чрезвычайных мерах. Теперь он констатировал, что в уезде «вновь намечаются признаки брожения». За последние три года в Шенкурском уезде, по данным Мочалова, было проведено 40 дознаний при 90 обвиняемых, шенкуряне причастны к прокламациям ПСР в Архангельске и работе тайной типографии, выпускавшей газету эсеров «Северянка»⁶²⁶.

Пожеланием полковника было возвращение в штат АГЖУ должности уездного помощника, которая была упразднена в 1902 г. Это позволило бы укрепить надзор и расширить дополнительный штат. Даже в сравнительно спокойное время помощник был «крайне полезен для интересов службы». Однако в ответ из штаба ОКЖ сообщили, что «за неимением свободных офицеров» командирован в Шенкурск никто быть не может⁶²⁷. Вакансия уездного помощника могла открыться только после упразднения аналогичной должности в другом ГЖУ, но оснований для усиления штата не было обнаружено⁶²⁸. В случае острой и срочной необходимости Мочалову предписывалось командировать в Шенкурск Э.Ф. Коха.

Начальник АГЖУ на это сетовал, что не может оторвать от службы в Архангельске ни одного офицера, поскольку 6 жандармов находились на филерской службе, 3 состояли при помощнике, 6 находились при Управлении, и 4 на строевой службе⁶²⁹. Мочалов обратился к губернатору

⁶²⁵ Там же. Л. 177, 187.

⁶²⁶ ГАО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5384. Л. 6. ГАРФ. Ф. 10. Оп. 2. Д. 14349. Л. 1 об.

⁶²⁷ ГАО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5384. Л. 1-2, 4.

⁶²⁸ Там же. Л. 10, 18.

⁶²⁹ Там же. Л. 7 об.

Сосновскому с просьбой «оказать содействие» в вопросе усиления надзора в Шенкурске, однако дальнейшего развития эта история не получила.

Другими уездами, ставшими для начальника АГЖУ особо важными с точки зрения контроля обстановки, стали западные: Кемский и особенно Александровский. В 1910-1912 гг. АГЖУ было обеспокоено сведениями о ввозе в Россию через финляндскую границу оружия, бомб и нелегальной литературы. Жандармы повысили наблюдение за границей, но этого было недостаточно. Н.И. Мочалов просил губернатора усилить охрану на таможенных пунктах⁶³⁰. Управляющий Архангельской таможни, в свою очередь, решил, что установление в Кемском и Александровском уездах таможни с охраной «повлекло бы расходы, которые не оправдываются ущербом от завоза контрабандных товаров», тем более, «безусловно достоверных данных» о контрабанде, по его мнению, нет⁶³¹.

Однако нелегальная партийная литература поступала морским путем из Норвегии через Александровский уезд в Архангельск⁶³². Этот путь был известен Н.И. Мочалову, что в итоге определило его решение о создании нового жандармского пункта. В декабре 1913 г. полковник доложил в штаб ОКЖ, что, по данным агентов, революционеры намереваются организовать доставку партийной литературы через Варде, «организуя коалиционную комиссию» из членов ПСР и РСДРП⁶³³. Предлагалось направить двух жандармов в становище Печенга (приграничное село Александровского уезда) для усиления полицейской проверки паспортов пассажиров, въезжающих в Норвегию и обратно судами Мурманского пароходства. На период навигации жандармам предстояло устанавливать личности и проверять багаж, а полицейским чинам – наличие загранпаспорта⁶³⁴.

⁶³⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 131. Л. 6-6 об.

⁶³¹ Там же. Л. 7.

⁶³² Веселов А.Г. В.И. Ленин и транспортировка нелегальной партийной литературы морским путём Варде - Архангельск. 1901-1917. / Материалы к научно-теоретической конференции: Ленинизм наше знамя и оружие. Архангельск, 1970. С. 23-26.

⁶³³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 18508. Л. 41.

⁶³⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 664. Л. 8.

Необходимость создания офицерского жандармского пункта обосновывалась также тем, что беглые революционеры могут скрываться морем.

В мае 1914 г. ротмистр Лаврентьев и вахмистр Савчик, знавший шведский язык, были командированы в Печенгу для досмотра паспортов. Уже летом на пункте им понадобились в помощь еще два жандарма, но начальство ОКЖ сочло, что в отправке не усматривается никакой потребности⁶³⁵. 9 июня 1914 г. в Архангельске состоялось особое совещание по выработке новых инструкций для проверки паспортов лиц, выезжающих на пароходах через Мурман в Норвегию. Н.И. Мочалов и его новый помощник А.М. Фридовский продолжали указывать, что в Александровском уезде нет таможенных чинов и стражи, чтобы проверять паспорта, и так могут скрыться уголовные и политические преступники⁶³⁶. В конце сентября, после окончания навигации, чины АГЖУ прекратили службу в Печенге. По итогам Мочалов характеризовал Лаврентьева и Савчика как исполнявших обязанности с полным знанием дела, «не вызывавших у местных жителей нареканий и столкновений за исключением чиновника Мухина – человека неуживчивого и с предубеждением относящегося к жандармам»⁶³⁷.

В качестве вывода заметим, что в 1907-1914 гг. в губернском политическом сыске прослеживаются два этапа, в целом совпадающие с общероссийским социально-политическим процессом. Во второй половине 1907 – 1911 гг. проходит наиболее активная фаза борьбы политической полиции с революционным подпольем. На уровне региона, в отличие от реакции А.Ф. Соболева, политика Н.И. Мочалова становится более продуманной. Практически с нуля была выстроена система наружного (филерского) наблюдения, внедрены агенты в различные уезды, что позволило покончить с большинством «вредных» организаций.

1912-1914 гг. характеризуются более спокойным положением, хотя и в это время АГЖУ выявляет «политических преступников», периодически

⁶³⁵ Там же. Л. 12, 39, 96.

⁶³⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 154. Л. 23.

⁶³⁷ Там же. Л. 158.

инициируя довольно крупные дознания. За проявленные заслуги, в конце 1912 г. полковник Мочалов производится в генерал-майоры и становится единственным начальником АГЖУ, который не вышел в отставку с этим повышением в отличие от предшественников.

С ведением политического розыска были тесно связаны задачи, стоявшие перед внутренней структурой АГЖУ. Это касалось прежде всего необходимости дальнейшего расширения мест дислоцирования в пограничных уездах для купирования морских путей переписки революционеров. Однако, как и в случае с вопросом о возвращении в состав отделений, окончательные решения были прерогативой не Н.И. Мочалова, а начальства МВД, что затрудняло возможное усиление потенциала АГЖУ в обеспечении государственной безопасности.

2.3. Проблемы функционирования губернских жандармских структур в 1914-1917 гг.

В первой половине 1914 г. Российская империя, казалось, полностью оправилась от революционных потрясений, терроризма и политической борьбы в Думе. Государственная система окрепла, чему во многом способствовало ежегодное усиление политического сыска, рост численности личного состава ОКЖ. Система губернских жандармских ведомств развивалась, методы их работы приобрели достаточно отлаженный характер. Это стало одной из причин, по которым В.Ф. Джунковский ликвидировал большинство РОО и охранных отделений⁶³⁸. К тому же политический сыск был свернут в армии как противоречащий воинской дисциплине, хотя к 1912 г. там тоже была налажена агентурная сеть⁶³⁹.

⁶³⁸ Свечников Н.И. Некоторые особенности деятельности охранных отделений // Вестник Пензенского государственного университета. 2015. № 2 (10). С. 68.

⁶³⁹ Хутарев-Гарнишевский В. В. «Осиное гнездо провокации». Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой // Родина. 2010. № 10. С. 120–122.

Революционное движение по всей России оказалось подавленным, многие видные социалисты пребывали в эмиграции. В Архангельской губернии по итогам политического розыска реакционных лет был нанесен «весьма ощутимый» удар большевикам⁶⁴⁰. Это касалось и местных эсеров, анархистов-коммунистов, крестьянского союза в Шенкурске, колоний политических ссыльных, общественных объединений.

К августу 1914 г. АГЖУ расширило структуру, добившись максимально возможного на тот момент распространения унтер-офицеров по губернии. Хотя в штате продолжал числиться лишь один помощник начальника, число наблюдательных жандармских пунктов namного выросло по сравнению с 1904 г. (Приложение 6). Жандармы были представлены во всех уездах: они контролировали обстановку в 8 городах, 7 селах, 2 посадах, на 2 заводах⁶⁴¹. «Точечное» рассредоточение было актуально в условиях, когда при охране порядка жандармы могли опираться на отряды полицейских стражников. Но такая система имела и недостаток в виде «распыления» чинов. Так, на пункте в Онеге, втором по численности населения городе губернии, в 1914 г. служил всего один жандарм⁶⁴².

Унтер-офицер на заводе Вальневых в Маймаксе расследовал обстоятельства чтения революционных брошюр, проводил негласное расследование о возможном объединении рабочих в «Союз рабочих потребительских обществ», разбираал слухи, выявлял агитаторов и зачинщиков забастовок⁶⁴³. Подобные пункты на заводах были призваны выстроить неустанный жандармский надзор за рабочим движением, чтобы то не выходило за рамки чисто экономических запросов.

Многие наблюдательные пункты в отдаленных селах возникали именно в 1914 г., например, в Карпогорском и в Ижме. Несмотря на отдаленность, контроль Н.И. Мочаловым действий нижних чинов не

⁶⁴⁰ Овсянкин Е. И. На изломе истории: события на Севере в 1917-1920 гг.: мифы и реальность. Архангельск, 2007. С. 19.

⁶⁴¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5448. Л. 70-71. Д. 5467. Л. 44-45.

⁶⁴² ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 277а. Л. 14.

⁶⁴³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 285. Л. 16; Д. 288. Л. 2, 14;

ослабевал: унтер-офицер на пункте в Ижме получил выговор за то, что без разрешения начальника вошел в соглашение с волостным правлением получать квартирные деньги взамен отвода квартиры натурой⁶⁴⁴.

Как прежде, в общей системе надзора каждый месяц уездные исправники составляли рапорт о политических настроениях населения, фиксируя все подозрительное. Особо отмечалось поведение ссыльных, выступления, грабежи, забастовки. Получая сведения, губернатор направлял их в ДП, что дополняло месячные отчеты АГЖУ⁶⁴⁵.

Политическая ситуация осталась спокойной даже в первые месяцы с начала вступления России в Первую мировую войну. Циркуляр ДП от 2 сентября 1914 г. констатировал: «в переживаемый Отечеством исторический момент, объединивший, по-видимому, людей всех политических партий, наблюдается почти полное отсутствие революционных эксцессов»⁶⁴⁶. При этом еще 18 июля в рамках мобилизации Архангельский, Холмогорский и Онежский уезды были «объявлены на военном положении»⁶⁴⁷.

В первый год войны чины АГЖУ и АО ЖПУ выполняли в основном те же функции политического сыска и практически не были переориентированы на другие обязанности, продиктованные новыми условиями. Жандармы собирали справки о благонадежности волостных старшин, сельских старост, писарей, контролировали суда при приеме в порту, разыскивая политических преступников. Война вносила некоторые особенности в исполнение службы. Два процента жалованья унтер-офицерам на пунктах предлагалось отчислять в помощь больным и раненым воинам⁶⁴⁸. Велось наблюдение за такими организациями, как местные военно-промышленный и продовольственный комитеты, латышское общество, польский обывательский комитет Архангельска, ужесточался надзор над евреями⁶⁴⁹.

⁶⁴⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 55. Л. 20; Д. 268. Л. 4.

⁶⁴⁵ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 5. Л. 1345. Д. 34.

⁶⁴⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 160. Л. 25.

⁶⁴⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 4, т. 5. Д. 1336. Л. 19.

⁶⁴⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 31. Л. 74, 205; Оп. 2. Д. 279. Л. 4.

⁶⁴⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 445.

С распространением шпиономании основным объектом наблюдений становилось немецкое население, издавна проживавшее в Архангельске. Постепенно положение «архангельских немцев» ухудшалось. 30 мая 1915 г. было запрещено разговаривать по-немецки на улицах, в магазинах и на транспорте ⁶⁵⁰. Ситуация усугублялась тем, что «немцы», сохраняя собственный уклад и протестантскую веру, играли важную роль в общественной и экономической жизни губернии. К 1913 г. «выходцам с Запада» (российско-подданным «немцам» и иностранцам) принадлежали в Архангельской губернии 9 заводов из 44 ⁶⁵¹.

Пока проблема потенциального шпионажа и его выявления не была приоритетом для АГЖУ, которое продолжало, помимо надзора, вести политический розыск. Требовалось «обратить самое серьезное внимание на настроение фабрично-заводских рабочих на вверенной местности» ⁶⁵². Поскольку 1 мая 1915 г. не являлся выходным днем, рабочим завода Карла Стюарта в Маймаксе запретили его отмечать, но позже Н.И. Мочалов уведомил губернатора, что управляющий завода якобы вывесил разрешение праздновать. Присланный с проверкой Архангельский исправник Н.Е. Паршенский выяснил, что это было не разрешение, а запрет. Настроение рабочих расценивалось им как «в общем спокойное», однако частью коллектива объявление все же было истолковано неверно, и один рабочий оказался арестован в порядке охраны за «речь о забастовке» ⁶⁵³.

Общая «подозрительность» АГЖУ, как и всех жандармско-полицейских структур в России, неуклонно возрастала. В рамках переписки «по обстоятельствам военного времени» унтер-офицерам на пунктах предписывалось контролировать получение посылок санитарями в госпиталях, донося, от кого получены деньги или вещи, всегда уточнять у исправников источник агентурных данных, принимать меры против «слухов

⁶⁵⁰ ГААО. Ф.1. Оп. 12. Д. 154. Л. 5.

⁶⁵¹ Овсянкин Е.И. Указ. соч. С. 17.

⁶⁵² ГААО. Ф. 1. Д. 12. Оп. 153. Л. 2.

⁶⁵³ Там же. Л. 21 об.

о предполагаемых назначениях императора», что могут просочиться в газеты⁶⁵⁴. Жандармы также были должны «оказывать военным властям содействие» в охране эшелонов, предотвращая дезертирство; вести учет золотой монеты, подлежащей сдаче казначейству, «строжайше наблюдать за посторонними лицами в контакте с военнопленными», и за самими пленными «вне непосредственного наблюдения военного начальства»⁶⁵⁵.

На этом фоне, особенно с ухудшением положения России на фронте, становилась очевидной растущая роль Архангельского транспортного узла: порта и железной дороги. Россия была отрезана Центральными державами от сообщения с союзниками, и через Архангельск сохранялся единственный путь снабжения из стран Антанты. Это потребовало введения в губернии особого режима управления. 25 июля 1915 г. Архангельск был передан из ведения штаба VI армии в непосредственное подчинение Военному министру. Учреждалась должность Главного начальствующего Архангельска и водного района Белого моря («Главнач»), которым был назначен вице-адмирал А.П. Угрюмов. Ему стали подчиняться как местные власти, так и жандармы⁶⁵⁶. По постановлению губернатора С.Д. Бибикова воспрещалось покидать и посещать пароходы заграничного плавания, пока те не пройдут досмотр чинов жандармского и таможенного надзора⁶⁵⁷.

Так в 1915 г. было положено начало тотальной милитаризации губернии, прежде всего ее управления и охраны границ. Многократно возрастала роль жандармов в обеспечении государственной безопасности на морях. Перед АГЖУ вполне четко очертились две насущные военные проблемы – необходимость усиления охраны расширявшейся транспортной инфраструктуры и борьба с потенциальными актами шпионажа и диверсий, то есть, контрразведка.

⁶⁵⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 171. Л. 2, 11-12; Д. 422. Л. 2.

⁶⁵⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 171. Л. 14, 19, 22.

⁶⁵⁶ Трошина Т.И. Великая война... Забытая война (Архангельск в годы Первой Мировой войны 1914—1918 гг.). Архангельск, 2008. С. 56.

⁶⁵⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 219. Л. 8.

Чины ОКЖ, хотя и являлись военными, никогда не занимались борьбой с внешним неприятелем на профессиональной основе. Политический надзор и розыск опирались на иные методы, так как выявляли опасность для действующего порядка внутри самого государства и общества. Более того, профессиональная контрразведка в принципе стала активно развиваться в Европе и в России только с начала XX века, в связи со всеобщим военно-политическим соперничеством за влияние в мире.

С 1907 г. МВД периодически поручало жандармским властям и полиции усиливать наблюдение за иностранными шпионами, но не наделяло при этом никакими инструкциями или наставлениями, не выделяло дополнительных средств на исполнение⁶⁵⁸. В июне 1911 г. было утверждено «Положение о контрразведывательных отделениях». Эти структуры формировались при штабах военных округов специально для борьбы со шпионажем. Большинство их сотрудников составляли бывшие офицеры ОКЖ, имевшие навык контрразведывательной работы, но плохо сведущие в делах флота⁶⁵⁹. В то же время для Архангельска критически важной становилась именно морская контрразведка.

В условиях, когда еще не было создано морского контрразведывательного отделения (КРО) на Севере, эти функции ложились на АГЖУ и АО ЖПУ. На практике контрразведывательные действия жандармов невозможно было четко отделить от политического розыска, ведь многие подозреваемые в шпионаже и симпатиях врагу были местными «немцами»⁶⁶⁰. По оценке АГЖУ шпионажем в Архангельске занимались германско-подданные и российские немцы, которые передавали неприятелю сведения, к примеру, через родственников в Норвегии. Так, наблюдение

⁶⁵⁸ Галавзин С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативные практики. М., 2001. С. 20.

⁶⁵⁹ Христофоров В.С. и др. Контрразведка ВМФ СССР, 1941-1945. М., 2015. С. 22-23.

⁶⁶⁰ Подробнее см.: Резанов А.Д. «Немецкий вопрос» и политический сыск в Архангельской губернии, 1914-1917 гг. / Защитники Отечества: сборник. Вып. 18. Архангельск, 2024. С. 117-124.

велось за портнихой Веригой, у которой «под видом заказов собираются на совещания немцы и сочувствующие лица»⁶⁶¹.

Типичный случай имел место в начале 1915 г., когда настроение народа описывалось АГЖУ как «приподнятое». После богослужения в соборе Онеги прошла манифестация с портретами Николая II, но местный немец Карл Огрель, будучи российско-подданным, «поносил императора» и заявлял, что «немцы победят глупых русских»⁶⁶². В ходе обыска у Огреля не было обнаружено никаких доказательств шпионажа, поэтому Н.И. Мочалов передал переписку по делу прокурору. В противном случае дела следовало направлять в штаб главнокомандующего VI армии, так как ему подчинялся начальник Петроградского военного округа.

В июне 1915 г. циркулировали сведения о возможном укрытии для немецких подлодок у берега в районе села Сюзьма. АГЖУ надлежало провести обыск у местного лесничего Л.В. Клейна, чтобы обнаружить потенциальный склад оружия. С этой миссией к побережью Белого моря отправился помощник начальника АГЖУ А.М. Фридовский в сопровождении 4 унтер-офицеров⁶⁶³.

Более громким стало дело Г.А. Клюге, заведующего Мурманской биологической станцией. За «сочувствие германскому правительству» Клюге и его 76-летняя мать были арестованы и заключены под стражу, а затем направлены под конвоем в Петроград⁶⁶⁴. В ноябре АГЖУ получило от КРО штаба VI армии информацию: Г.А. Клюге был удален из Александровска на время военного положения, его настоящее местоположение неизвестно, а мать ученого уже умерла. Местный политический сыск в итоге пришел к выводу, что Клюге был оговорен⁶⁶⁵.

От антинемецкой агитации страдали известные личности города: предприниматель А.Ю. Сурков «подвергался унижительным обыскам в

⁶⁶¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 36. Л. 15.

⁶⁶² ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 413. Л. 2-3.

⁶⁶³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 47. Л. 18.

⁶⁶⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 413. Л. 62, 85.

⁶⁶⁵ Там же. Л. 115, 125.

квартире и в конторе на предмет обнаружения «беспроволочного телеграфа»⁶⁶⁶. В канцелярию полицеймейстера, губернатора и Главнача приходило множество анонимных доносов на шпионскую деятельность «архангельских немцев». Их число увеличивалось, когда русская армия в течение 1915 г. стала терпеть поражение на фронтах.

Переписки по подозрению в шпионаже того или иного лица могли вестись достаточно долго, но в итоге не завершиться арестом за отсутствием данных для возбуждения дознания и сведений, указывающих на политическую неблагонадежность⁶⁶⁷. Так происходило, когда основанием для подозрений являлись показания на основе домыслов и косвенных догадок, исходивших из семейного положения или рода занятий «шпиона». В подобных случаях АГЖУ отправляло переписку губернатору, который, как правило, ограничивался высылкой подозреваемых из уездов на военном положении в отдаленные местности под надзор полиции и жандармов⁶⁶⁸. То есть, повторялся сценарий, по которому завершались многие дознания в рамках политического розыска и борьбы с активностью ссыльных.

В том числе поэтому летом 1915 г. Н.И. Мочалову было суждено навлечь на себя критику, вызванную якобы «пассивным и равнодушным» отношением к поступавшим сведениям о шпионах в губернии⁶⁶⁹. Фигура начальника АГЖУ перестала устраивать начальство и из-за «немецких» связей: Мочалов был женат на Альме Клафтон (умерла в 1911 г.), сестре Э.Я. Клафтона, главы совета старшин Немецкого клуба. Еще 2 апреля Архангельский уездный воинский начальник Г.Д. Дитерихс докладывал в Петроград, что «Мочалов смотрит слишком оптимистически на местную немецкую колонию», со многими ее представителями состоит в дружеских

⁶⁶⁶ Трошина Т.И. Указ. соч. С. 143.

⁶⁶⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 413. Л. 292, 395.

⁶⁶⁸ Абрамов Ю.П. Указ. соч. С. 18.

⁶⁶⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 640. Л. 1-5.

отношениях. В июне начальник штаба VI армии отмечал, что начальник АГЖУ не только бесполезен в борьбе со шпионажем, но и вреден⁶⁷⁰.

26 июня 1915 г. Н.И. Мочалов составил доклад для начальника штаба ОКЖ В.П. Никольского, где отклонял подозрения в том, что под влиянием родственников вдовы игнорировал данные о шпионаже. Генерал-майор утверждал, что Клафтены по происхождению британский род, а в губернии «немецкое общество» состоит из потомков выходцев из Англии, Бельгии, Голландии и Дании, и лишь немногие семейства родом из Германии.

Однако политическую линию центральной власти по борьбе с «германским влиянием» эти детали не интересовали. Приказом по ОКЖ от 29 июня Н.И. Мочалов был снят с должности и переведен на службу в Пермь, а 25 июля получил выговор. Жандармское начальство отмечало, что с самого начала войны он «не проявил должного почину в выяснении настроения местного населения», «слепо полагался на данные контрразведывательных органов», а сам при этом не выказывал инициативы в борьбе со шпионажем. Руководство ОКЖ также настаивало на том, что в Архангельске «издавна замечалось немецкое засилье», и что Мочалов «сжился с губернией, привык смотреть на местных немцев с излишним уважением»⁶⁷¹. Генерал-майор счел назначение начальником Пермского ГЖУ «незаслуженным, крайне обидным и разорительным», ходатайствуя в МВД о пересмотре решения, но это не помогло⁶⁷². В свою очередь, начальник Пермского ГЖУ полковник Е.П. Флоринский теперь получал назначение в Архангельскую губернию.

Разраставшиеся обязанности в совокупности с отставкой Мочалова отрицательно сказались на качестве жандармской службы. Из рапорта В.П. Никольского о проведенном 9-10 июля смотре АГЖУ следовало, что местный политический сыск «не отличается должным внешним благоустройством», обмундирование хранится небрежно, помещение

⁶⁷⁰ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19125. Л. 2-3, 7.

⁶⁷¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 640. Л. 6. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19125. Л. 28.

⁶⁷² ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 640. Л. 8-9.

канцелярии запущено⁶⁷³. В АО ЖПУ к тому же выявлялась проблема с жандармскими шинелями: под них было невозможно подоткнуть полушубки, что в условиях холодного климата опасно. Нижние чины, как отмечалось, «ознакомлены с обязанностями хорошо», хотя в то же время «внешний подбор чинов АГЖУ недостаточно щеголеватый и уступает по представительности большинству управлений».

В октябре 1915 г. Е.П. Флоринский представил в ДП подробный доклад об общем положении дел в губернии, политическом настроении населения и состоянии революционных сил. Новый начальник АГЖУ констатировал, что притока населения в губернию не наблюдается, ибо это «ни для кого не интересный край, пугающий всех своей дикостью и суровостью». Отмечалось, что порт располагает «очень хорошей» гаванью, но торговля находится в руках иностранцев. Крестьяне губернии «в основном зажиточные», но из-за бездорожья и долгих расстояний они живут интересами лишь местного хозяйства и потому не воспринимают революционную пропаганду, а рабочее население сосредоточено только в городе и на ближайших лесопильных заводах⁶⁷⁴.

Имеющиеся данные позволяли полковнику сделать вывод, что революционных организаций и явных очагов брожения «не имеется никаких». Архангельская губерния «остается во многом темной, отсталой, исключительно крестьянской, но вместе с тем и чисто русской, крепкой народным духом и преданностью царю»⁶⁷⁵. Не обошел вниманием Флоринский и проблемы транспортировки военных грузов. Особо трудно становится зимой, когда порт замерзает, а поскольку Мурманская железная дорога еще не достроена, остается использовать гавань Кеми для перевозок.

Е.П. Флоринский весьма активно приступил к повышению дисциплины жандармов. В конце 1915 г. он отмечал, что «в некоторых случаях офицеры с пунктов не торопятся донести о важных фактах, имеющих особое значение в

⁶⁷³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5872. Л. 56.

⁶⁷⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 634. Л. 28-30

⁶⁷⁵ Там же. Л. 32-33.

переживаемое ныне время». Не было своевременно доложено о минах, найденных на берегу, хотя «в обстановке военного времени Белое море и Архангельский порт выполняют исключительную роль»⁶⁷⁶. Подобные задержки, по мнению полковника, становились отныне преступными. В ноябре начальник АГЖУ упрекнул ротмистра А.М. Фридовского в том, что тот «за три года не составил представление» о партийной группировке кадетов в городе и возможных осведомителях для привлечения⁶⁷⁷.

В начале 1916 г. Флоринский писал С.Д. Бибикову о неудовлетворенности работой полиции, указывая, что чины относятся к запросам АГЖУ «невнимательно и небрежно»⁶⁷⁸. Отчасти запаздывающие ответы оправдывались сложной географией губернии и бездорожьем. Тем не менее, полковник просил напомнить чинам полиции «о должном отношении к работе», так как его собственные разговоры с уездными исправниками результатов не дали. После того, как губернатор обещал принять участие, Печорский исправник Л.Е. Паршенский рапортовал начальнику АГЖУ «об укреплении ответственности»⁶⁷⁹.

Хотя во время Первой мировой войны на Севере не наблюдалось социальных протестов, а отмечались только локальные выступления экономического характера⁶⁸⁰, ведение розыска и надзор за ситуацией не снимались с АГЖУ. По-прежнему велась переписка по политическим организациям. Например, в начале 1916 г. в ответ на запрос АГЖУ указывало, что в губернии не существует монархических обществ⁶⁸¹. Все письма, задержанные военной цензурой, подлежали передаче в ДП, к тому же военный цензор должен был направлять начальнику АГЖУ выявленные

⁶⁷⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 502. Л. 121.

⁶⁷⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 29. Л. 149.

⁶⁷⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1. Л. 123.

⁶⁷⁹ Там же. Л. 328.

⁶⁸⁰ Голдин В.И. Указ. соч. С. 121.

⁶⁸¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 31. Л. 232.

антиправительственные воззвания⁶⁸². О подозреваемых в шпионаже переписка с ДП велась по 6-му делопроизводству.

Отдельно в январе 1916 г. Е.П. Флоринский приказывал унтер-офицерам следить за появлением брошюры «Социализм и война». В случае ее обнаружения следовало негласно установить распространителей, а также доложить местному приставу либо исправнику, чтобы «по всем правилам провести обыск и начать дознание»⁶⁸³. Летом 1916 г. АГЖУ предупредило А.П. Угрюмова, что на крейсере «Аскольд» в Тулоне «подготовляется бунт». После устроенного на борту провокационного взрыва, офицеры крейсера обвинят моряков и начнут проводить аресты и репрессии⁶⁸⁴.

Помимо сведений о бывших секретных сотрудниках теперь АГЖУ получало ежемесячные списки уволенных со службы агентов тайной разведки и контрразведки в районе Северного флота. Списки составлял начальник КРО при штабе VI армии⁶⁸⁵. В 1916 г. один из штабс-капитанов обратился в АГЖУ с просьбой представить сведения о И.К. Янсоне, который вызвался стать секретным сотрудником по контрразведке. АГЖУ обнаружила Янсона в одном из списков уволенных. Поскольку увольнение состоялось по причине непригодности для работы в Швеции из-за запрета на въезд, препятствий для службы в другом штабе не было⁶⁸⁶.

Не так уверенно АГЖУ себя чувствовало в ведении охранных переписок «о немецком влиянии». Здесь положение после отставки Н.И. Мочалова не изменилось. Например, А.М. Фридовский просил губернатора прекратить переписку о неблагонадежности норвежского подданного Олафа Виста за отсутствием доказательств, а Е.П. Флоринский (по той же причине) - о рабочем Куроптеве, который якобы призывал к забастовке⁶⁸⁷.

⁶⁸² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 246. Д. 165 ч.4. Л. 1; ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 1. Л. 320.

⁶⁸³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 7. Д. 6. Л. 251.

⁶⁸⁴ Столяренко М.А. Моряки в огне революции: Участие военных моряков в борьбе за победу Советской власти и в разгоне интервентов на Севере в 1917 – 1920 гг. М., 1960. С. 31-32.

⁶⁸⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 55. Л. 20.

⁶⁸⁶ Там же. Л. 17-18.

⁶⁸⁷ ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 174. Л. 9-10.

Поскольку высокое значение Архангельского транспортного узла в военных условиях стало в 1915 г. очевидным, а местные жандармы не справлялись с противодействием шпионажу, по сути лишь перенося в эту сферу методы розыска, становилось неизбежным учреждение особых ведомств. В Морском генштабе был подготовлен проект «Положения о морских контрразведывательных отделениях», главной задачей которых определялась борьба с «военно-морским шпионством». Как минимум к весне 1915 г. в числе прочих КРО было создано Архангельское контрразведывательное отделение при Главначе. Ведомством поначалу руководил штабс-капитан А.И. Петров⁶⁸⁸.

Поскольку противникам было необходимо «противопоставить экстренные и действенные меры», в ноябре 1916 г. Архангельское КРО будет переименовано в Беломорское и войдет в состав Флотилии Северного Ледовитого океана. Его возглавит «опытный в розыске офицер», подполковник ОКЖ П.В. Юдичев по личному ходатайству А.П. Угрюмова⁶⁸⁹. Кроме того, с введением в эксплуатацию порта Романова-на-Мурмане (ныне г. Мурманск) будет сформирован отдельный контрразведывательный пункт при штабе Кольского оборонительного района под началом А.И. Петрова. Эти структуры комплектовались в основном чинами ОКЖ, однако в служебной деятельности они не подчинялись АГЖУ и не зависели от него. Архангельское (Беломорское) КРО занималось исключительно морской контрразведкой, не входя в систему местного политического сыска.

Тем не менее, сотрудники КРО активно взаимодействовали с чинами АГЖУ, обмениваясь опытом. Например, они совместно следили за шведом Сиблундом, который, возможно, перевозил на моторном боте шпионов за границу. После допроса подозреваемый сразу уехал в Норвегию, поэтому заметно, что ведение розыска и контрразведки все равно проходило не

⁶⁸⁸ Дойков Ю.В. Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике. Архангельск, 2011. С. 140.

⁶⁸⁹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 19748. Л. 1-2. Иванов А.А. «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. М., 2011. С. 33.

слишком внимательно⁶⁹⁰. Однако Беломорское КРО активно взялось за исполнение обязанностей, усиливая давление на иностранцев с целью выпроводить многочисленные экспедиторские конторы, чьи сотрудники имели доступ в портовые районы. Контрразведчики расследовали активность фирм «Ферстер и Геппенер», «Гергард и Гей», «Книп и Вернер» и др., а также пресекали попытки союзников вести разведку в регионе⁶⁹¹.

Укрепление контрразведки проходило на фоне разраставшейся шпиономании в Архангельске, сводившейся в основном к подозрениям немецкого населения в нелояльности государству. Итогом стало особое совещание 5 апреля 1916 г. «по вопросу о немецком влиянии в Архангельской губернии». На нем было решено уничтожить пастораты и закрыть немецкие школы, запретить участие в государственном и общественном управлении немцам, принявшим российское подданство после 1880 г., вести всемерную борьбу с немецким капиталом, надзирать за иностранными фирмами и конторами⁶⁹². После этого «Немецкая слобода» в Архангельске полностью теряла прежний статус. К поиску «симпатизантов» Германии подключалась и общая полиция, которая, например, прекратила «вредную деятельность» клуба архангельского Коммерческого собрания⁶⁹³.

Внутреннее состояние АГЖУ, несмотря на резко изменившиеся условия службы и надзора, сохраняло стандартный вид. Жандармы не освобождались от ежемесячной и годовой отчетности перед ДП и штабом ОКЖ. В Архангельске и Архангельском уезде, по цифровым третним ведомостям, в военные годы проводилось не так много расследований политического характера, а охранные переписки превалировали над формальными дознаниями⁶⁹⁴. На начало декабря 1915 г. в АГЖУ велось 3 дознания в порядке «Устава» и 3 охранные переписки. Всего в 1915 г.

⁶⁹⁰ Абрамов Ю.П. Указ. соч. С. 19.

⁶⁹¹ Христофоров В.С. и др. Указ. соч. С. 29.

⁶⁹² ГААО. Ф. 1. Оп. 12. Д. 174. Л. 21-21 об.

⁶⁹³ Там же. С. 46.

⁶⁹⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Л. 181.

губернские жандармы провели 6 дознаний, 15 переписок и 12 отдельных следственных действий⁶⁹⁵.

Отчет по строевой части за 1916 г. показывал, что в АГЖУ состоит 30 нижних чинов⁶⁹⁶. Жалованье варьировалось от 45 до 25 рублей, кроме того унтер-офицеры получали 22,5 рублей кормовых денег⁶⁹⁷. В этот период известны расходы АГЖУ на агентуру. В течение 1916 г. ДП выделял чаще всего 1040 рублей, из которых тратилось около 50-60%. 40 рублей полагалось платить двум секретным сотрудникам по прозвищам «Антонов» и «Сергеев», а также 150 рублей выдавалось на жалованье 4 филерам⁶⁹⁸. На тот момент агенты следили за латышами, почтово-телеграфными служащими, «левым элементом» в профсоюзах и редакциях газет. Аванс АГЖУ на агентуру постоянно увеличивался за счет неизрасходованных остатков.

Летом 1916 г. Е.П. Флоринский перешел на службу в канцелярию Главнача, получив повышение. Жандармерию возглавил подполковник А.Н. Кормилев, который в октябре был произведен в полковники и стал последним начальником АГЖУ. По сложившейся традиции он начал службу с поиска проблем в местном политическом сыске. 22 августа, спустя неделю после прибытия в Архангельск, Кормилев отмечал, что «многие из унтер-офицеров не только не знают мест жительства многих должностных лиц и их фамилии, но и адресов некоторых правительственных зданий»⁶⁹⁹.

Особую критику вызвал А.М. Фридовский, который «подписывал бумаги, не читая»⁷⁰⁰. В конце ноября 1916 г. Фридовский и вовсе был арестован за то, что вернул конфискованный блокнот подозреваемому в шпионаже Карлу Блумбергу. А.Н. Кормилев писал об этом: «Со времен прибытия в Архангельск мне все время приходилось убеждаться в явном нежелании ротмистра Фридовского работать, но чем он руководствовался в

⁶⁹⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 442. Л. 2, 13-14.

⁶⁹⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5491. Л. 1.

⁶⁹⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 221. Л. 25.

⁶⁹⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 633. Л. 9-12.

⁶⁹⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 119. Л. 120.

⁷⁰⁰ Абрамов Ю.П. Указ. соч. С. 18.

данном случае – объяснить затрудняюсь»⁷⁰¹. Вскоре помощник АГЖУ был снят с должности.

Можно заметить, что внутренние проблемы АГЖУ обострились в период военного кризиса. При необходимости жандармским чинам как можно активнее подключаться к контрразведке и осваивать новые виды деятельности, структура АГЖУ оставалась прежней и не изменилась в связи с военной необходимостью. Штат увеличивался только за счет прикомандированных к охране порта чинов, но это не решало вопрос о качественном улучшении политического сыска во всех аспектах службы. Участвуя в нагнетании германофобии, что было актуально для Петрограда, политическая полиция проблематизировала местные межэтнические отношения, что в итоге лишило Н.И. Мочалова должности.

Вторым приоритетом в деятельности губернских жандармских структур военного периода стала организация надзора за безопасностью в портах (Архангельска, Александровска, Кеми, позже также Романова-на-Мурмане) и на станциях железной дороги, включая строящуюся Мурманскую линию. В идеале предполагалось, что так будет выстроена полноценная система контроля транспортной инфраструктуры губернии.

В условиях военного времени Н.И. Мочалов решил возобновить работу пункта в Печенге. Его замысел состоял в том, что, одновременно организовав жандармские пункты в Печенге и в Архангельском порту, будет возможно «пропускать через них всю корреспонденцию, прибывающую по морю». Кроме известной проблемы нелегальных перевозок особое значение приобретал розыск возможных шпионов и беглых ссыльных. В свое время недооценка этого аспекта привела к тому, что в 1903 г. эсер Б.Н. Савинков, бежав из Вологодской ссылки, сел в Архангельске на пароход в Варде и так затем добрался до Женевы⁷⁰².

⁷⁰¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 119. Л. 171-172.

⁷⁰² Савинков Б.В. Воспоминания террориста. М., 1991. С. 5.

После совещания при генерал-губернаторе А.М. Валуеве, состоявшегося 26 июня 1915 г. (незадолго до отставки Мочалова), жандармы вновь заработали в Печенге⁷⁰³. До того АГЖУ встречало противодействие начальства: В.Ф. Джунковский отмечал, что необходимости в пограничном пункте не встречается, так как нелегальная корреспонденция в любом случае продолжит циркулировать, находя обходные пути. Действительно, многие пассажиры, узнав о жандармско-полицейском контроле паспортов и багажа на пункте, перестали брать билеты на суда Мурманского пароходства в пользу частных судов, не заходивших в становище. Кроме того, ссылаясь на результаты службы ротмистра Лаврентьева в Печенге, из ОКЖ на просьбы Мочалова писали, что тот в принципе «не знает, о чем просит»⁷⁰⁴.

Что касается жандармского надзора в порту Архангельска, Н.И. Мочалов ходатайствовал об его учреждении в штаб ОКЖ 20 декабря 1914 г. В отличие от ситуации с Печенгой, эта идея не встретила возражений: офицерский жандармский пограничный пункт был открыт в порту в январе 1915 г.⁷⁰⁵ Для руководства пунктом, из Московского жандармского дивизиона к АГЖУ был прикомандирован ротмистр А.Ф. Бетковский, в его подчинение вошло 12 унтер-офицеров. Учитывая, что на тот момент в АГЖУ состояло 35 чинов, с учетом прикомандированных его состав достиг максимальной численности за всю историю функционирования⁷⁰⁶.

По оценке АГЖУ архангельский порт имел «особо важное во всех отношениях значение для государства», поэтому главным делом А.Ф. Бетковского становился надзор за всеми проходящими судами. В связи с «пропуском запрещенных судов» была признана вредоносной деятельность контор Шмидта и Данишевского⁷⁰⁷. Вместе с ними большое количество частных посредников по приему импортных грузов создавало в порту

⁷⁰³ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 416; Д. 455. Л. 5.

⁷⁰⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 455. Л. 1; Д. 416. Л. 1-3.

⁷⁰⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 416. Л. 8.

⁷⁰⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5467. Л. 44-45; Абрамов Ю. П. Указ. соч. С. 14.

⁷⁰⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 47. Л. 18, 45 об.

неразбериху и вызывало недовольство АГЖУ и Архангельского КРО⁷⁰⁸. Кроме того, портовый жандармский пункт следил за задержками военных судов, ростом цен и поведением торговцев на воде, замечал различные злоупотребления и «ненормальности» при отправлениях товаров, принимал списки лиц, которым выдавались комендантские свидетельства для пропуска в районы складирования казенных грузов⁷⁰⁹.

2 апреля 1915 г. три унтер-офицера из числа прикомандированных были направлены на пункт Чижовка (остров Мудьюг), где им надлежало докладывать ротмистру Бетковскому о результатах досмотров проходящих грузовых судов. Пассажирские суда следовали далее, к пристани дальнего плавания на Бакарице, где также учреждался жандармский надзор. В октябре 1916 г. на Бакарице будет введен отдельный район наблюдения во главе с поручиком Б.Н. Спицыным⁷¹⁰. Так офицерский пункт Архангельского порта приобретал рассредоточенную структуру, распространяясь на различные районы. Несмотря на расширение, организация службы по надзору и охране во вверенных районах была далека от идеала. Поначалу не было телефонного сообщения между Бетковским и Мочаловым с жандармами Чижовки. Установка связи обошлась в 3000 рублей. Из переписки АГЖУ с начальником порта выяснялось, что унтер-офицеры пункта по телефону обсуждали сведения о судах, составлявшие военную тайну⁷¹¹.

На тот момент сама процедура получения у АГЖУ пропусков в портовые районы для частных лиц была несложной: требовались только паспорт и удостоверение о необходимости доступа. Из-за большой удаленности сторожей друг от друга, халатного ведения охраны, территория порта превращалась, по сути, «в проходной двор»⁷¹². Несмотря на усилия жандармов, которые испытывали возросшую бюрократическую нагрузку,

⁷⁰⁸ Трошина Т.И. Указ. соч. С. 41.

⁷⁰⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 624. Л. 7-8.

⁷¹⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 400. Л. 2; Д. 416. Л. 16; Оп. 2. Д. 622. Абрамов Ю. П. Указ. соч. С. 14.

⁷¹¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 416. Л. 22, 85.

⁷¹² Толочко А.В. «Дело удастся наладить полностью»: организация охраны Архангельского порта в 1917 году // Военно-исторический журнал. 2017. № 2. С. 17.

ситуация все больше говорила о неизбежности ЧП. В течение 1916 г. АГЖУ регулярно докладывало в штаб ОКЖ о пожарах в порту, которые происходили по разным причинам. В случае с пожаром на складе фирмы «Герард и Гей» речь уверенно шла о диверсии⁷¹³.

Поскольку необходимые грузы, доставляемые в Архангельск по морю, затем погружались на поезда, чтобы следовать на юг, резко возросла роль АО ЖПУ в общей системе государственной безопасности. Еще 27 марта 1914 г. штаб ОКЖ предупреждал начальников ГЖУ и ЖПУ, что германская разведка активна на железных дорогах, призывая усилить наблюдение⁷¹⁴.

В 1915 г. в Московско-Архангельское ЖПУ ж.д. помимо Архангельского отделения входили Савеловское, Шуйское, Сухонское, Даниловское, Ярославское, Киржачское и Сергиевское. Протяженность путей участка, подконтрольного чинам АО ЖПУ, составляла 335 верст, уступая лишь Шуйскому отделению. Архангельское отделение в военный период возглавлял молодой ротмистр Б.Н. Гибер фон Грейфенфельс, сокращавший в переписках фамилию до «Гибер». Под его началом служили вахмистр и 15 унтер-офицеров на станциях⁷¹⁵.

Хотя с началом Первой мировой войны полицейский надзор на железных дорогах был ужесточен, а актуальными становились вопросы политического розыска и выявления шпионов, жандармы ЖПУ в подавляющем большинстве случаев продолжали сталкиваться с бытовыми происшествиями: поиском пропавших людей и вещей, кражами денег у рабочих, пьянством среди стрелочников или неявке их на дежурство, продажей казенного имущества начальниками станций⁷¹⁶.

Согласно требованию жандармской полиции, работник железной дороги мог быть уволен, в том числе за пьянство или разлагающее влияние на рабочих. Переписка об увольнении велась начальником АО ЖПУ с

⁷¹³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 1. Д. 393. Л. 1-2.

⁷¹⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 36. Л. 1.

⁷¹⁵ Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, испр. по 1 февраля 1915 г. Спб., 1915. С. 117-119

⁷¹⁶ ГААО. Ф. 1323. Оп. 4. Д. 9. Л. 48; Д. 10. Л. 8.

начальником Архангельского отдела Северных железных дорог. В определенных ситуациях «гражданское» управление железными дорогами могло оказывать влияние и на сыск. Когда Управление Северных железных дорог запретило работать евреям, Б.Н. Гибер сообщил, что на подведомственной линии работают двое евреев-беженцев с территорий, занятых Германией. Вскоре оба были уволены⁷¹⁷. На отделениях ЖПУ лежала и борьба со слухами. Например, в связи со слухами, которые распространял сын буфетчицы Малиновской на станции Емца в 1916 г., жандармы добились «нарушения контракта аренды буфета», чтобы Малиновская «потеряла всякую связь с Архангельской линией»⁷¹⁸.

Общее впечатление инспекции от посещения железнодорожной линии в ведении АО ЖПУ оказалось «скорее благоприятным». Это значило вполне хороший уровень общего устройства надзора за работой дороги, особенно учитывая, что на линии Архангельск-Няндомы работали железнодорожные агенты, ранее провинившиеся на других линиях⁷¹⁹. Однако приказы по АО ЖПУ за 1916 г. дают представление о заботах ротмистра Гибера. Он фиксировал многочисленные нарушения не достаточно компетентных унтер-офицеров, что «не проводят должным образом допросы, неверно и поверхностно ведут обыски»⁷²⁰. Сам Гибер фон Грейфенфельс осознавал важность отделения, констатируя: «Архангельская железнодорожная линия одна питает снаряжением всю армию». Поэтому жандармов, берущих взятки и «проявляющих нерадивость», он приравнивал к предателям⁷²¹. В целом, начальник АО ЖПУ в эти годы дает работе унтер-офицеров негативную характеристику: они берут слишком много отпусков, проявляют безответственность и т.д. 18 августа 1916 г. Б.Н. Гиберу в отношении чинов

⁷¹⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 4. Д. 10. Л. 90.

⁷¹⁸ Там же. Л. 37-38.

⁷¹⁹ Там же. Л. 11.

⁷²⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5860. Л. 1, 8.

⁷²¹ Там же. Л. 13.

особой караульной команды на Бакарице присваивались дисциплинарные права командира батальона⁷²².

Помимо перевода Вологодско-Архангельской линии на две колеи, для военных нужд в губернии срочно возводилась новая железная дорога – Мурманская. Имеются данные, что на участке Сорока-Кандалакша к июлю 1916 г. существовал жандармско-полицейский надзор Петроградского ЖПУ ж.д., а к концу ноября – на участке Кандалакша-Кола⁷²³. По окончании работ в составе Петроградского ЖПУ были созданы Сороцкое и Мурманское отделения. Строительство проходило в тяжелых условиях: в июле 1915 г. 720 рабочих самовольно оставили труд на участке и ушли из Кандалакши. Эти события были расценены в переписке с ДП как «единственное проявление рабочего движения» в губернии в 1915 г.⁷²⁴

Для понимания того, насколько эффективно чины АГЖУ и АО ЖПУ могли вести надзор за охраной портовых и железнодорожных пунктов, важно исходить из противоречия, которое сформировал военный период. С одной стороны, война актуализировала возвращение жандармам воинской идентичности. В 1916 г. ОКЖ в желании укрепить дисциплину ограничивал возможные случаи ношения чинами «статского платья», реагируя на то, что под влиянием полицейской деятельности жандармы «разлагаются»⁷²⁵. Но в Архангельске развивалась именно «политическая» сторона жандармской службы для выявления любых подозрительных факторов, а также встраивание АГЖУ в общую военно-гражданскую административную систему. При этом, несмотря на пополнение штата, чинов явно не хватало для решения тех задач, которые было необходимо выполнять при резко возросшем значении губернии. «Распыленный» жандармский надзор в

⁷²² ГАРФ. Ф. 74. Оп. 1. Д. 171. Л. 17.

⁷²³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 124. Д. 3 ч. 7. Л. 12. 119. Змеева О.В. Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915-1916 гг.) // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. 2019. Вып. 16. С. 56.

⁷²⁴ Там же. Л. 1; Д. 3 ч. 2. Л. 4.

⁷²⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 1. Л. 38.

условиях очевидного кризиса государства к концу 1916 г. определял неизбежность чрезвычайных происшествий.

Общий кризис Российской империи разрастался вместе с недовольством общества ходом войны. К 1917 г. авторитет власти не только в народе и господствующих классах, но и в государственном аппарате близко подошел к абсолютному нулю⁷²⁶. В этих условиях полковнику А.Н. Кормилеву пришлось столкнуться с двумя небывалыми по масштабу катастрофами в порту Архангельска.

АГЖУ не раз в течение 1916 г. обращало внимание властей на многочисленные нарушения техники безопасности в разгрузочных районах, но действенных мер предпринято не было. 26 октября на Бакарице по цепочке произошло несколько взрывов на пароходе «Барон Дризен», начиненном взрывчатыми веществами. На тот момент это была мощнейшая техногенная катастрофа – она унесла более 600 жизней. Официальные лица явно занижали число погибших от взрывов и пожаров, а первое сообщение в прессе появилось лишь спустя три дня⁷²⁷. АГЖУ и Беломорскому КРО предстояло расследовать сложное дело.

Офицер жандармского пункта на Бакарице Б.Н. Спицын полагал, что «кто угодно мог проникнуть в район перегруза». У ротмистра был собственный агент – содержатель молочной лавки, который навел жандармов на возможного организатора диверсии, некоего Эриха Фреймана. Но упущенные возможности при слежке привели к тому, что Фрейман успел скрыться из Архангельска. Долго и безрезультатно допрашивался прапорщик Эдмунд Мелленберг, руководивший разгрузкой⁷²⁸. В итоге единственным подозреваемым остался боцман «Барона Дризена» П.В. Полько, которому повезло выжить. Он сам сознался в диверсии и был приговорен к расстрелу, но пробыл в тюрьме до 1918 г., когда и освободился⁷²⁹.

⁷²⁶ Аврех А.Я. Царизм накануне свержения. М, 1989. С. 163.

⁷²⁷ Абрамов Ю.П. Указ. соч. С. 30-31.

⁷²⁸ Там же. С. 34-36.

⁷²⁹ Там же. С. 34. Трошина Т.И. Указ. соч. С. 76.

После катастрофы, что была очевидным следствием провала охраны порта, Главнач А.П. Угрюмов лишился должности. На его место поставили вице-адмирала Л.Ф. Корвина. Жандармско-полицейские органы повысили градус шпиономании: устанавливалось наблюдение за евреями, ранее замеченными в торговых делах с Германией⁷³⁰. В поисках виновных «архангельские жандармы и военные чиновники были склонны списывать все случившееся на происки «внутреннего немца». Была начата серия расследований против портовых служащих и офицеров с немецкими фамилиями. Л.Г. Новикова допускает, что в итоге этого процесса планировался немецкий погром в Архангельске, который якобы могло готовить АГЖУ⁷³¹. Только после обращения С.Д. Бибилова и прессы к населению страсти удалось охладить.

Как бы то ни было, погрома не произошло, а АГЖУ в крайне тревожной обстановке вошло в 1917 год. В новом году циркуляр ДП желал всем ГЖУ «энергии и сил для исполнения ответственного долга перед царем и Родиной»⁷³². Уже 13 января происходит вторая катастрофа: в порту Экономии взрывается ледокол «Семен Челюскин», также с опасными грузами. На этот раз жертв было меньше, так как в серии взрывов у рабочих имелось время покинуть порт. В газете «Архангельск» от 22 января писали: «ранено более 300 человек, число погибших неизвестно, но, по-видимому, достигает приблизительно 30 человек»⁷³³. Однако в действительности погибших было куда больше. Во время взрывов был контужен Б.Н. Гибер⁷³⁴.

Чины АГЖУ немедленно выехали на место катастрофы для проведения расследования. Вскоре прокурор С.Р. Некраш, ссылаясь на полученные данные, заметил, что взорвавшиеся бочки с химикатами были обмазаны специальными зажигательными средствами. Под подозрение попали служащие фирмы Ганса Смита Беркелунд и Петраль, грузившие консервы и

⁷³⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 472. Л. 1.

⁷³¹ Новикова Л.Г. Указ. соч. С. 41.

⁷³² ГААО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 120. Л. 4.

⁷³³ Архангельск. 1917. №18. 22 янв. С. 3.

⁷³⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 479. Л. 16.

моторные лодки в Романове. АГЖУ поручает исправникам выяснить их личности. Начальнику «охранки» в Петрограде К.И. Глобачеву полковник Кормилев дублирует доклад судебного следователя и просит выслать все имеющиеся данные о личностях Петраля и Беркелунда⁷³⁵.

Одновременно подозревается счетовод Осип Цирц, чью возможную гибель при взрыве АГЖУ проверяет особо тщательно, подключив к делу А.Ф. Бетковского. При выяснении личности Беркелунда Финляндским ГЖУ обнаружилось, что такой человек есть, но поскольку неизвестно, когда он получил заграничный паспорт, личность не удалось подтвердить. С помощью ротмистра Гиберга АГЖУ также выясняло личность старшего шкипера на «Челюскине»⁷³⁶. В течение января и февраля расследование продолжалось. В «странном поведении» был замечен тот самый прапорщик Мелленберг, который во Владивостоке «проявлял интерес к военным грузам». Теперь его арестовали, но позже, по решению Морского министерства, лишь уволили со службы и выслали из Архангельска под наблюдение⁷³⁷. В ходе следствия А.Н. Кормилев подавал уездным исправникам запросы о членах экипажа «Челюскина». Необходимо было выяснить как общие данные о каждом лице, так и возможное наличие «неблагоприятных сведений». Иногда в ответ сообщалось о гибели члена команды при взрывах⁷³⁸.

А.Н. Кормилев старался замечать любые подозрительные события. 25 января он сообщает А.Ф. Бетковскому, ставшему помощником АГЖУ, что «партия финляндцев во главе с двумя германскими офицерами, направилась из Швеции в Архангельск со взрывчатыми снарядами для производства взрывов». Они также якобы везут «бутылки с микробами», что требует усиления мер охраны⁷³⁹. В Романов-на-Мурмане для обустройства пункта направлялись срочно командированный ротмистр Виленского ГЖУ Н.Г. Константинов и 5 унтер-офицеров. Приказом по ОКЖ от 16 февраля

⁷³⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5866. Л. 1, 14, 29.

⁷³⁶ Там же. Л. 32, 47, 50.

⁷³⁷ ГААО. Ф. 1323. Оп. 6. Д. 60. Л. 21.

⁷³⁸ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 668. Л. 50.

⁷³⁹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 187. Л. 5.

1917 г. на время войны в штат АГЖУ добавлялась и должность помощника по этому пограничному пункту. Учитывая, что уже скоро в Петрограде начнется революция, даже если чины успели прибыть в Романов-на-Мурмане, вряд ли пункт приступил к активной работе. Рассматривался проект по созданию подобного офицерского пункта в Кеми⁷⁴⁰.

Значение двух катастроф для нового Главнача и АГЖУ было очевидно: необходим пересмотр устройства охраны портовых районов. 16 января 1917 г. Л.Ф. Корвин постановил, что в военно-перегрузочный район никто не может быть допущен без пропуска кроме начальства (которое охрана знает в лицо), а 26 января утверждается новая система. Прикомандированные жандармы распределялись по четырем районам порта, а на А.Н. Кормилева 30 января возлагалось «общее заведование районами» и поручение составить подробную инструкцию по их охране⁷⁴¹. Надзор за безопасностью, пропускным режимом в каждый из районов порта, стали прерогативой различных жандармских чинов. Ответственными лицами становились прикомандированный к АО ЖПУ Б.Н. Спицын (Бакарица), его помощник, ротмистр Харитонов (Смольный Буян, в составе района вахмистр и три унтер-офицера), А.Ф. Бетковский (Соломбала) и Б.Н. Гибер (Экономия)⁷⁴².

Особенно трудно было чинам АО ЖПУ. К этому моменту железнодорожная ветка Смольный Буян – Экономия была продлена до острова Мудьюг, жандармы получили под надзор дополнительные километры. При этом с пункта Экономии они жаловались на неудобные условия службы, в частности, слишком маленькую комнату для четверых⁷⁴³. Унтер-офицер станции Архангельск-пристань встретил критику от Б.Н. Гибера за небрежность и стремление «лишь бы свалить с рук» работу. Ротмистр указывал: «Ты не проникнут сознанием долга службы. Нужно

⁷⁴⁰ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5498; Д. 636. Л. 3; Оп. 3. Д. 120. Л. 47.

⁷⁴¹ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 481. Л. 6, 10; Д. 479. Л. 4, 13.

⁷⁴² ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 479. Л. 13; Оп. 2. Д. 223. Л. 23-24.

⁷⁴³ Трошина Т.И. Указ. соч. С. 35. ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 636. Л. 5.

относиться к делу как к своему собственному, чтобы потерпевшие видели в тебе защитника чужого интереса, и тогда только сделаешь дело хорошо»⁷⁴⁴.

Несмотря на всяческие старания начальников АГЖУ и АО ЖПУ, времени на полноценную реорганизацию охраны оставалось слишком мало, как и на введение в действие новой инструкции. То же касалось другого проекта местной политической полиции – идеи А.Н. Кормилева об учреждении в Архангельске Временного регистрационного бюро. Проект вынашивался с конца 1916 г. Регистрационное бюро при АГЖУ объединило бы жандармов и полицию с целью «проверки паспортов, личностей и благонадежности всех приезжающих и проживающих в районе лиц». В составе Бюро предполагалось 3 офицера, 60 регистрационных околоточных надзирателей, 4 надзирателя по канцелярской части и 6 жандармов - агентов от Петроградского регистрационного стола⁷⁴⁵.

Такие структуры политического сыска как регистрационные бюро в разные периоды действовали «для наблюдения и контроля за населением» только в Петербурге и Москве, а также временно в городах, куда прибывала императорская семья⁷⁴⁶. Учреждение подобного Бюро в Архангельске подчеркнуло бы его исключительный статус в военных условиях и являлось бы прогрессивным шагом по развитию государственной безопасности. АГЖУ исходило из того, что в перегрузочные районы могут беспрепятственно попадать шпионы: якобы уже установлен факт, что на «Бароне Дризене» имело место именно «злоумышление», а на «Челюскин» был принят пассажир, подозревавшийся в числе других по делу Бакарицы. Однако реализация проекта Бюро откладывалась.

20 февраля полковник Кормилев пишет директору ДП А.Т. Васильеву, будто катастрофы были вызваны тем, что Б.Н. Гибер «выдавал пропуска без обследования политической и нравственной благонадежности». Уже в условиях начавшейся революции, 27 февраля начальник АГЖУ обратился и к

⁷⁴⁴ ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 251. Л. 178.

⁷⁴⁵ ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 642. Л. 5.

⁷⁴⁶ Перегудова З.И. Указ. соч. С. 131.

губернским властям, повторно излагая проект регистрационного бюро⁷⁴⁷. Однако к тому времени никого уже не интересовала эта идея, как и итоги следствия по делам о взрывах в порту.

Тем не менее, в январе-феврале 1917 г. АГЖУ продолжало исполнять обязанности по ведению политического сыска. Хотя революционные организации почти повсюду на Севере были разгромлены⁷⁴⁸, жандармы и полиция проводили дознания. Например, мещанина В.И. Фролова обвинили в распространении «преступной речи Н.С. Чхеидзе». Он освобожден под залог 7 февраля, и вскоре дело было прекращено⁷⁴⁹.

На январь 1917 г. АГЖУ имело 6 вольнонаемных агентов наружного наблюдения, получавших 40-50 руб. жалованья и 15-25 руб. суточных денег. Из 1040 руб. на секретные расходы, в этом месяце 782 руб. было потрачено, из них 300 руб. на услуги филеров и 25 руб. на агентов. В феврале на АГЖУ продолжал работать секретный сотрудник «Антонов», а также осведомители «Вольный» и «Экспедитор». Все они были на службе с 1915-1916 гг., то есть являлись новой агентурой. В начале марта 1917 г. А.Н. Кормилев просил ДП покрыть из агентурного аванса расход на переезд канцелярии АГЖУ на новую квартиру, состоявшийся в 1916 г.⁷⁵⁰

4 марта 1917 г. в журнале приказов по АГЖУ были опубликованы тексты отречений от престола Николая II и его брата Михаила⁷⁵¹. Февральские события в Петрограде застали врасплох всю государственную систему, включая полицию. Исследователи солидарны в том, что политический сыск, призванный бороться с малочисленными революционными партиями, не мог противостоять массовому взрыву социальной напряженности. Жандармы и полицейские оказались заложниками исторически сложившихся обстоятельств, и сметающий поток

⁷⁴⁷ ГАО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 642. Л. 6; Ф. 2104. Оп. 1. Д. 128. Л. 31.

⁷⁴⁸ Ветошкин М.К. Указ. соч. С. 22.

⁷⁴⁹ ГАО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 192. Л. 1.

⁷⁵⁰ ГАО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 639. Л. 13, 18-21.

⁷⁵¹ ГАО. Ф. 1323. Оп. 3. Д. 120. Л. 52-53.

революции сверг монархический режим⁷⁵². 4 марта Временное правительство упраздняет все жандармско-полицейские структуры: ГЖУ, ЖПУ ж.д., оставшиеся РОО и охранные отделения. 10 марта при Министерстве юстиции создается Комиссия «для ликвидации дел политического характера бывшего Департамента полиции»⁷⁵³. Директора ДП А.Т. Васильева и начальника штаба ОКЖ В.П. Никольского арестовали.

Что касается положения дел в Архангельской губернии, к началу революции руководство лежало на вице-губернаторе С.И. Турбине, так как С.Д. Бибилов с января выехал в Петроград. По сообщению газеты «Архангельск», в день революции в городе прошла рабочая манифестация. Настроение было «у подавляющего большинства радостное, но в то же время глубоко серьезное и сосредоточенное». 6 марта Турбин оставляет должность, а через месяц он передаст шифр для сношений губернатора и начальника АГЖУ с городской и уездной полицией временному губернатору В.В. Гувелякелю, ставшему губернским комиссаром⁷⁵⁴.

Вечером 6 марта матросами военных судов были произведены обыски в полицейских участках, и «все чины полиции, а также жандармерии, были обезоружены»⁷⁵⁵. Накануне в Управу прибыли полицмейстер С.П. Пржисецкий и Архангельский исправник Н. Е. Паршенский, заявив Гувелякелю, что «принимают новый строй» и желают далее служить городу. В ответ было замечено: «неуместно чинам полиции признавать или не признавать новый строй, их забота, чтобы их самих признали». Чины сдали оружие и погоны⁷⁵⁶. Разоружение и расформирование местных жандармских структур прошло мирно и не встретило сопротивления. Однако по

⁷⁵² Квасов О.Н. Губернский аппарат тайного политического сыска Российской империи в новейших отечественных исследованиях // Вестник РГГУ. 2013. № 10. С. 189. Перегудов А.В. Русские жандармы в первой мировой войне: от подвига к дискриминации // Военно-исторический журнал. 2016. №9. С. 49. Симбирцев И. На страже трона. Политический сыск при последних Романовых. 1880–1917. М., 2006. С. 381.

⁷⁵³ Щеголев П.Е. Указ. соч. С. 16.

⁷⁵⁴ Архангельск. 1917. №49. 3 марта. С. 2. ГААО. Ф. 2104. Оп. 1. Д. 1. Л. 3, 6; Ф. 1. Оп. 4, т.5. Д. 1578. Л. 4.

⁷⁵⁵ 1917-1920. Октябрьская революция и интервенция на Севере. Архангельск, 1927. С. 21.

⁷⁵⁶ Артлебен М.Н. Архангельск в дни государственного переворота. Архангельск, 1917. С. 11-12.

некоторым данным «многие» из числа бывших жандармов были арестованы и высланы из Архангельска⁷⁵⁷.

7 апреля создается Комиссия «по разбору дел и переписок АГЖУ и охранного отделения» (хотя «охранки» в городе так и не появилось), под председательством члена Архангельского окружного суда С.А. Николаевского. Архив АГЖУ и оружие чинов подлежали конфискации. Оружие сдавалось в городскую Думу, а остатки денежных отпусков и имущество – в распоряжение коменданта города. Отмечалось, что обмундирования жандармов найдено «не было», а пашки и револьверы принимали без всякой описи, «за невозможностью составления таковой», поэтому Управа не представила губернскому комиссару сведения о числе вооружения⁷⁵⁸. За вещевые комплекты обмундирования чинов АГЖУ, отпущенные в 1916 г., надлежало заплатить в казначейство. Вместе с жандармскими ведомствами расформировывалось и полицейское управление, его место занимала городская милиция⁷⁵⁹.

Свершившаяся революция позволила новому режиму судить представителей прежних властей, в том числе перекладывая на них проблемы и огрехи в контрразведке. В конце марта 1917 г. А.П. Угрюмову и Л.Ф. Корвину было предъявлено обвинение в «противозаконном бездействии»⁷⁶⁰. Тогда же арестовали подполковника П.В. Юдичева, который был вынужден оставить службу еще в начале месяца. Само Беломорское КРО продолжило функционировать, но уже без жандармов в своем составе⁷⁶¹. Также 30 марта городской Комитет общественной безопасности получил сообщение об аресте в Москве ротмистра Воинова из АО ЖПУ. Он, «как

⁷⁵⁷ Столяренко М.А. Указ. соч. С. 38. Иванов А.А. Военно-морская контрразведка на Севере России в период нахождения у власти Временного правительства (февраль-октябрь 1917 г.) // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. 2008. № 4. С. 11-12.

⁷⁵⁸ ГААО. Ф. 2104. Оп. 1. Д. 123. Л. 1, 3, 9.

⁷⁵⁹ ГААО. Ф. 2104. Оп. 1. Д. 124. Л. 1, 4.

⁷⁶⁰ Абрамов Ю.П. Указ. соч. С. 50.

⁷⁶¹ Иванов А.А. «Северная стража. Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг. М., 2011. С. 41. Энциклопедия секретных служб России. М., 2004. С. 58.

известно», уничтожил после революции все документы ведомства, а также кошельки и прочие вещи, найденные у жертв взрыва на Бакарице⁷⁶².

Вскоре очередь дошла и до Б.Н. Гибера. 8 апреля в заметке «Привлечение к суду охранников» сообщалось, что комиссия по разбору жандармских архивов на основании сведений об уничтожении дел в АО ЖПУ допросила Гибер фон Грейфенфельса, его супругу и унтер-офицера Серохвостова. На заседании Комитета общественной безопасности, по ходатайству Комиссии, было принято решение о возбуждении следствия против Гибера и Воинова: они обвинялись в «истреблении документов», служебном подлоге, растрате имущества и металлов, отобранных у «разного рода похитителей» на железной дороге⁷⁶³.

21 апреля Комиссия представила для «Архангельска» сведения о выявленных секретных сотрудниках АГЖУ. Был обнаружен список псевдонимов, судя по которому, в 1915-1916 гг. политической полиции оказывали услуги 10 «провокаторов». Удалось раскрыть некоторых из них. 12 апреля в Петрограде арестован А.А. Меньшиков, деятельный агент «Позднышев». Во время работы на АГЖУ он был корректором в «Архангельске» и «Северном утре», выдавал себя за ссыльного. В местную тюрьму заключен Я.Я. Кох, тот самый агент «Антонов», ставший цензором и почтовым чиновником. Задержан также «мелкий осведомитель» Пальм, бывший ссыльный, который работал на АГЖУ, чтобы смягчить свое положение⁷⁶⁴. Велось выяснение личностей прочих агентов.

Что касается начальника АГЖУ А.Н. Кормилева, его судьба после революции остается неизвестной. Если верен факт ареста и высылки жандармских чинов из губернии, можно предположить, что полковник был в их числе. Более четко прослеживается участь Е.П. Флоринского, который продолжал находиться в городе при «белом» правительстве Северной области. Вместе с сыном (служившим фейерверкером), он был расстрелян

⁷⁶² Архангельск. 1917. №70. 30 марта. С. 2.

⁷⁶³ Архангельск. 1917. №75. 8 апр. С. 3.

⁷⁶⁴ Архангельск. 1917. №85. 21 апр. С. 2-3.

большевиками в Холмогорах в 1920 г.⁷⁶⁵ Наконец, имеются данные, что 27 июня 1918 г. губернская ЧК арестовала Н.И. Мочалова. Очевидно, после отставки в 1916 г. бывший генерал-майор ОКЖ вернулся в Архангельск. Во время обыска на его квартире «было найдено много документов и рукописей важного характера». Мочалова доставили в губернскую ЧК при Архангельском губисполкоме, и вероятнее всего, ему не удалось затем избежать кары новых «жандармов»⁷⁶⁶.

Так была подведена черта под вековой историей жандармского надзора в Архангельской губернии. Некоторые функции АГЖУ, связанные исключительно с обеспечением безопасности (проверка команд судов, пропускной режим, охрана складов, контроль перевозок), приняли на себя органы военно-морского контроля и Управление охраны водного района. Качество надзора, охраны порта и контрразведки снизилось. По мнению Ю.П. Абрамова, полное отстранение бывших чинов АГЖУ и АО ЖПУ от работы было большой ошибкой, но неизбежностью, ведь слово «жандарм» стало ненавистным в сознании народа⁷⁶⁷.

Несомненно, если бы не февральские события в Петрограде, Архангельск не испытал бы нового революционного подъема, а местный политический сыск продолжал укрепляться в том направлении, которое задали Л.Ф. Корвин и А.Н. Кормилев. Однако время для улучшения охраны безопасности было упущено, а вскоре жандармский опыт перестал быть необходим новым властям. Более того, как бы ответственно жандармы не старались подходить к своим обязанностям, для выстраивания подобающего уровня охраны губернской инфраструктуры требовалось количественное и качественное усиление всех военно-полицейских ведомств, а не только дополнительного штата АГЖУ.

⁷⁶⁵ Дойков Ю.В. Памятная книжка: Красный террор в советской Арктике. Архангельск, 2011. С. 37, 41.

⁷⁶⁶ Ильин В.Н. Архгубчека: период становления // На страже безопасности Поморского Севера. Архангельск, 2003. С. 65.

⁷⁶⁷ Абрамов Ю.П. Указ. соч. С. 51.

Подводя итоги развития политического сыска в Архангельской губернии в 1905-1917 гг., следует исходить из того, что этот период был кризисным для всей России, исключая лишь несколько относительно спокойных лет перед началом войны. Все наиболее характерные для этого времени процессы так или иначе проявились в регионе: это революционные события в 1905-1907 гг., последовавшая реакция и усиление жандармско-полицейского розыска, затем военные пертурбации, связанные с перестройкой службы ГЖУ, а в итоге – упразднение ведомств политической полиции. Последнее стало возможным в ходе начала революции 1917 г., которая явилась итогом многолетней демократизации и секуляризации общественного сознания.

В каждый из трех периодов (революционный, реакционный и военный) для Архангельской губернии характерны не только общие с прочими регионами процессы, но и уникальные факторы, оказывавшие значительное влияние на местный политический сыск. В 1905-1907 гг. таковым фактором являлся резкий рост политических ссыльных, который обострил социальные противоречия. Без участия ссыльных активистов невозможно было представить развитие каких бы то ни было массовых движений в губернии: от крестьянских до профессиональных. В эти годы жандармы могли применять только реактивные меры противодействия «скопищам», стараясь для этого нейтрализовать лидеров партийных организаций, но не имея средств для противодействия самой среде политической ссылки.

В 1908-1914 гг. существенное влияние на ситуацию оказывал опыт политического розыска такого функционера как Н.И. Мочалов. Прежде в АГЖУ не было начальника, который сочетал бы в своей прошлой карьере хорошее знание местных реалий и искушенность в вопросах усовершенствования сыска. Ценный опыт и изменение методов розыскной деятельности позволили АГЖУ ликвидировать последствия революционного брожения, несмотря на тот факт, что число ссыльных продолжало расти. При

этом рост организованной деятельности партийных и кружковых структур, их открытая и массовая агитация, были приостановлены.

Наконец, период 1914-1917 гг. примечателен тем, что Архангельск приобретает особенный статус для снабжения русской армии союзниками по Антанте. В первую очередь речь шла о «транспортном узле»: порте и железной дороге. Чины АГЖУ были задействованы и для надзора в других портах. К сожалению, эффективность службы в военный период сильно осложняли такие черты как неискренность политической полиции в контрразведке и бюрократизация, затягивавшая воплощение важных проектов. Только к началу 1917 г. система охраны порта стала очерчиваться в должном виде. Предполагался совместный надзор АГЖУ и АО ЖПУ за районами порта, а также создание Временного регистрационного бюро. В то же время, эти меры были необходимы как минимум в 1915 г.

На фоне активного усиления и роста численности АГЖУ в последние годы службы, участия жандармов в общем управлении безопасностью, упразднение политического сыска в губернии было особенно резким. В условиях последовавшей политической борьбы в регионе и грядущей Гражданской войны во всей России это сыграло негативную роль.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Политический сыск Российской империи в том виде, в котором он сформировался, нельзя представить без чинов Корпуса жандармов. Они наполняли штаты всех органов, составлявших политическую полицию: центральных, районных, региональных и временно учреждавшихся. Сам Корпус был уникальным институтом: он представлял собой одновременно и воинское формирование, и исполнительный элемент политической полиции. В губерниях жандармские структуры (изначально штаб-офицерство, в дальнейшем ГЖУ, ЖПУ железных дорог и охранные отделения) стали первой профессиональной службой по обеспечению государственной безопасности и надзору за настроениями масс. Прежде вопросы государственных преступлений были неотделимы от общей административно-полицейской системы.

Учреждение ГЖУ в 1867 г. неизбежно распространялось на Архангельскую губернию как на регион Европейской части России. Любые нововведения в сфере политического сыска, будь то разрешение жандармам вести дознания, учреждение уездных помощников, организация надзора на железной дороге, разработка методов розыска и агентурной работы, привлечение жандармов к контрразведке, - находили свое воплощение в губернии, хотя иногда протекали с некоторым запаздыванием. Поэтому на примере АГЖУ, как типичного ведомства региональной политической полиции, можно проследить основные вехи развития системы в целом.

Запаздывание в реформировании и введении передовых методов работы определялось как объективными, так и субъективными факторами. К первым относятся географические особенности Архангельской губернии: ее протяженность с «неровными» границами, дальними расстояниями между уездными центрами, сложность почтового сообщения, неравномерная плотность населения. Все это усложняло формирование и развитие политической полиции. Субъективным началом выступал тот факт, что

центральная власть не обращала на губернию должного внимания, так как на Севере долгое время практически никак себя не проявляло революционное движение. В некотором смысле это отношение к Архангельской губернии как к «северной окраине» Европейской России парадоксально, поскольку географически губерния была достаточно близка к столице империи Санкт-Петербургу, где подпольная борьба (а значит, и жандармская служба) была развита в наивысшей степени.

Историю политического сыска в регионе логично делить на два периода – не равных по протяженности, но сильно друг от друга отличавшихся в социально-политическом плане. Первый период – с 1860-х гг. до 1905 года. В это время в губернии не были распространены социальные конфликты, оппозиционные силы являлись малочисленными, представленными в основном ссыльным элементом.

Создание АГЖУ происходило на фоне проблем в местной полицейской системе, порожденных массовой ссылкой участников Польского восстания 1863-1864 гг. В этом заключалась уникальность условий формирования губернского жандармского надзора. С самого начала, имея еще не развитую структуру, он столкнулся с весьма многочисленной группой нелояльного населения. Даже после возвращения на родину большинства польских повстанцев, политические ссыльные остались для АГЖУ главной проблемой, что определило специфику развития местной жандармерии, которая, таким образом, была вынуждена постоянно самосовершенствоваться, улучшать методы надзора и розыска, расширять места присутствия. Как правило, этот путь не был простым.

Чем ближе к XX веку, тем более радикальным становился характер административной ссылки. Демократы 1860-х гг., занимавшиеся в основном исследованиями и просветительством, сменились революционными народниками, которые старались наладить агитационную работу, а в отдельных случаях вступали в открытые конфликты с жандармами и полицией. На рубеже веков пришло время «партийных» революционеров с

их сплоченностью, конспиративной корреспонденцией и навыками в выпуске печатных материалов. Но в условиях начала активного распространения прокламаций, налаживания поставок нелегальной литературы из-за границы, центральная власть делала вид, будто в губернии все по-старому, хотя вышеназванные процессы непосредственно способствовали «революционизации» всей России. Высылка мыслилась как средство изоляции оппозиционных групп, разрыва их межрегиональных связей. Однако на практике условия ссылки были вовсе не столь жесткими, что приводило к побегам и сохраняло коммуникации, способствовало распространению агитации на местное население. Обо всем этом чины АГЖУ предупреждали вышестоящие органы вплоть до 1905 г.

К началу Первой российской революции губерния по сути оказалась заложником установившейся системы. Сколько бы АГЖУ ни било тревогу, указывая на негативное влияние ссыльных, их число возрастало, происходило оформление «колоний», которые в своей сплоченности можно сравнить не с чем иным как с организованными диаспорами, противостоящими местным обывателям. Итог был предсказуем: в годы революции ссыльные стали не просто авангардом политических процессов, а их инициатором. Социально-политическая обстановка резко накалилась, обнажив несовершенство структуры АГЖУ, которую руководство ОКЖ на рубеже веков сокращало, чтобы усилить в менее спокойных регионах. Самым ярким примером здесь стали крестьянские волнения в Шенкурском уезде 1905-1906 гг., когда налицо оказался провал работы политического сыска и всей полиции.

После первичной стабилизации положения местные жандармы под руководством Н.И. Мочалова приступили к построению розыскной деятельности: вербовке агентов, филеров, осведомителей, развитию наружного наблюдения. Эти меры позволили в 1908-1913 гг. ликвидировать если не все, то подавляющее большинство угроз существующему строю на территории губернии в виде кружковых и партийных структур. Затем

последовал новый вызов системе политического сыска - необходимость присоединяться к военной контрразведке, поиску иностранных шпионов, расследованию диверсий. Общая характеристика деятельности АГЖУ и АО ЖПУ в военный период не может быть однозначной: она не заслуживает, в равной степени, ни жесткой критики, ни высокой оценки.

Главной внутренней проблемой местных жандармов всегда оставалось не достаточное для эффективной службы число строевых чинов, положенное по штатам. Итоговым решением оказалось распределение малочисленных групп унтер-офицеров (1-3 жандарма) по множеству населенных пунктов. Недостатки подобного метода очевидны, но иные варианты выглядели еще хуже. Недопустимо было бы в принципе отказаться от «мелких» пунктов, сосредоточив весь дополнительный штат в Архангельске и Шенкурске как самых политически активных городах.

Местную ситуацию осложняло и то, что каждый уезд обладал своими уникальными чертами, имея исторически сложившийся уклад. Шенкурский уезд был развит в аграрной отрасли, Архангельский – в промышленной. Именно здесь политический сыск имел наиболее сильные позиции. Мезенский и Печорский уезды являлись настолько крупными и притом малозаселенными, что едва ли вообще возможно было организовать в них надзор за пределами уездных центров. Различная политическая активность там проявлялась в меньшей мере, однако многие факты могли просто не быть известны АГЖУ. Наконец, такие уезды как Кемский и Кольский (Александровский) были в весомой степени заселены нерусскими коренными народами. Они не проявляли какой бы то ни было нелояльности режиму, а вот местные колонии ссыльных были при этом весьма активны и организованы, чему способствовала близость к Финляндии и Норвегии.

Понимая как общие черты в деятельности ГЖУ, так и региональную специфику службы жандармов, можно говорить о том, что местные чины в целом справлялись со своими обязанностями, а в отдельные периоды даже справлялись на очень хорошем уровне. Кроме того, в Архангельской

губернии не выявляется каких-либо особо крупных и острых конфликтов между АГЖУ и местными властями (губернатор, полиция, суд), которые привели бы к необратимым последствиям. Конечно, были неблагоприятные периоды во взаимодействии, в частности, первые годы функционирования АГЖУ, но в дальнейшем ситуация нормализовалась, хотя определенная натянутость между жандармами и общей полицией сохранялась подспудно вплоть до 1917 г. Она преломлялась в разных обстоятельствах, однако была в целом свойственна всей бюрократической машине. Скорее, это обуславливалось сложным составом системы под началом Департамента полиции, нежели губернскими особенностями.

Стоит предположить в этой связи, что если бы в регионе появилось розыскное (охранное) отделение, АГЖУ точно не миновало бы значительное осложнение системной работы. Но, поскольку Архангельская губерния не была сочтена «достойной» внедрения «охранки» для подавления революционного движения, на АГЖУ и АО ЖПУ легли все обязанности, какие только могли быть вменены политическому сыску. К общему надзору, перлюстрации и ведению дознаний в порядке «Устава уголовного судопроизводства» в обязательном порядке добавлялись «охранные переписки», политический розыск, привлечение секретных сотрудников, ведение соответствующей отчетности. В целом, местная политическая полиция справлялась с возложенными обязанностями, что доказывается подавлением революционных процессов и достаточно спокойной ситуацией вплоть до Первой мировой войны.

Говоря о социальном контексте развития местного политического сыска, важно помнить, что губернское общество в целом не интересовалось работой АГЖУ, а его отношение к жандармам как к таковым было либо отрицательным, либо прохладно-пренебрежительным. Это соответствовало образу жандарма в массовом сознании. Обобщенный «жандарм» к началу XX века ассоциировался со «шпионством», навязчивой слежкой. Его внимание было приковано к малозначимым событиям, а главной целью являлась

«расправа» с любой инакомыслящей личностью. Это отношение смешивало в единый отрицательный образ все чины политической полиции – и АГЖУ, и железнодорожных жандармов, и одиозную столичную «охранку». Ярким примером служит именование «охранниками» чинов АО ЖПУ.

Местные жандармы занимались в том числе политическим розыском и привлечением т.н. «provokatorov». Но от внимания общества ускользал тот факт, что эта часть службы занимала куда более скромное место в наборе всех обязанностей жандармов, нежели рутинная, каждодневная деятельность по надзору за вверенными районами с ведением отчетности, организация дознаний по часто ничтожным поводам. В некоторой степени эта рутина даже отвлекала чины от «прицельной» работы с нелояльными группами, прежде всего, ссыльными. Однако АГЖУ оставалось лишь исполнительным элементом политического сыска на уровне региона, полностью зависело от «ссыльной» политики властей, и поэтому какая бы то ни было «самодеятельность» жандармов не одобрялась.

Генерал-майор ОКЖ П.П. Заварзин писал: «Быть может, многие законы в России и были несовершенны, но обязанность розыскных отделений сводилась к охранению существующего государственного строя, а изменение законов лежало на обязанности иных учреждений⁷⁶⁸. Это справедливо и по отношению к ГЖУ. Основы государственной политики определялись императором и высшим правительственным аппаратом. Именно высшие власти задавали направление всех проводимых реформ и «контрреформ», на что часть общества реагировала отрицательно, усиливая оппозиционный настрой. Наиболее радикальным выразителем общественного недовольства являлись революционные структуры, в ответ на активность которых власти развивали систему политического сыска.

Несмотря на вторичный статус в государственной машине, жандармы повсеместно были объектом неприязни, как если бы от них зависела вся внутренняя политика власти. В Архангельской губернии от деятельности

⁷⁶⁸ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры: воспоминания. Париж, 1930. С. 7.

АГЖУ претерпевали невзгоды лишь сознательные и активные противники монархического строя, в то время как массы обывателей вообще не рисковали встретиться с жандармом, не иначе как заметив его на улице. Сами того не зная, подданные могли также стать предметом секретных переписок о выяснении благонадежности, что в условиях губернии чаще всего сводилось к проверке, не ведет ли лицо «знакомства со ссыльными».

В целом малодоступный и малоизвестный (иногда и малопонятный) характер деятельности АГЖУ определил отсутствие в дальнейшем отдельного интереса к истории политического сыска в губернии, если не считать раннего советского периода, когда крайне важны стали документы АГЖУ для начала систематического изучения революционного движения на Севере. На сегодняшний день эта тематика сохраняет еще немало секретов для исследователей, ведь документация политического сыска освещает не только узкие служебные вопросы, но и самые разные проявления общественно-государственной жизни губернии, а иногда и всей России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Неопубликованные источники

Государственный архив Российской Федерации

- 1 Ф. 59 - Московское жандармское полицейское управление железных дорог
- 2 Ф. 74 - Московско-Архангельское жандармское полицейское управление железных дорог
- 3 Ф. 102 - Департамент полиции Министерства внутренних дел
- 4 Ф. 109 - Третье отделение собственной его императорского величества канцелярии
- 5 Ф. 110- Штаб Отдельного корпуса жандармов
- 6 Ф. 280 - Московское центральное районное охранное отделение
- 7 Ф. 1169 - Управление 1-го округа штаба Отдельного корпуса жандармов. Санкт-Петербург.

Государственный архив Архангельской области

- 8 Ф. 1 - Канцелярия Архангельского губернатора
- 9 Ф. 2 - Канцелярия Архангельского военного губернатора
- 10 Ф. 6 - Архангельский губернский статистический комитет
- 11 Ф. 29 - Архангельская духовная консистория
- 12 Ф. 66 - Прокурор Архангельского окружного суда
- 13 Ф. 1323 - Архангельское губернское жандармское управление (АГЖУ)
- 14 Ф. 2104 - Архангельский губернский правительственный комиссар

Отдел документов социально-политической истории

- 15 Ф. 8660 - Коллекция воспоминаний и личных документов северян

II. Опубликованные источники

Законодательные источники

- 16 Высочайше утвержденное положение для жандармов внутренней стражи, 1 февраля 1817 года. / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 1-ое. – Санкт-Петербург: Тип. II Отд-ния Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. –Т. 34.– № 26650.

- 17 Высочайше утвержденное положение о Корпусе Жандармов, 1 июля 1836 года / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-ое: с 1649 г. – Санкт-Петербург: Тип. II Отд-ния Собственной его императорского величества канцелярии, 1837 – Т. 11, ч. 1.– № 5355.
- 18 Высочайше утвержденное Положение о Корпусе Жандармов, 9 сентября 1867 года / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-ое. – Санкт-Петербург: Тип. II Отд-ния Собственной его императорского величества канцелярии, 1871. – Т. 42: 1867, отд-ние 2.– № 44956.
- 19 Высочайше утвержденное Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, 14 августа 1881 года / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: [с 1-го марта 1881 г.]. – Санкт-Петербург: Гос. тип., 1885.– Т. 1. – № 330.
- 20 Высочайше утвержденное Положение о полицейском надзоре, учреждаемом по распоряжению административным властей, 12 марта 1882 г. / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: [с 1-го марта 1881 г.]. – Санкт-Петербург, 1886. – Т. 2: 1882. – № 730.
- 21 Новое уголовное уложение, выс. утв. 22 марта 1903 г.: с прил. предм. алф. указ. – Неофиц. изд. – Санкт-Петербург: Кн. маг. В. П. Анисимова, 1903. – 253 с.
- 22 Положение «Об учреждении пяти Округов Жандармского корпуса», 28 апреля 1827 года / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-ое. – Санкт-Петербург: Тип. II Отд-ния Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – Т. 2: 1827. – № 1062.
- 23 Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений: мнение Государственного совета, высочайше утвержденное 19 мая 1871 г. / Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 2-ое. – Санкт-Петербург: Тип. II Отд-ния Собственной его императорского величества канцелярии, 1874.– Т. 46 : 1871, отд-ние 1. – № 49615.
- 24 Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 2. Устав уголовного судопроизводства.– Изд. 2-е, доп. – Санкт-Петербург: Тип. II Отд-ния Собственной его императорского величества канцелярии, 1867. – 523 с.
- 25 Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1866 года: с доп. по 1 янв. 1876 г. / сост. проф. С.-Петерб. ун-та С. Н. Таганцевым. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург: тип. М. Стасюлевича, 1876. – [2], II, 726 X с.

Ведомственные нормативные акты

- 26 Дополнение к инструкции господину корпуса жандармов подполковнику и кавалеру Дейеру. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/III/5.htm> (дата обращения: 01.10.2023).
- 27 Записки по истории революционного движения: для курсов при штабе Отдельного корпуса жандармов. 1912–13 г. / [С.-Петерб. отдел. корпус жандармов] ; сост. Ф. С. Рожанов. – Санкт-Петербург, 1913. – [2], 79 с.
- 28 Инструкция об употреблении оружия полицейскими и жандармскими командами (23 апр. 1908) / Законодательные акты переходного времени, 1904–1908 гг.: сб. законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений Комитета министров, относящихся к преобразованию гос. строя России, с прилож. алф. предм. указ. / под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. – Изд. 3-е, пересм. и доп. по 1 сент. 1908 г. – Санкт-Петербург : изд. Юрид. кн. склада «Право», 1909.
- 29 Краткий систематический свод действующих законоположений и циркулярных распоряжений, относящихся до обязанностей чинов Губернских Жандармских Управлений по наблюдению за местным населением и по производству дознаний / сост. полк. В. И. Добряков. – Санкт-Петербург: тип. Штаба Отд. Копр. Жандармов, 1903. – 688 с.
- 30 Положение о негласном полицейском надзоре, 1 марта 1882 г. / История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы / В. М. Курицын, В. В. Альхименко, В. П. Коряков [и др.]. – Москва : Щит-М, 1998. – С. 132–140.
- 31 Положение о районных охранных отделениях, 14 декабря 1906 года / Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плева до В. Ф. Джунковского: сборник / сост. Е. И. Щербаков. – Санкт-Петербург: Алтейя, 2015. – С. 79–86.
- 32 Положение об охранных отделениях, 9 февраля 1907 года / Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плева до В. Ф. Джунковского: сборник / сост. Е. И. Щербаков. – Санкт-Петербург: Алтейя, 2015. – С. 87–100.
- 33 Правила ведения хозяйства в частях и управлениях Отдельного корпуса жандармов: [с прил.] / сост. ген.-майор Залесский. – Санкт-Петербург: Тип. Штаба Отд. корп. жандармов, 1910. – 288 с.
- 34 Правила для приема офицеров в Отдельный корпус жандармов. – Неофиц. изд. – Казань: Тип. П. И. Кидалинского, 1899. – 16 с.
- 35 Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. – Санкт-Петербург, 1830–1915.
- 36 Систематический сборник циркуляров Департамента полиции и Штаба Отдельного корпуса жандармов, относящихся к обязанностям чинов Корпуса по производству дознаний / сост. коллеж. Советник С. В. Савицкий, чиновник особых поручений 5 кл. при Деп. полиции. – Санкт-Петербург: тип. Штаба Отд. корп. жанд., 1908. – [2], 2, [6], 308 с.

Периодическая печать

- 37 Архангельск: газета / ред. М. Мамадышский. – Архангельск, 1907. – 24 янв (№ 12); 26 янв (№ 14); 30 янв (№ 17); 2 фев (№ 20); 4 фев (№ 21); 7 фев (№ 24); 9 фев (№ 26); 4 мая (№ 90); 16 июня (№ 124); Архангельск, 1917 – 22 янв (№ 18); 3 марта (№ 49); 30 марта (№ 70); 8 апр (№ 75); 21 апр (№ 85).
- 38 Голос Севера: газета / ред. В. Салазгорский. – Голос Севера, 1907. – 9 фев (№ 133); 14 фев (№ 137); 13 марта (№ 157); 29 марта (№ 163); 9 мая (№ 201); 2 июня (№ 220); 5 июня (№ 222).
- 39 Северный листок: газета / ред. П. Плешанов. – Северный листок, 1906. – 5 янв (№ 7); 10 янв (№ 10); 13 янв (№ 13); 26 фев (№ 48); 10 июня (№ 129); 16 июля (№ 159); 2 сент (№ 198); 7 нояб (№ 251); 6 дек (№ 275).

Источники личного происхождения

- 40 Глобачев, К. И. Правда о русской революции : воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / К. И. Глобачев. – Москва: РОССПЭН, 2009. – 519 с.
- 41 Джунковский, В. Ф. Воспоминания. В 2-х т. Т. 2. / В. Ф. Джунковский; под общ. ред. А. Л. Паниной. – Москва: Изд-во им. Сабашниковых, 1997. – 688 с.
- 42 Дивильковский, А. А. Архангелогородское сидение: очерки ссылки / А. Дивильковский // Вестник Европы: журнал истор.-полит. наук. – Санкт-Петербург: тип. Ф. С. Сущинского, 1911. – Год 46, кн. 9. – С. 231–262.
- 43 Дрентельн, Н. С. Памяти М. Ю. Гольдштейна / Н. С. Дрентельн // Русская мысль. – 1915. – № 10. – С. 53–59.
- 44 Заварзин, П. П. Жандармы и революционеры: воспоминания / П. П. Заварзин. – Париж: Изд. авт., 1930. – 255 с.
- 45 Залежский, В. Н. Восемь побегов / В. Н. Залежский. – Москва; Петроград: Молодая гвардия, 1923. – 88 с.
- 46 Ильинский, М. В. Архангельская ссылка: бытовые очерки из истории Арханг. полит. ссылки / М. В. Ильинский. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : типо-лит. «Энергия», 1908. – 285, V с.
- 47 Курлов, П. Г. Конец русского царизма: воспоминания бывшего командира Корпуса жандармов / П. Курлов; с предисл. М. Павловича. – Москва; Петроград: Гос. изд-во, 1923. – 296 с.
- 48 Лавринович, Ю. Н. В архангельской ссылке / Ю. Н. Лавринович // Былое. – 1907. – № 4. – С. 259–289.
- 49 Логачева-Пилецкая, М. Н. Архангельская ссылка и побеги в 1900-х годах / М. Н. Логачева-Пилецкая // Каторга и ссылка. – 1930. – № 7. – С. 126–137.

- 50 Ломачевский, А. И. Записки жандарма. Из воспоминаний жандарма 30-х и 40-х годов / А. И. Ломачевский // Вестник Европы. – 1872. – Т. 2, кн. 3. – С. 242–288.
- 51 Моисеенко, П.А. Воспоминания старого революционера / П.А. Моисеенко. – М.: Мысль, 1966. – 277 с.
- 52 Новицкий, В. Д. Из воспоминаний жандарма: [репр.] / В. Д. Новицкий ; предисл. А. А. Левандовского. – Москва: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1991. – 254 с.
- 53 Норинский, К. М. Под надзором полиции. Воспоминания / К. М. Норинский; предисл. И. П. Донкова; послесл. Б. К. Норинского. – Москва: Мысль, 1974. – 151 с.
- 54 Онежская ссылка / 1905 год: революционное движение в Архангельской губернии: очерки и воспоминания. – Архангельск: [б. и.], 1925 (тип. Северолес). – С. 115–118.
- 55 Петров, А. К. Рабочий-большевик в подполье / А. К. Петров. – Москва: Политиздат, 1969. – 80 с.
- 56 Розов, Д. Пинежская ссылка / Д. Розов / 1905 год: революционное движение в Архангельской губернии : очерки и воспоминания. – Архангельск : [б. и.], 1925 (тип. Северолес). – С. 100–104.
- 57 Савинков, Б. В. Воспоминания террориста / Борис Савинков. – Москва: МП «Слово», 1991. – 272 с.
- 58 Спиридович, А. И. Записки жандарма / А. Спиридович; [с предисл. и под ред. С. Пионтковского]. – Репринт. воспроизведение изд. 1930 г. – Москва: Худож. лит.: Фонд творч. инициатив, 1991. – 263,[1] с.
- 59 Трапезников, В. Н. Политическая ссылка во время первой русской революции (1904–1905 гг.) / В. Н. Трапезников // Каторга и ссылка. – 1928. – № 12 (49). – С. 114–130.
- 60 Фигнер, В. Н. После Шлиссельбурга / В. Н. Фигнер. – Ленинград: Колос, 1925. – 181 с.
- 61 Фишер, Г. Подполье. Ссылка. Эмиграция. Воспоминания большевика. – Москва: Старый большевик, 1935. – 288 с.
- 62 Шенкурская ссылка / 1905 год: революционное движение в Архангельской губернии: очерки и воспоминания. – Архангельск: [б. и.], 1925 (тип. Северолес). – С. 112–114.

Сборники документов и материалов

- 63 1905 год: революционное движение в Архангельской губернии : очерки и воспоминания. – Архангельск: [б. и.], 1925 (тип. Северолес). – 154 с.
- 64 1917–1920: Октябрьская революция и интервенция на Севере. – Архангельск: Арх. глав., 1927 (тип. т-ва «Призыв»). – 320, [3] с.
- 65 Адрес-календарь, Памятная книжка Архангельской губернии на ... год. – Архангельск: Архангельская губ. стат. ком., 1850–1916.

- 66 Архангельский Север в документах истории (с древнейших времен до 1917 года): хрестоматия / Упр. по делам арх. администрации Арханг. обл. [и др.; сост.: В. А. Радишевская (отв. сост.) и др.]; под общ. ред. А. А. Куратова. - Архангельск, 2004. – 438 с.
- 67 Великие реформы в России: [сборник] / под ред. Л. Г. Захаровой, Б. Эклофа, Дж. Бушнелла. – Москва: Изд-во МГУ, 1992. – 333, [1] с.
- 68 Давыдов, Р.А., Попов, Г.П. Оборона Русского Севера в годы Крымской войны: хроника событий. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005. – 176 с.
- 69 Дойков, Ю. В. Памятная книжка. Красный террор в советской Арктике, 1920–1923: (документальные материалы) / Юрий Дойков. – Архангельск, 2011. – 212 с.
- 70 История полиции России. Краткий исторический очерк и основные документы / В. М. Курицын, В. В. Альхименко, В. П. Коряков [и др.]. – Москва: Щит-М, 1998. – 200 с.
- 71 Либеральное движение в России, 1902–1905 гг. / [сост. Д. Б. Павлов]. – Москва: РОССПЭН, 2001. – 646, [1] с.
- 72 Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: 1884, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892 гг. – Санкт-Петербург: Тип.-лит. Месника и Римана.
- 73 Орешина, М. А. Из архивного наследия деятелей культуры Русского Севера второй половины XIX – начала XX века / М. А. Орешина. – Москва: Русаки, 2006. – 225, [4] с.
- 74 «Охранка»: воспоминания руководителей политического сыска / [вступ. ст., подгот. текста и коммент. З. И. Перегудовой]. – Москва: Новое лит. обозрение, 2004.
- 75 Политическая каторга и ссылка: биогр. справочник членов О-ва политкаторжан и ссыльно-поселенцев / [Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев]. – Москва: Всесоюз. о-во политкаторжан и ссыльно-поселенцев, 1934. – 878 с.
- 76 Политическая полиция и политический терроризм в России: (Вторая половина XIX-нач. XX вв.): сб. док. / [сост.: Е. И. Щербакова]. – Москва: АИРО-XX, 2001. – 520, VI с.
- 77 Политическая полиция Российской империи между реформами. От В. К. Плеве до В. Ф. Джунковского: сб. док. / вступ. ст., сост. и коммент. Е. И. Щербакова. – Москва: АИРО-XXI; Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. – 352 с.
- 78 Правые партии: документы и материалы 1905 – 1917 гг.: в 2-х т. – Москва: РОССПЭН, 1998–1999. – Т. 1. – 718 с.
- 79 Россия под надзором: отчеты III отд-ния, 1827–1869 / сост. М. В. Сидорова, Е. И. Щербакова. – Москва: Рос. фонд культуры [и др.], 2006. – 703 с.
- 80 Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен ... [по датам и годам]. – Санкт-Петербург; Пг., 1909–1916.

- 81 Супрун, М. Н. Политическая ссылка на Европейском Севере в конце XIX–начале XX вв.: краткий биобиблиографический словарь: учеб. пособие / М. Н. Супрун; М-во народного образования РСФСР, Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина, Волог. гос. пед. ин-т. – Вологда, 1989. – Т. 1. – 187 с.

III. Литература

Монографии, сборники, статьи

- 82 Абакумов, О. Ю. Третье отделение на страже нравственности и благочиния: жандармы в борьбе со взятками и пороком, 1826–1866 гг. / О. Ю. Абакумов. – Москва: Центрполиграф, сор. 2017. – 317, [2] с.
- 83 Абрамов, Ю. П. Контрразведывательная работа Архангельского губернского жандармского управления в годы первой мировой войны / Ю. П. Абрамов / На страже безопасности Поморского Севера / Регион. упр. Федер. службы безопасности России по Арханг. обл.; [науч. ред. В. Н. Булатов]. – Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2003– С. 9–53.
- 84 Аверин, М. Г. Судебная реформа 1864 г. в Архангельской губернии // Глаголь правосудия. – 2014. – № 2. – С. 59–62.
- 85 Аврех, А. Я. Царизм накануне свержения / А. Я. Аврех; отв. ред. А. М. Анфимов; АН СССР, Ин-т истории СССР. – Москва: Наука, 1989. – 251, [3] с.
- 86 Амосова, О. С. Губернские жандармские управления во второй половине XIX – начале XX вв. / О. С. Амосова // Теория и практика социогуманитарных наук. – 2021. – № 2 (14). – С. 68–73.
- 87 Андреева, И. А. Генезис, становление и развитие национальной жандармерии Франции / И. А. Андреева // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2011. – № 6. – С. 32–48.
- 88 Ансимов, Н. Н. Борьба большевиков против политической тайной полиции самодержавия: 1903–1917 гг. / Н. Н. Ансимов. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 152 с.
- 89 Артлебен, М. Н. Архангельск в дни государственного переворота / М. Н. Артлебен. – Архангельск: Арханг. губер. тип., 1917. – 17 с.
- 90 Бакшт, Д. А. Взаимодействие полиции и жандармерии (на материалах Енисейской губернии, 1881-1917) / Д. А. Бакшт // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2015. – № 1 (61). – С. 50–55.
- 91 Балова, М. Б. Изменения в структуре местных органов государственного управления в Архангельской губернии во второй

- половине XIX в. / М.Б. Балова // *Wschodni rocznik humanistyczny*. – 2014. – Том X. – S. 341-349.
- 92 Батина, Н.А. История политической ссылки в г. Онега и Онежском уезде / Н.А. Батина // *В вихре двух революций: Краеведческий альманах: 3 Вып. [Очерки и стихи о Февральской и Октябрьской революциях 1917 г., и Гражданской войне]*. – Онега, 2017. – С. 13-28.
- 93 Белецкий, С.П. Исторический очерк образования и развития полицейских учреждений в России / С.П. Белецкий, П. Руткевич. – Санкт-Петербург: Тип. М-ва внутр. дел, 1913 – 42 с.
- 94 Белоусов, К. Ф. Олонецкие люди оружия: из истории губернского жандармского управления: монография / К. Ф. Белоусов. – Петрозаводск: Острова, 2021. – 264 с.
- 95 Бибииков, Г. Н. Жандармский штаб-офицер и губернская администрация: К. Я. Флиге в 1830—1840-е гг. / Г. Н. Бибииков // *Российская история*. – 2021. – № 2. – С. 86–104.
- 96 Бибииков, Г. Н. Инструкция жандармам 1827 г. по контролю за набором рекрутов / Г. Н. Бибииков // *Русский Сборник*. – Москва, 2009. – Т. 7: Военная политика императора Николая I / ред.-сост.: О. Р. Айрапетов [и др.]. – С. 24–32.
- 97 Бикташева, А. Н. Информационный потенциал жандармского делопроизводства для изучения губернского управления в российской империи / А. Н. Бикташева // *Российская империя в исторической ретроспективе: сб. науч. ст.* – Белгород: Белгор. гос. нац. исслед. ун-т, 2013. – Вып. VII. – С. 12–17.
- 98 Богучарский, В. Я. Третье отделение Собственной Е. И. В. канцелярии о себе самом: (Неизданный документ) / В. Я. Богучарский // *Вестник Европы*. – 1917. – № 3. – С. 85–126.
- 99 Бойко, С. И. Взаимодействие правоохранительных органов Российской империи в борьбе с антигосударственной деятельностью в 1880–1904 гг. (на примере Казанского губернского жандармского управления) / С. И. Бойко // *Вестник Российского университета кооперации*. – 2013. – № 4 (14). – С. 59–62.
- 100 Брачев, В. С. Мастера политического сыска дореволюционной России / В. С. Брачев; науч. ред. С. Н. Полтораки. – Санкт-Петербург: Нестор, 1998. – 109 с.
- 101 Бриль, Г. Г. Правовые основы деятельности адъютантов Отдельного корпуса жандармов Российской империи во второй половине XIX в. – нач. XX в. / Г. Г. Бриль, Л. Н. Зайцев // *Вестник Костромского государственного университета*. – 2021. – Т. 27, № 2. – С. 187–194.
- 102 Веселов, А.Г. В.И. Ленин и транспортировка нелегальной партийной литературы морским путём Варде – Архангельск. 1901–1917/ А. Г. Веселов // *Ленинизм – наше знамя и оружие : материалы к*

- науч.-теор.й конф. / Арханг. обл. орг. о-ва «Знание»; [редкол.: Н. П. Рыбаков (отв. ред.) и др.] – Архангельск, 1970. – С. 23–26.
- 103 Ветошкин, М.К. Становление власти Советов на Севере РСФСР / М. К. Ветошкин. – Москва: Советская Россия, 1957. – 132 с.
- 104 Вязьмитинов, М. Н. Жандармы и армия. Политический сыск и вооруженные силы России в революции 1905–1907 гг. / М. Н. Вязьмитинов // Военно-исторический журнал. – 1995. – № 1. – С. 89–93.
- 105 Галавзин, С.Н. Охранные структуры Российской империи: Формирование аппарата, анализ оперативные практики / С. Н. Галавзин. – Москва: Совершенно секретно, 2001. – 190 с.
- 106 Ганелин, Р.Ш. Российское самодержавие в 1905 году. Реформы и революция / Р.Ш. Ганелин. – Санкт-Петербург: Наука, 1991. – 221 с.
- 107 Генералитет российской императорской армии и флота [сайт]. – Режим доступа: <http://rusgeneral.ru/> (дата обращения: 02.11.2023).
- 108 Голдин, В.И. Север России на пути к Гражданской войне: попытки реформ, революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918: монография / В. И. Голдин ; Ассоц. исслед. Гражд. войны в России, Сев.-Зап. секция науч. совета РАН по истории соц. реформ, движений и революций. – Архангельск: [САФУ], 2018. – 619 с.
- 109 Голдин, В.И. Победа буржуазно-демократической революции 1917г. в Архангельске / В. И. Голдин, О. В. Чуракова / История и культура Архангельского Севера (досоветский период): межвуз. сб. науч. тр. / М-во просвещения РСФСР, Волог. гос. пед. ин-т ; [ред. А. А. Куратов]. – Вологда, 1986. – С. 146–154.
- 110 Григорьев, Б. Н. Повседневная жизнь российских жандармов / Б. Н. Григорьев, Б. Н. Колоколов. – Москва: Молодая гвардия, 2007. – 851 с.
- 111 Гугасари, Е.С. Роль уголовно-процессуального законодательства Российской империи в борьбе с терроризмом (вторая половина XIX – начало XX вв.) / Е. С. Гугасари // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. – № 6 (122). – С. 214–218.
- 112 Гурлев, И.В. Взаимодействие полиции и корпуса жандармов в Российской империи (1826-1917 гг.) / И. В. Гурлев // Власть. – 2017. – Т. 25, № 7. – С. 142–148.
- 113 Дойков, Ю.В. П. П. Чубинский. Предтеча украинской свободы. (1839–1884) / Ю. В. Дойков. – Архангельск, 2007. – 231 с.
- 114 Дунаева, А. Ю. Реформы полиции в России начала XX века и В. Ф. Джунковский / А. Ю. Дунаева. – Москва: Объедин. ред. МВД России, 2012. – 320 с.
- 115 Ерошкин, Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России / Н. П. Ерошкин. – Москва: Высшая школа, 1968. – 368 с.

- 116 Жандармы России / сост. В. С. Измозик. – Санкт-Петербург: Издательский дом «Нева», Москва : «ОЛМА-Пресс», 2002. – 640 с.
- 117 Жаров, С.Н. Социальная опора правительства России перед Февральской революцией глазами жандармов / С. Н. Жаров // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2006. – № 13 (68-2). – С. 74–76.
- 118 Жилина, Ю. А. Агентурная деятельность сыскных отделений Российской империи в начале XX века / Ю. А. Жилина, Е. Д. Проценко // Современное право. – 2011. – № 6. – С. 169–172.
- 119 Журавлев, Н.А. Эхо в снегах / Н.А. Журавлев. – Москва: Воениздат, 1986. – 528 с.
- 120 Жухрай, В. М. Тайны царской охранки: авантюристы и провокаторы / В. М. Жухрай. – Москва, 1991. – 333 с.
- 121 Зайончковский, П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Полит. реакция 80-х–начала 90-х годов) / П. А. Зайончковский. – Москва: Мысль, 1970. – 444 с.
- 122 Змеева, О.В. Стражники Мурманской железной дороги: регулирование отношений и формирование этносоциального порядка (1915-1916 гг.) / О.В. Змеева // Труды КНЦ РАН. Гуманитарные исследования. – 2019. – Вып. 16. – С. 53 – 67.
- 123 Иванов, А. А. Военно-морская контрразведка на Севере России в период нахождения у власти Временного правительства (февраль - октябрь 1917 г.) / А. А. Иванов // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. – 2008. – № 4. – С. 11-17.
- 124 Иванов, А.А. «Северная стража». Контрразведка на русском Севере в 1914–1920 гг.: [монография] / А. А. Иванов. – Москва: Кучково поле, 2011. – 270 с.
- 125 Ильин, В.Н. Архгубчека: период становления / В.Н. Ильин / На страже безопасности Поморского Севера: [сб. документальных очерков / Регион. упр. Федер. службы безопасности России по Арханг. обл.; редкол. Б. В. Борисов (гл. ред.) и др.]– Архангельск, 2003. – С. 53–84.
- 126 Ильчук, Д. И. Политическая ссылка на Север России как этап формирования пенитенциарной системы / Д. И. Ильчук // Вестник международного Института управления. – 2016. – № 5-6(141-142). – С. 65–69.
- 127 История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов / Р. С. Мулукаев, А. Я. Малыгин, А. Е. Епифанов; под ред.: Р. С. Мулукаев. – Москва: Nota Bene, 2005. – 336 с.
- 128 Квасов, О.Н. Губернский аппарат тайного политического сыска Российской империи в новейших отечественных исследованиях / О. Н. Квасов // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. – 2013. – № 10 (111). – С. 184–197.

- 129 Колоколов, Б. Г. Жандарм с царем в голове: жизненный путь руководителя личной охраны Николая II / Б. Г. Колоколов. – Москва: Молодая гвардия, 2009. – 582 с.
- 130 Колпаков, П. А. Внутренняя стража и Отдельный корпус внутренней стражи в 1811–1863 гг.: эволюция организационной структуры военно-полицейских формирований Российской империи / П. А. Колпаков // Научный диалог. – 2016. – № 10 (58). – С. 208–220.
- 131 Коницев, К. И. В Девятьсот пятом / К.И. Коницев. - Архангельск, Облгиз., 1952. – 123 с.
- 132 Коновалов, Ф.Я. Секретная агентура провинциальных губернских жандармских управлений в начале XX в. (на материалах Вологодского губернского жандармского управления) / Ф. Я. Коновалов // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. – 2019. – Т. 3, № 1. – С. 86–145.
- 133 Коновалов, Ф. Я. Совершенствование методов работы провинциальных органов российской политической полиции после революции 1905–1907 гг. (на примере Вологодского губернского жандармского управления) / Ф. Я. Коновалов // Управление и экономика в условиях экономической нестабильности: проблемы и перспективы : материалы науч.-практ. конф. (г. Вологда, 3 апр. 2014 г.). – Вологда, 2014. – С. 78–86.
- 134 Косухкин, С.Я. Польские социал-демократы в Архангельской ссылке (конец XIX - начало XX вв.) / С.Я. Косухкин / Каторга и ссылка на Севере России: сборник статей / ПГУ им. М.В. Ломоносова; [редкол.: М.Н. Супрун, Р.А. Ханталин, С.О. Шаляпин]. – Архангельск, Кира, 2006.
- 135 Кошель, П.А. История российского сыска / П. А. Кошель. – Москва: Молодая гвардия, 2005. – 394 с.
- 136 Кузнецов, С. А. Деятельность жандармских полицейских отделений по охране железных дорог нижнего Поволжья в конце XIX начале XX вв. / С. А. Кузнецов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – 2009. – № 15 (70). – С. 137–141.
- 137 Куратов, А.А. Архангельский Север в истории России: учеб. кн. для школьников и студентов / А.А. Куратов; М-во образования Рос. Федерации. Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – Архангельск: Помор. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2003. – 209 с.
- 138 Лавренова, А.М. Гордость и предубеждение и «охранка»: политический сыск в современной российской историографии / А. М. Лавренова // История и архивы. – 2019. – №1. – С. 30–47.
- 139 Лавренова, А.М. Синий мундир в Зеркале Венеры: Взаимовлияние личной жизни и служебной карьеры чинов Отдельного корпуса жандармов / А. М. Лавренова // Новый исторический вестник. – 2015. – № 2 (44). – С. 31–53.

- 140 Ларенова, А.М. Тонкая синяя линия: жандармы и общество на закате империи / А.М. Лавренова. – Москва; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2023. – 516 с.
- 141 Лемке, М. К. Николаевские жандармы и литература 1826–1855 гг.: По подлинным делам Третьего отделения собств. е. и. величества канцелярии / М. К. Лемке. – Изд. 2-е. – Санкт-Петербург: С. В. Бунин, 1909. – 614 с.
- 142 Линдер, И. Б. Спецслужбы России за 1000 лет / И. Б. Линдер, С. А. Чуркин. – Москва: РИПОЛ классик, 2008. – 781 с.
- 143 Лопухин, А.А. Из итогов служебного опыта. Настоящее и будущее русской полиции / А. А. Лопухин. – Москва: типография В.М. Саблина, 1907 – 69 с.
- 144 Лукнов, И.Н. 19 октября 1905 года в Архангельске / И. Н. Лукнов // Архангельский хронограф [сайт]. – Режим доступа: <http://achronicle.narod.ru/19october.html> (дата обращения: 02.11.2023).
- 145 Лурье, Ф. М. Полицейские и провокаторы : Политический сыск в России. 1649-1917 / Ф. М. Лурье. – 2-е изд., испр. – Москва : ТЕРРА, 1998. – 347 с.
- 146 Малиновский, В. В. Архангельская социал-демократическая ссылка конца XIX – начала XX вв. / В. В. Малиновский, С. Я. Косухин / Из истории политической ссылки на Европейский Север (XVIII – начало XX вв.) / М-во просвещения РСФСР, Вологод. гос. пед. ин-т ; [отв. ред. Г. Г. Фруменков]. – Вологда : ВГПИ, 1978. – С. 53–105.
- 147 Меньщиков, Л. П. Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия / Л. П. Меньщиков. – Москва: Всесоюз. об-во полит. каторжан и ссыльно-переселенцев, 1925–1932. – 3 т.
- 148 Министерство внутренних дел, 1802-1902. Исторические очерки.– Санкт-Петербург : типография МВД, 1902. – 264 с.
- 149 Министерство внутренних дел, 1902-2002. Исторический очерк. - М.: Объед. ред. МВД России, 2004. – 647 с.
- 150 Михайлов, Б. Г. Революционный народнический кружок в Мезени (1877-1881 гг.) / Б. Г. Михайлов // Из истории политической ссылки на Европейский Север (XVIII – начало XX вв.) / М-во просвещения РСФСР, Вологод. гос. пед. ин-т; [отв. ред. Г. Г. Фруменков]. – Вологда: ВГПИ, 1978. – С. 20–35.
- 151 Мойсинович, А. М. Политический сыск в России в конце XIX-начале XX в.: текст лекций : для студ., обуч. по спец. История / А. М. Мойсинович; М-во образования и науки Рос. Федерации, Ярос. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль: ЯрГУ, 2010. – 86 с.
- 152 Мулукаев, Р.С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер: Лекция / Р. С. Мулукаев; АН МВД СССР. Кафедра истории органов внутр. дел. – Москва: [б. и.], 1976. – 29 с.

- 153 Невский, С. А. Уездная полицейская стража в России в начале XX в / С. А. Невский, Е. А. Сычев, С. Ю. Можаяев // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2014. – № 4. – С. 342–346.
- 154 Новикова, Л.Г. Провинциальная «контрреволюция». Белое движение и Гражданская война на русском Севере, 1917-1920 / Л. Г. Новикова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2011. – 384 с.
- 155 Новоселов, М. Ю. Губернские жандармские управления: история создания и структура / М. Ю. Новоселов // Молодой ученый. – 2014. – № 11 (70). – С. 286–288.
- 156 Овсянкин, Е. И. На изломе истории. События на Севере в 1917-1920 гг.: мифы и реальность / Е. И. Овсянкин ; науч. ред. В. И. Голдин. – Архангельск: Архконсалт, 2007. – 557 с.
- 157 Овченко, Ю. Ф. Безопасность империи: (политический розыск-средство обеспечения безопасности Российского самодержавия, 1880-1917 гг.) / Ю. Ф. Овченко; О-во изучения истории отечественных спецслужб. – Москва: Техинформ, 2012. – 370 с.
- 158 Олейников, Д.И. Бенкендорф / Д. И. Олейников. – Москва: Молодая гвардия, 2009. – 390 с.
- 159 Оржиховский, И.В. Самодержавие против революционной России (1826-1880 гг.) / И. В. Оржиховский. – Москва: Мысль, 1982. – 207 с.
- 160 Основные события рабочего и социал-демократического движения в Олонецкой губернии и Кемском уезде Архангельской губернии в 1895-1907 гг. / Центр. Гос. арх. Карел. АССР; сост.: Н. А. Кораблев, И. С. Петричева. – Петрозаводск: Интеллект, 1991. – 40 с.
- 161 Офицеры русской императорской армии [сайт]. – Режим доступа: <https://www.ria1914.info/> (дата обращения: 02.11.2023).
- 162 Очерк по истории РСДРП в Архангельской губернии 1898 – 1905гг. // 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. Архангельск, 1925. – С. 121–135.
- 163 Павлов, Д.Б. На пути к Цусиме: беспримерный поход 2-й Тихоокеанской эскадры / Д. Б. Павлов. – Москва: Вече, 2011. – 286 с.
- 164 Перегудов, А. В. Русские жандармы в Первой мировой войне: от подвига к дискриминации (на примере Воронежской губернии) / А. В. Перегудов // Военно-исторический журнал. – 2016. – № 9. – С. 44–49.
- 165 Перегудов, А. В. Русский жандарм начала XX века: особенности восприятия (по воспоминаниям офицеров отдельного корпуса жандармов) / А. В. Перегудов // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. – 2013. – № 4. – С. 50–55.
- 166 Перегудова, З. И. Политический сыск России (1880-1917) / З. И. Перегудова ; Гос. арх. Рос. Федерации. – Москва : РОССПЭН, 2000. – 430 с.

- 167 Петухов, А.Ю. Генерал Кутепов. Гибель Старой гвардии, [1882–1914] / Андрей Петухов. – Москва: Центрполиграф, сор. 2014. – 378 с.
- 168 Плех, О. А. Земская полиция в северных губерниях Российской империи в первой половине XIX в.: численность и состав / О. А. Плех // *Historia Provinciae* – журнал региональной истории. – 2019. – Т. 3, № 1. – С. 15–52.
- 169 Плужников, С. Ю. Место и роль губернских жандармских управлений в системе органов политического сыска, последняя треть XIX – начало XX вв. / С. Ю. Плужников // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* – 2007. – № 2(46). – С. 97–100.
- 170 Попов, Ю. Первый политссыльный / Ю. Попов // *Русский Север.* –1999. – 29 сент. – С. 10. – Режим доступа: <https://www.booksite.ru/exile/st-100.html>(дата обращения: 03.11.2023).
- 171 Потылицын, А. И. Крестьянское революционное движение на Севере в 1905–1907 гг. / А. И. Потылицын; Испарт Севкрайкома ВКП (б). – Архангельск: Гос. изд-во. Сев. краевое отд-ние, 1930. – 72 с.
- 172 Пулькин, М. В. Жандармы Олонецкой губернии: специфика профессиональной деятельности (XIX – начало XX в.) / М. В. Пулькин // *Studia Humanitatis.* – 2018. – № 3.
- 173 Пулькин, М.В. Тайная полиция и общество в середине XIX–начале XX в. (по материалам Олонецкой губернии) / М. В. Пулькин // *Гуманитарные научные исследования.* – 2013. – № 2.– Режим доступа: <http://human.snauka.ru/2013/02/2418>_(дата обращения: 03.11.2023).
- 174 Реент, Ю. А. Общая и политическая полиция России (1900-1917 гг.) / Ю. А. Реент. – Рязань: Узорочье, 2001. – 284 с.
- 175 Резанов, А.Д. Архангельские жандармы в обеспечении государственной безопасности России на Белом и Баренцевом морях, XIX – нач. XX вв. / А.Д. Резанов / *Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Служить отечеству: от Петра I до современности».* – Архангельск: КИРА, 2024. – С. 99-106.
- 176 Резанов, А.Д. Взаимодействие жандармов и чинов полиции в Архангельской губернии середины XIX – начала XX века / А.Д. Резанов // *Вестник Вологодского государственного университета. Серия «Исторические и филологические науки».* – 2024. - №3. – С. 22-25.
- 177 Резанов, А.Д. «Дабы жандармские команды доведены были до всевозможного совершенства...» Особенности становления жандармской службы в Архангельской губернии в 1817-1917 гг. / А.Д. Резанов // *Военно-исторический журнал.* – 2024. - №1. – С. 88-97.
- 178 Резанов, А.Д. «Немецкий вопрос» и политический сыск в Архангельской губернии, 1914-1917 гг. / А.Д. Резанов / *Защитники Отечества: сборник. Вып. 18: Материалы научной конференции: XLII общественно-научные чтения по военно-исторической тематике,*

- Архангельск, 2023 г. / сост.: А.В. Буглак, И.М. Гостев. – Архангельск: Лоция, 2024. – С. 117-124.
- 179 Резанов, А.Д. Образ жандарма в воспоминаниях политических ссыльных Архангельской губернии (конец XIX-начало XX в.) / А.Д. Резанов // Пенитенциарная система России в современных условиях развития общества: от парадигмы наказания к исправлению и ресоциализации: сборник материалов международной научно-практической конференции. Ч. 2. – Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2024. – С. 216-221.
- 180 Резанов, А.Д. Политический сыск Российской империи, 1827–1917 гг.: к историографии проблемы / А.Д. Резанов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Исторические науки» – 2023. - №1 (49). – С. 23-37.
- 181 Резанов, А.Д. Система образования Архангельской губернии и жандармский надзор в 1905-1907 гг. / Резанов А.Д. / Историческое образование в школе и вузе: региональная история в контексте истории России: материалы межрегиональной научно-практической конференции. – Архангельск: САФУ, 2024. – С. 23-28.
- 182 Резанов, А.Д. «Учреждение, где ведают страхом и ужасом»: Архангельское губернское жандармское управление в 1908-1915 годах / А.Д. Резанов // Известия Коми научного центра Уральского отделения РАН. Серия «История и филология». – 2024. - №1 (67). – С. 72-79.
- 183 Романов, В. В. Основные тенденции развития отечественных и зарубежных исторических и историко-правовых исследований во второй половине XIX–начале XXI вв. Политической полиции Российской империи в 1826-1860 гг. / В. В. Романов // Симбирский научный вестник. – 2012. – № 3(9). – С. 38–58.
- 184 Романов, В.В. Политическая полиция Российской империи 1826-1860 гг.: основные тенденции развития : [монография] / В. В. Романов. – Ульяновск: Ульяновский гос. ун-т, 2007. – 559 с.
- 185 Романов, В. В. Эволюция политической полиции Российской империи во второй половине 60-х – начале 80-х гг. XIX в.: организационно-правовой аспект / В. В. Романов, Н. Н. Арзамаскин, О. В. Мисякова // Общество: философия, история, культура. – 2020. – № 12(80). – С. 78–82.
- 186 Румянцев, П. П. Жандармские штаб-офицеры и начальники губернского жандармского управления в Томской губернии: практика назначения и социальный портрет / П. П. Румянцев // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 457. – С. 141–149.
- 187 Рууд, Ч. А.Фонтанка 16: политический сыск при царях / Ч. А. Рууд, С. Степанов. – Москва: Мысль, 1993. – 430 с.
- 188 Рыжова, Ю. В. Правовые основы деятельности Отдельного корпуса жандармов по обеспечению внутренней безопасности во

- второй половине XIX – начале XX вв. / Ю. В. Рыжова / Научные междисциплинарные исследования: сб. статей V Междунар. науч.-практ. конф. (Саратов, 25 сент. 2020 г.). – Саратов: НОО «Цифровая наука», 2020. – С. 198–205.
- 189 Сватиков, С.Г. Русский политический сыск за границей: (по документам Парижского архива заграничной агентуры Департамента полиции) / С. Г. Сватиков. – Ростов на Дону: Первое паевое рабоч. т-во печат. дела, 1918. – 75 с.
- 190 Свечников, Н. И. Некоторые особенности деятельности охранных отделений Российской империи / Н. И. Свечников, А. С. Кадомцева // Вестник Пензенского государственного университета. – 2015. – № 2 (10). – С. 64–69.
- 191 Сенина, Н. В. Тульское губернское жандармское управление / Н. В. Сенина // Тульский краеведческий альманах. – 2007. – № 5. – С. 51–57.
- 192 Симбирцев, И. На страже трона: политический сыск при последних Романовых, 1880-1917 / И. Симбирцев. – Москва: Центрполиграф, 2006. – 427 с.
- 193 Симбирцев, И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи, 1826-1880 / И. Симбирцев. – Москва: Центрполиграф, 2006. – 381 с.
- 194 Соболев, А.Н. Пензенские жандармы. Сто лет на страже, 1817-1917 / А. Н. Соболев. – Пенза: Областной издательский центр, 2021. – 211 с.
- 195 Соколов, Д. Из истории революционного рабочего движения 1905-1908 годов в Архангельской губернии / 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. – Архангельск, 1925. – С. 7–40.
- 196 Спиридович, А.И. История большевизма в России от возникновения до захвата власти. 1883 – 1903 – 1917: с приложением документов и портретов / А. И. Спиридович. – Париж, 1922. – 476 с.
- 197 Страхов, Л. В. Взаимодействие органов жандармерии и общей полиции в 1880 - 1917 гг.: опыт Воронежской губернии / Л. В. Страхов // Известия высших учебных заведений. Серия: Гуманитарные науки. – 2016. – Т. 7, № 2. – С. 100–104.
- 198 Ссылка в Сибирь: очерк ее истории и современного положения. — СПб.: Типография С.-Петербургской тюрьмы, 1900. — 339 с.
- 199 Столяренко, М.А. Моряки в огне революции: Участие воен. моряков в борьбе за победу Советской власти и в разгроме интервентов на севере в 1917-1920 гг. / М. А. Столяренко. – Ленинград: Лениздат, 1960. – 196 с.
- 200 Супрун, М.Н. Политссылка на европейском севере как срез с политических партий и организаций революционной России (1895 - 1905) / М. Н. Супрун / IV Соловецкий общественно – политический

- форум «Человек и общество. Психическое здоровье и экология культуры». – Архангельск – Соловки, 1992. – С.140–142.
- 201 Супрун М.Н. Польская ссылка на Европейском Севере в XIX-XX вв. / М.Н. Супрун / *Wokół polskiej obecności w Rosji sztambuch Profesor Wiktorii Śliwowskiej na jubileusz dziewięćdziesięciolecia*. – Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego dialogu i porozumienia, 2021. – S. 219-227.
- 202 Сысоев, Н.Г. Жандармы и чекисты: от Бенкендорфа до Ягоды / Н. Г. Сысоев. – Москва: Вече, 2002. – 380 с.
- 203 Тарасов, И. Т. Полиция в эпоху реформ: Исслед. проф. И.Т. Тарасова / И. Т. Тарасов. – Москва: тип. А.И. Мамонтова и Ко, 1885. – 152 с.
- 204 Толочко, А. В. «Дело удастся наладить полностью». Организация охраны Архангельского порта в 1917 году / А. В. Толочко // *Военно-исторический журнал*. – 2017. – № 2. – С. 16–22.
- 205 Троицкий, Н.А. Безумство храбрых: Русские революционеры и карательная политика царизма, 1866–1882 гг. / Н. А. Троицкий. – Москва: Мысль, 1978. – 335 с.
- 206 Троицкий, Н. А. Крестonosцы социализма / Н. А. Троицкий; Саратов. межрегион. ин-т обществ. наук при Саратов. гос. ун-те им. Н. Г. Чернышевского. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2002. – 370 с.
- 207 Троицкий, Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности, 1866–1895 / Н. А. Троицкий.– Москва: Мысль, 1979. – 350 с.
- 208 Троицкий, Н. А. Царские суды против революционной России: Полит. процессы, 1871–1880 гг. / Н. А. Троицкий. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1976. – 408 с.
- 209 Трофименко, В.Г. Архангельское губернское жандармское управление в XIX – начале XX вв./ В. Г. Трофименко / *История органов государственной безопасности на Севере России: материалы конференции (г. Архангельск, 23-24 мая 2013 года)*. – Архангельск: ОАО «ИПП «Правда Севера», 2014.– С. 7–19.
- 210 Троцкий, И. М. III-е Отделение при Николае I: [Сборник] / И. Троцкий. – Ленинград: Лениздат, 1990. – 317 с.
- 211 Трошина, Т.И. Великая война... Забытая война...; Архангельск в годы Первой мировой войны (1914-1918 гг.): книга для учителей / Т. И. Трошина; АО ИППКРО, Добровольное культурно-просветительное общество «Норд». – Архангельск: Кира, 2008. – 169 с.
- 212 Ульянова, Л. В. Политическая полиция и либеральное движение в Российской империи. Власть игры, игра властью. 1880-1905/ Л. В. Ульянова. – Санкт-Петербург: Алетейя, 2022 (cop. 2020). – 353 с.
- 213 Федотова, Е. Д. Революционное движение в Архангельской губернии в годы первой русской революции (1905-1907 гг.) / Е. Д. Федотова. – Архангельск: Архангельское книжное издательство, 1955. – 99 с.

- 214 Филиппов, М.А. Судебная реформа в России / [соч.] М. А. Филиппова. – СПб., 1871-1875. Т. 1: Судоустройство. Ч. 1. – 1871, IV.– 623 с.
- 215 Фруменков, Г.Г. Декабристы на Севере / Г. Г. Фруменков, В. А. Волынская. – Архангельск : Сев.-Зап. кн. изд-во, 1986. – 222 с.
- 216 Фруменков, Г.Г. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI-XIX вв. / Г. Г. Фруменков; ред. Р. В. Жаковская; худож. Н. Г. Наговицын. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1975. – 181 с.
- 217 Фруменков, Г. Г. Узники Соловецкого монастыря / Г. Г. Фруменков. – 4-е изд., перераб. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во. – 197 с.
- 218 Хорошун, К. Ю. Российская полиция и жандармерия в 60-90-х гг. XIX в / К. Ю. Хорошун // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2007. – № 2(46). – С. 141–144.
- 219 Христофоров, В. С. Контрразведка ВМФ СССР. 1941-1945/ В. С. Христофоров, А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов; [Ин-т российской истории Рос. акад. наук, Центральный арх. Федер. службы безопасности Рос. Федерации]. – Москва: Вече, сор. 2015. – 413 с.
- 220 Хутарев-Гарнишевский, В. Осиное гнездо провокации. Политический сыск в армии в преддверии Первой мировой / В. Хутарев-Гарнишевский // Родина. – 2010. – № 10. – С. 85–87.
- 221 Чижов, Ю. А. Проведение судебной реформы 1864 года в Архангельской губернии / Ю. А. Чижов // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 4. – С. 113–119.
- 222 Чистова, И. С. Дневник гвардейского офицера // Лермонтовский сборник. – Ленинград: Наука, 1985. – С. 152–180.
- 223 Чудакова, М. С. Жандармско-полицейские управления железных дорог и их роль в борьбе с оппозицией в конце XIX – начале XX в. (на примере Ярославской губернии) / М. С. Чудакова // Ярославский педагогический вестник. – 2011. – Т. 1, № 1. – С. 39–43.
- 224 Чукарев, А. Г. Тайная полиция России, 1825-1855 гг. / А. Г. Чукарев; Ассоц. Военная кн., О-во изучения истории отечественных спецслужб. – Москва ; Жуковский: Кучково поле, 2005. – 701 с.
- 225 Чурсина, М. В. Правовые основы совершенствования организационной структуры Отдельного корпуса жандармов / М. В. Чурсина // Современное право. – 2012. – № 6. – С. 155–159.
- 226 Шильдер, Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. Т. 1 / Н. К. Шильдер. – Санкт-Петербург: А. С. Суворин, 1903. – 902 с.
- 227 Шинджикашвили, Д. И. Сыскная полиция царской России в период империализма / Д. И. Шинджикашвили; М-во внутр. дел СССР. Ом. высш. школа милиции. – Омск : [б. и.], 1973. – 67 с.
- 228 Штейников, С. Н. Жандармы Российской империи / С. Н. Штейников // Вестник научной ассоциации студентов и

- аспирантов исторического факультета Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия: Stadia Historica Jenium. – 2020. – № 1(16). – С. 80-84.
- 229 Шуйский, П.А. Департамент полиции. 1880 г. – начало XX в. / П. А. Шуйский. – Харьков, 1930. – 150 с.
- 230 Шурупова, Е.Е. «Полиция лишена возможности иметь контроль». Дореволюционная политическая ссылка в Мезенском уезде в документах Архангельского губернского жандармского управления. 1880 г. / Е. Е. Шурупова // Исторический архив. – 2013. – № 4. – С. 181-190.
- 231 Щеголев, П. Е. Охранники, агенты, палачи / П. Е. Щеголев. – Москва: ТЕРРА-Кн. клуб, 2004. – 286 с.
- 232 Энциклопедия секретных служб России / [авт.-сост. А. И. Колпакиди]. – Москва: АСТ [и др.], 2003. – 800 с.
- 233 Эпштейн, Э. «Россия под надзором». Историк Григорий Бибииков о том, кем были жандармы III отделения / Э. Эпштейн // Газета.ru [сайт]. – Режим доступа: https://www.gazeta.ru/science/2016/07/15_a_9689825.shtml, (дата обращения: 03.11.2023).
- 234 Daly, J. W. Autocracy under Siege. Security Police and Opposition in Russia. 1866-1905 / J. W. Daly. – DeKalb: Northern Illinois univ. press, 1998. – 260 p.
- 235 Frame, M. Concepts of Policing during the Russian Revolution, 1917-18 // Europe-Asia Studies. – 2016. – 68, no.10. – P. 1654–1671.
- 236 McMeekin, S. The Russian Revolution: a New History / S. McMeekin. – New-York: Basic books, 2017. – 496 p.
- 237 Zuckerman, F. The Tsarist Secret Police in Russian Society. 1880 – 1917 / F. Zuckerman. – Ney York: Palgrave macmillan, 2003. – 277 p.

Диссертации и авторефераты

- 238 Алексеева, М. А. Новгородское губернское жандармское управление: 1867-1917 гг.: спец.: 07.00.02: автореф. дис. ... канд. ист. наук/ Алексеева Марина Анатольевна. – Великий Новгород, 2007. – 23 с.
- 239 Бакшт, Д. А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД (1880 – 1917 гг.): спец.: 07.00.02 : дис. ... канд. ист. наук / Бакшт Дмитрий Алексеевич; Кемер. гос. ун-т. – Красноярск, 2015. – 261 с.
- 240 Бойко, С. И. Казанское губернское жандармское управление в 1880–1917 гг.: организационные основы и деятельность в полиэтноконфессиональном регионе: спец.: 07.00.02 : автореф. дис. ...

- канд. ист. наук / Бойко Софья Ивановна; Чуваш. гос. ун-т им. И. Н. Ульянова. – Чебоксары, 2013. – 22 с.
- 241 Гончарова, Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867–1917 гг.): спец.: 12.00.01: дис. ... канд. юрид. наук / Гончарова Юлия Валерьевна. – Москва 2000.– 239 с.
- 242 Деревнина, Т.Г. III Отделение и его место в системе государственного строя абсолютной монархии в России (1826–1855): спец.: 07.00.00: автореф. дис. ... канд. ист. наук/ Деревнина Тамара Григорьевна. – Москва, 1973. – 22 с.
- 243 Дорохов, В.Г. Политический сыск в Томской губернии: 1881–февраль 1917 гг.: спец: 07.00.02: дис. ... канд. ист. наук / Дорохов Валерий Геннадьевич. – Кемерово, 2005. – 195 с.
- 244 Иванцов, М. Н. Отечественная историография политической полиции России XIX - начала XX вв.: спец: 07.00.09: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Иванцов Максим Николаевич; Моск. пед. гос. ун-т. – Москва, 2009. – 21 с.
- 245 Киреев, И.В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке: спец.: 07.00.02: дис. ... канд. ист. наук / Киреев И. В.– Москва, 1994. – 227 с.
- 246 Кононова, Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863–1864 годов: По материалам Архангельской губернии: спец.: 07.00.02: дис. ... канд. ист. наук. – Архангельск, 2004. – 338 с.
- 247 Кулешов, С.А. Военные формирования охранительной системы Российской империи в XIX в.: спец: 07.00.02: дис. ... канд. ист. наук / Кулешов Сергей Алексеевич. – Новосибирск, 2000. – 241 с.
- 248 Лавренова, А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество в 1880-1917 гг.: спец.: 07.00.02: дис. ... канд. ист. наук / Лавренова Анна Михайловна; Рос. гос. гуманитар. ун-т (РГГУ)]. Москва, 2018. – 303 с.
- 249 Лаврик, Т.М. Губернские жандармские управления Российской империи: организационно-правовой и региональный аспекты деятельности: спец.: 12.00.01: дис. ... канд. юрид. наук / Лаврик Татьяна Михайловна; Владимир. юрид. ин-т Федер. службы исполнения наказаний. – Тамбов, 2008. – 234 с.
- 250 Миролюбов, А.А. Политический сыск России в 1914-1917 гг.: спец.: 07.00.02: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Миролюбов Александр Александрович ; Моск. гос. ист.-архив. ин-т. – Москва, 1988. – 23 с.
- 251 Михайлов, Б.Г. Революционное движение и политическая ссылка на Европейском Севере России в 60-70-х годах XIX века: спец.: 07.00.02: дис. ... д-ра ист. наук / Михайлов Борис Георгиевич. – Саратов, 1984. – 420 с.
- 252 Овечкина, С.Ю. Женская политическая ссылка в Архангельской губернии: Вторая половина XIX – начало XX вв.: спец.: 07.00.02: дис.

- ... канд. ист. наук / Овечкина Светлана Юрьевна. – Архангельск, 2005. – 235 с.
- 253 Петруханов, Д.Б. Формирование и деятельность местных организаций политических партий в Архангельской губернии начала XX века: спец.: 07.00.02: дис. ... канд. ист. наук / Петруханов Дмитрий Борисович. – Архангельск, 2003. – 207 с.
- 254 Рощевская, Л.П. Политическая ссылка в Западной Сибири во второй половине XIX века: спец.: 07.00.02: дис. ... д-ра ист. наук / Рощевская Лариса Павловна. – Сыктывкар, 1986. – 509 с.
- 255 Сенина, Н. В. Отдельный Корпус жандармов в конце XIX – начале XX вв.: организация, кадры, деятельность: по материалам Тульской губернии: спец.: 07.00.02: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Сенина Наталия Викторовна; Тул. гос. пед. ун-т им. Л. Н. Толстого. – Тула, 2007. – 22 с.
- 256 Страхов, Л.В. Воронежское губернское жандармское управление: организация и деятельность: 1867–1917 гг.: спец.: 07.00.02: дис. ... канд. ист. наук / Страхов Леонид Витальевич; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2017. – 389 с.
- 257 Хутарев-Гарнишевский, В. В. Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции МВД: органы политического сыска накануне и в годы Первой мировой войны, 1913–1917 гг.: спец.: 07.00.02: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Хутарев-Гарнишевский Владимир Владимирович; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова]. – Москва, 2012. – 27 с.
- 258 Ярмыш, А.Н. Политическая полиция Российской империи, 1880–1904 гг.: спец.: 12.00.01: дис. ... канд. юрид. наук / Ярмыш Александр Назарович. – Ростов-на-Дону, 1978. – 226 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение А

Главы жандармских структур в Архангельской губернии, 1834-1917 гг.

Штаб-офицеры Корпуса жандармов, находящиеся в Архангельской губернии		
Период	Имя, звание (в должности)	Сведения
23.01-1.10. 1834	Бердяев, майор	На начало 1834 г. служил в Санкт-Петербурге.
		С октября 1834 по сентябрь 1835 гг. делами штаб-офицера заведовал капитан И.Н. Андреев.
10.09. 1835- 28.05.1837	Жадовский Николай Астафьевич (р. 1801), майор, 3 мая 1837 г. подполковник	Командир Ярославского внутреннего гарнизонного батальона в 1832-1834 гг. С 1835 г. в Корпусе жандармов, с назначением штаб-офицером в Архангельскую губернию.
		Штаб-офицер во Владимирской губернии с 28 мая 1837 г.
14.12.1837- 14.03.1841	Сорокин Семен Никифорович (р. 1792), подполковник	С 1837 г. в Корпусе жандармов, с назначением штаб-офицером в Архангельскую губернию.
		Штаб-офицер в Олонецкой губернии с 14 марта 1841 г. Полковник с 16 апреля 1841 г.

14.03.1841- 28.10.1843	Сетков Пантелеймон Никитич (р. 1798), полковник	С 1836 г. в Корпусе жандармов. Штаб-офицер в Олонецкой губернии в 1836-1841 гг. Генерал-майор с 1843 г.
28.10.1843- 12.08.1846	Ходнев Семен Иванович (1794-1850), подполковник, 7 апреля 1846 г. полковник	Дежурный штаб-офицер 5 округа Корпуса внутренней стражи в 1836-1842 гг. С 1843 г. в Корпусе жандармов с назначением штаб-офицером в Архангельскую губернию. Штаб-офицер в Тамбовской губернии с 12 августа 1846 г.
22.05.1847- 1.10.1851	Шульговский Владимир Николаевич (р. 1805), майор, 18 июля 1850 г. подполковник	С 1834 г. в Корпусе жандармов. Адъютант штаб-офицера Черниговской губернии 1846- 1847 гг. Штаб-офицер в Могилевской губернии с 1 октября 1851 г. Генерал-майор с 1866 г.
1.10. 1851- 1857	Соколов Александр Дмитриевич (1818-1879), майор, 6 мая 1852 г. подполковник	С 1846 г. в Корпусе жандармов. Штаб-офицер в Ковенской губернии в 1851 г. Генерал-майор с 1870 г.
14.06.1857- 1864	Горновский Павел Иванович (1821-1881), подполковник,	С 1854 г. в Корпусе жандармов Штаб-офицер в Пензенской губернии в 1854-1857 гг. Генерал-майор с 1870 г.

	17 апреля 1862 г. полковник	
6.03.1864- 6.06.1867	Лакс Антон Иванович (1825-1888), подполковник, 16 апреля 1867 г. полковник	С 1859 г. в Корпусе жандармов. Штаб-офицер в Ярославской губернии в 1862-1864 гг. Штаб-офицер в Тобольской губернии с 6 июня 1867 г. Генерал-майор с 1879 г. С августа 1867 г. делами штаб-офицера заведовал штабс-капитан К.Ф. Анисимов.
Начальники Архангельского губернского жандармского управления		
осень 1867- 16.04.1872	Заранек Антон Онуфриевич, (р. 1823) полковник	С 1858 г. в Корпусе жандармов. Штаб-офицер в Тобольской губернии в 1865-1867 гг. В апреле 1872 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры. До сентября 1872 г. должность начальника АГЖУ исполнял майор А.А. Башинский.
21.07.1872- 18.03.1873	Воронкевич Александр Анастасьевич, полковник	С 1867 г. в Корпусе жандармов. Начальник Плоцкого ГЖУ до марта 1872 г. В марте 1873 г. отчислен с должности и прикомандирован к штабу Корпуса. Генерал-майор с 1883 г.

		До августа 1873 г. должность начальника АГЖУ исполнял майор А.А. Башинский.
28.04.1873- 5.12.1874	Есипов Павел Александрович, подполковник	С 1864 г. в Корпусе жандармов. Начальник Новоалександровского уездного жанд. упр. до апреля 1873 г. И. д. начальника АГЖУ до весны 1875 г.
		Начальник Тверского ГЖУ в 1874-1880 гг. Полковник с 1878 г. Генерал-майор с 1885 г.
5.12.1874- 24.09.1885	Щетинин Александр Николаевич (1832-1913), полковник	С 1869 г. в Корпусе жандармов. Начальник Вятского ГЖУ в 1872-1874 гг.
		Начальник Смоленского ГЖУ 1885-1890 гг. Генерал-майор с 1890 г. Генерал-лейтенант с 1896 г.
5.11.1885- 22.03.1888	Крестинский Михаил Гаврилович (1838-1900), подполковник	С 1867 г. в Корпусе жандармов. Помощник нач. Бессарабского ГЖУ в 1878-1884 гг.
		Начальник Минского ГЖУ в 1888-1900 гг. Полковник с 6 мая 1888 г. Генерал-майор с 1900 г.

22.03.1888- 23.05.1892	Латухин Коронат Андреевич (1831-1916), подполковник, 6 мая 1888 г. полковник	С 1852 г. в Санкт-Петербургском жандармском дивизионе. Начальник Олонецкого ГЖУ в 1886-1887 гг. В 1893 г. уволен в отставку с производством в генерал- майоры.
23.05.1892- 20.06.1896	Коренев Владимир Дмитриевич (1832-1913), полковник	С 1869 г. в Корпусе жандармов. Начальник Шлиссельбургского жанд. упр. в 1890-1892 гг. В 1896 г. уволен в отставку с производством в генерал- майоры.
8.07.1896- 16.01.1898	Роменский Михаил Александрович (р. 1845), подполковник, 6 декабря 1896 г. полковник	С 1871 г. в Корпусе жандармов. Начальник Кишиневского отделения Киевского ЖПУ ж.д. в 1889-1896 гг. Начальник Сувалкского ГЖУ в 1899-1900 гг. Генерал-майор с 1902 г.
16.01.1898- 7.02.1900	Семенов Константин Егорович (1845-1903), полковник	С 1885 г. в Корпусе жандармов. Помощник нач. Казанского ГЖУ до 1898 г. Начальник Симбирского ГЖУ (1900-1903). Генерал-майор с 1903 г.
6.03.1900- 3.06.1905	Вейтбрехт Александр Александрович (р. 1848),	С 1877 г. в Корпусе жандармов. Начальник Рижского отделения Санкт-Петербурго–Варшавского

	ПОЛКОВНИК	ЖПУ ж.д. в 1887-1900 гг.
		В 1905 г. уволен в отставку с производством в генерал-майоры.
7.06.1905- 1.03.1908	Соболев Александр Федорович (р. 1854), полковник	С 1884 г. в Корпусе жандармов. Помощник нач. Московского ГЖУ в 1891-1905 гг.
		В резерве ОКЖ при Санкт-Петербургском ГЖУ с 1 марта 1908 г. Генерал-майор с 1913 г.
1.03.1908- 29.06.1915	Мочалов Николай Илларионович (1863- предп. 1918), полковник, 6 декабря 1912 г. генерал-майор	С 1887 г. в Корпусе жандармов. вр.и.д. начальника Санкт-Петербургского охранного отделения в 1901 г. Начальник Костромского ГЖУ в 1906-1908 гг.
		Начальник Пермского ГЖУ в 1915-1916 гг.
29.06.1915- 18.05.1916	Флоринский Евгений Павлович (1866-1920), полковник	С 1895 г. в Корпусе жандармов. Начальник Пермского ГЖУ в 1913-1915 гг.
		Делопроизводитель канцелярии Главначальствующего города Архангельска и района Белого моря с 28 мая 1916 г.
5.10.1916- 4.03.1917	Кормилев Александр Николаевич	С 1895 г. в Корпусе жандармов. Помощник нач. Могилевского

	(р. 1864), полковник	ГЖУ в 1913-1915 гг. И. д. начальника АГЖУ с августа 1916 г.
Начальники Архангельского отделения Московско-Архангельского ЖПУ железных дорог		
12.05.1895- 21.09.1897	Шпейер Николай Аполлонович (1867-1897), ротмистр	С 1891 г. в Корпусе жандармов. Начальник Пинского отд. Виленского ЖПУ в 1894-1895 гг. До июля 1897 г. как начальник Архангельского отделения Московского ЖПУ. До декабря 1897 г. должность начальника АО ЖПУ исполнял ротмистр В.Н. Деболи.
20.10.1897- 17.07.1898	Милевский Адам Осипович, (р. 1857), ротмистр	С 1895 г. в Корпусе жандармов. Начальник Аткарского отд. Тамбовского ЖПУ с 17 июля 1898 г.
17.07.1898- 31.03.1899	Тржецяк Владимир Валерианович (р. 1865), ротмистр	С 1896 г. в Корпусе жандармов. Адъютант Варшавского ЖПУ в 1896-1898 гг. Полковник с 12.09.1908. Начальник Вятского отд. Екатеринбургского ЖПУ в 1899- 1900 гг. И.д. начальника Московского охранного отделения в 1905 г.
6.12.1899- 22.08.1904	Тошаков Владимир Николаевич,	С 1896 г. в Корпусе жандармов. И. д. начальника АО ЖПУ с 31

	(1871-1904) ротмистр	марта 1899 г. Умер, находясь в должности. До июля 1905 г. должность начальника АО ЖПУ исполнял поручик М.Н. Кононов.
5.09-11.10.1905	Мрочкевич Александр Игнатьевич (р. 1861), подполковник	С 1890 г. в Корпусе жандармов. Начальник Александровского отд. Варшавского ЖПУ в 1898-1905 гг. Полковник с 12 апреля 1908 г.
4.11.1905-9.04.1907	Плец Сергей Георгиевич, (р. 1866) подполковник	С 1891 г. в Корпусе жандармов. Начальник Варшавского отд. Варшавского ЖПУ в 1900-1905 гг. Начальник Брянского отд. Московско-Киевского ЖПУ с 9 апреля 1907 г.
9.04.1907-24.02.1909	Веришко Николай Антонович, (р. 1867) ротмистр	С 1895 г. в Корпусе жандармов. Начальник Царицынского отд. Воронежского ЖПУ в 1906-1907 гг. Подполковник с 26 февраля 1910 г. Начальник Бирзуловского отд. Одесского ЖПУ с 24 февраля 1909 г.
24.02.1909-7.11.1914	Щербович-Вечор Евгений Ольгердович (1869-1925),	С 1895 г. в Корпусе жандармов. Начальник Осташковского отд. Санкт-Петербургского ЖПУ в

	ПОДПОЛКОВНИК	1907-1909 гг.
		Начальник Попаснянского отд. Екатерининского ЖПУ с 7 ноября 1914 г. Состоял в Добровольческой армии. Умер в эмиграции, в Белграде.
7.11.1914- 4.03.1917	Гибер фон Грейфенфельс Борис Николаевич (р. 1888), ротмистр	С 1910 г. в Корпусе жандармов. Помощник нач. Самарского отд. Самарского ЖПУ в 1912-1914 гг.

Источники: ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 4851, 4879, 4883, 4843а (35), 4893 (6), 4925 (5 об), 4961 (4 об), 4970 (7 об), 4975, 4986, 5047, 5062 (1), 5063 (5); Оп. 3. Д. 1 (10, 24 об, 37-38, 42, 47, 94) 2, 90; Оп. 4. Д. 1 (49 об), 2 (16 об), 4. ГАРФ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 725. Ф. 74. Оп. 1. Д. 6. Ф.109. Оп. 208. Д. 122 (3); Ф. 110. Оп. 2. Д. 944, 1072, 1914, 8400 (19), 8691, 10652. Оп. 17. Д. 11, 228, 239, Ф. 1169. Оп. 1. Д. 60, 68.

Адрес-календарь, Памятная книжка Архангельской губернии на ... год. – Архангельск: Архангельская губ. стат. ком., 1850–1916.

Генералитет российской императорской армии и флота [сайт]. – Режим доступа: <http://rusgeneral.ru/> (дата обращения: 02.11.2023).

Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов: 1884, 1886, 1887, 1888, 1889, 1890, 1891, 1892 гг. – Санкт-Петербург: Тип.-лит. Месника и Римана.

Офицеры русской императорской армии [сайт]. – Режим доступа: <https://www.ria1914.info/> (дата обращения: 02.11.2023).

Приказы по корпусу жандармов... [по годам]. – Санкт-Петербург, 1830, 1831, 1832, 1836, 1837, 1846, 1851, 1872, 1874, 1908.

Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов, исправлен ... [по датам и годам]. – Санкт-Петербург; Пг., 1909–1916.

**Адреса жандармских ведомств по данным
адрес-календарей Архангельской губернии**

Должность	Период	Адрес
Начальник АГЖУ	1904-1908	Соборная улица, дом №6 (дом Антуфьева)
	1909-1910	Воскресенская улица, дом №119 (дом Лунд)
	1911	Санкт-Петербургский проспект, дом №119
Помощник начальника АГЖУ	1904-1905	Средний проспект, дом №67
	1906-1907	Псковский проспект, дом Двойниковой
	1908-1910	Театральная улица, дом №16 (дом Глотова)
	1911	Санкт-Петербургский проспект, дом Мосеева
Начальник АО ЖПУ	1904	Троицкий проспект, дом Линдес
	1905	Троицкий проспект, дом Ананьина
	1908-1909	Петербургский проспект, дом Буркова
	1911	Поморская улица, дом Чеснокова

Губернские ведомства в системе политического сыска Российской империи (1880-1917 гг.)

Ссылные о политическом сыске в Архангельской губернии

Письмо П.П. Чубинского Е.А. Штакеншнейдер от 21 января 1866 г.

«Добрейшая Елена Андреевна!

Благодарю Вас от души за то теплое участие, которое Вы принимаете во мне, — теперь оно для меня тем более необходимо, что враги мои не покидают меня. Здешний жандармский полковник Лакс, с которым я был сперва хорош, но который озлобился на меня за то, что я не принял участия в его интриге против бывшего губернатора Гартинга, сделал на меня новый донос, о котором я узнал из достоверного источника. Ему попала в руки книга, в которой сделана карандашом глупая надпись о желании малороссов быть самобытными и непочтительное выражение о царствующем доме. Нечего и говорить, что эта надпись не могла быть написана мною. Я никогда не отличался подобными выходками. А еще менее мог написать это на книге публичной библиотеки. Но г. Лаксу это на руку. Он везде рассказывал, что меня сотрет с лица земли. Он всегда хвастался, что, несмотря на неоднократные ходатайства губернаторов о моем освобождении из-под надзора — это не удавалось, потому что он меня дурно аттестует.

Пользуясь случаем, он постарался выставить меня, как только можно с неблагоприятной стороны. Я бы ничего не желал, как только того, что бы губернатору было поручено произвести исследование. Я даже думаю, что надпись сделана кем-либо по наущению Лакса, для того, чтобы меня погубить. Похлопочите, Елена Андреевна, и попросите Якова Петровича, как-нибудь в том, что бы дело исследования на месте не решали в Петербурге. Ах, как бы я желал перейти в другую губернию, чтобы освободиться от Лакса. Если бы можно в Чернигов советником губернского правления, я бы был очень рад.

Надеясь на Вашу помощь в трудном моем положении, остаюсь глубоко преданный и уважающий Вас П. Чубинский»

П.А. Моисеенко о работе губернской полиции, конец 1887 г.

«Из-под ареста я вышел в октябре. Уже была зима. Только я вышел из-под ареста, из Архангельска приехали жандармский ротмистр и следователь. Зовут меня к исправнику. Прихожу, приглашают в кабинет. Вхожу, вижу: жандарм и следователь. Спрашивают:

- Вы Моисеенко?

- Да, я, что вам угодно?

- Именем закона мы должны сделать у вас обыск. Идемте к вам на квартиру.

Идем на квартиру. Начинается обыск – ничего не нашли. Составили протокол, отправились, а меня обещались позвать. После я удивился, как они не могли догадаться, рассматривая кусок сплавленного желатина (они сочили его за мыло). За картиной были спрятаны прокламации, но они искали только переписку. Перерыли все бумаги. Вечером зовут меня опять к исправнику. Иду. Начинается допрос. Первый вопрос: с кем я переписываюсь? Я говорю: «Со многими, с родными». – «Кто у вас есть родные во Владимире?» Я говорю: «Совершенно никого нет, ни родных, ни знакомых». Заставляют меня писать мелко и крупно - я пишу, будучи совершенно уверен, что там моих писем нет. Написали протокол, подписали, и делу конец. Больше никого из нас не трогали после».

Г.М. Фишер об Архангельской и Шенкурской ссылке, 1896-1898 гг.

«Мы собирались на общие собрания, как будто что-то делали. Это обстоятельство обратило, наконец, на себя внимание жандармов; ссыльные как будто что-то затевают, собираются, шепчутся, — нельзя ли сотворить

дело и заработать себе повышение? В одно прекрасное утро нагрянули к нам с обыском. Пока производили обыск у Васильева и Козловской, ко мне в комнату был поставлен полицейский. Я у него на глазах сжег одно письмо, он даже не пошевелинулся, и когда пришло начальство обыскивать, то он начальству ничего не сказал. Никто не был арестован. Когда я уже был в Архангельске, меня по этому делу вызывали на допрос. Обыск и другие некоторые обстоятельства послужили к тому, что хоть мир между частями колонии и не был заключен, но уже не смотрели друг на друга волками».

«...мы хоронили тов. Григорьева, разжалованного офицера-одессита. Прибыл он в Архангельск в последней стадии чахотки весной 1897 года и вскоре скончался. На его похоронах вышло нечто вроде демонстрации. Собравшиеся на кладбище после ухода попа запели «Вы жертвою пали»...

Но поп слышал пение и донес жандарму. Пошел слух, что жандармы хотят сострять дело. Собрались ссыльные и стали обсуждать, как себя держать. Одни говорили, что раз дело сделано, то нужно иметь мужество и признаться в этом, несмотря ни на какие обстоятельства; другая часть, к которой принадлежали все рабочие, в том числе и я, придерживалась того мнения, что, признав демонстративное пение на кладбище, мы тем самым даем лишний козырь в руки жандармов. В конечном счете жандармы этого дела не подымали».

А.К. Петров о рабочем движении и розыске, 1898-1904 гг.

«Первый кружок рабочих Шестакова — Фишера — Романова в продолжение 1898 года превратился в постоянно действующий коллектив на заводе Ульсена. Я завел связи на заводах Макарова, Амосова, Кыркалова, переходя с одного завода на другой и работая на каждом по два-три месяца. Благодаря тому, что подпольная работа велась искусно, умело и конспиративно, этот год всем работающим в подполье обошелся весьма

дешево. Еще ничего не зная реального, жандармы и губернатор ополчились на Романова и на некоторое время выслали его в один из уездов Архангельской губернии. Почему-то сделали обыск и у меня, несмотря на то что я уже жил на квартире не с Романовым, а с рабочим Н. Меркуловым; хотя ничего не нашли, но департамент полиции прибавил мне два года ссылки. Произвели обыск еще в нескольких местах, но крупного дела сострять не удалось».

«Вообще в это время было выпущено много прокламаций. В конце 1903 и начале 1904 года иногда так спешно приходилось выпускать их по требованию самих рабочих, что некогда было обсуждать в комитете и часто приходилось писать и выпускать единолично, представляя в комитет лишь гектографированные оттиски. Помню я, в январе 1904 года была большая безработица, и мне пришлось наскоро писать прокламацию к безработным. В это время как раз приезжала к ссыльной Е. А. Марковой ее сестра Л. А. Маркова, в то время большевичка, и вместе с нею я написал прокламацию к безработным, подписав ее «Сознательный рабочий» и пометив место выпуска «Маймакса», что делал и раньше неоднократно, чтобы одурачить жандармов, которые рыскали в поисках активистов. Конечно, все это делалось с согласия комитета».

М.В. Ильинский о губернских жандармах, 1903-1905 гг.

(в сокращении)

«Вечером, часам к 11, мы подъехали к земской станции Коскогорску, чтобы переменить лошадей и ехать дальше. Ее освещенные окна еще издали светились желтыми точками на сгустившемся мраке северной ночи.

- Жандармы сидят, чай пьют, – сказал ямщик, всматриваясь в окна, когда мы поравнялись со станционным зданием.

Предположения нашего ямщика действительно оправдались. В горнице, предназначавшейся для проезжих гостей, я застал двух жандармских унтер-офицеров. Они только что кончили чаепитие и собирались в дальнейший путь. Меня эта случайная встреча очень заинтересовала. Мне захотелось узнать, что представляла собою политическая полиция в глуши архангельских дебрей.

- Откуда едете? – полюбопытствовал узнать мой городской.

- Издалека, - отвечал старший жандарм, здоровенный, с красным обветрившим лицом детина. – Из Кемского уезда едем.

- По начальству что ли? – не унимался городской.

- Да, по начальству. В Архангельск вызывают, – неохотно, сквозь зубы, процедил унтер.

Его небольшие серые глаза с кошачьим выражением неприятно бегали во время разговора. Видно было, что совесть у этого человека далеко не из чистых. Да и непосредственная близость политического видимо стесняла его, и он боялся в чем-либо проговориться. За чаем, после нескольких взаимных вопросов, разговор все-таки завязался и вскоре коснулся службы.

- Служишь, служишь, - рассказывал словоохотливый городской, - а толку из того ни на грош. Да и интерес какой от службы, от этой, получаешь? Среди пьяниц да дебоширов почитай, что всю жизнь проводишь. Начальство требует, чтобы порядок везде был, а где от таких скандалистов порядку взять. Ведь коли бы они человеком себя вел, так с ним бы и по-человечески можно, а то стой на посту да гляди: не то он тебе, не то ты ему ребра переломаешь.

- Ваша то служба, господа жандармы, полегче, слышать, нашей? – вдруг обратился он к стоявшему у печи унтеру.

- Тоже всяко бывает, - переминаясь с ноги на ногу, сказал жандарм. – У каждого свои заботы: денег даром никому не дают. Натурально, что в уезде занятий немного, - прибавил он, как бы вспоминая вопрос городского.

- Скучаете, стало быть, - спросил я иронически унтера.

Мне хотелось вмешаться в их разговор. Жандарм искоса посмотрел на меня, но ни сказал ни слова.

- Что ж, коли дела захотелось, - продолжал я, - поезжайте в Россию: там вашему брату нонче дела по горло.

Жандарм снова взглянул на меня, но на этот раз уже дерзко, вызывающе.

- А коли б не шумели, не устраивали беспорядков понапрасну, дело бы лучше было: и вы бы сюда не ездили, и нам бы покойнее было, - злобно огрызнулся он.

Я рассмеялся. Надо же было утешить вдруг расходившегося унтера.

- Подождите, сказал я, - вот завоюем себе политическую свободу, тогда и вам и нам спокойнее станет.

- Долго ждать... Роса очи выест... - так же гневно бросил он, бегая злыми глазами по стене и стуча пальцами о печку. – Не скоро то вам дадут эту свободу. Еще попотеете.

- Что ж, этого мы не боимся, - спокойно заметил я. – Попотеть над работой, да еще стоящей, давай Бог всякому. А свобода от нас не уйдет. Свободы мы добьемся, хоть это и очень неприятно вам, господа жандармы.

- А что нам неприятного-то в том? – заговорил другой, молодой, белобрысый, с едва пробивавшимися усами унтер, - и нам оно на руку. С вашим братом тогда возни поубавится. Сейчас от вас жизнь ни в жизнь стала. Шлют их сюда чуть не сотнями, - думают, ну теперь – крышка, теперь – каюк, а вместо того, глядишь, он и здесь революцию распустил, прокламации по селам разбросал, учителей, мужиков каких с толку сбил... А ты бегай за ним, ищи, опрашивай...

- Ах, чтоб те пусто было! – заключил он неожиданно свою тираду и ушел в смежную комнату, собирать вещи в дорогу.

Старший по-прежнему стоял, привалившись к печи, и все лицо его, как и прежде, выдавало досаду и внутреннее волнение. Городовой с большим интересом слушал наш разговор. Он забыл даже про чай, стоявший на

блюдечке, и, сидя у стола, внимательно наблюдал за нами. К сожалению, беседа с жандармами на этом оборвалась. У крыльца зазвенел ямщицкий колокольчик, и оба унтера, натянув на себя огромные бараньи тулупы с жандармскими нашивками на рукавах, вышли на улицу».

«Жандармерия, догадываясь, что архангельские революционные организации питает отчасти ссылка, не знала покоя. Непрерывные набеги в уезды, аресты, заключения в тюрьмы не прекращались. Обыски в самом Архангельске на квартирах политических и обывателей говорили нам, что полиция серьезно намерена была бороться со ссыльной крамолой. Летом жандармские выезды много терпели в своей конспиративности; негаснущий свет полярной ночи всякий раз позволял нам еще издали наблюдать маневрирования синей «эскадры». Об этом с быстротой молнии узнавала вся колония и готовилась встретить дорогих гостей.

Дикость этих набегов не знала границ. Приехав однажды на квартиру к политическому А.А. Поддубному и не застав в ней никого, жандармы выломали окно, проникли через него в комнату и учинили настоящий погром в квартире...

В ту же ночь и в тот же час второй крейсерский отряд неусыпно бдившей жандармерии вломился на квартиру политического Экка. Последний потребовал предписания от прокурорского надзора. Ему заявили, что «мы и без предписаний обыски умеем делать». Протесты не помогли, и тогда Экку ничего больше не оставалось делать, как оставить квартиру, чтобы не присутствовать на обыске. Но при выходе из комнаты его схватили, силой усадили на стул, приставили по бокам двух дюжих унтеров и таким образом, в присутствии хозяина квартиры, до конца довели обыск. Уже сидя на стуле, Экк пытался громким криком о помощи созвать народ с улицы, чтобы расстроить конспиративность обыска, но была поздняя ночь, и обыватели спали крепким сном».

«Жандармская власть приезжала для ревизии шенкурской колонии обыкновенно в период навигации; проехаться в южный уезд Архангельской губернии на дачные места в летнюю пору для летучих отрядов архангельской жандармерии представляло своего рода *partie de plaisir*; к тому же она была сопряжена с расчетом выручить за поездку рублей 60 прогонных. Расчет – дело простое; он объяснялся одним из тех потаканий, которые охотно допускаются во взаимных отношениях начальствующих лиц. В нашем случае жандармский полковник Петровский не отказывался во время своих разъездов в летнее время от выдачи обычных казенных подорожных».

А.А. Дивильковский об «агентурном» казусе (лето 1904 года)

«Вдруг, глядя в окно на улицу и во двор, Луковна с дочкой приметили какую-то человеческую фигуру, бродящую под окнами. Человек ночью – редкость в этих переулках.

Они сперва подумали – вор. Но человек ничего не ломал и даже не прятался, только похаживал и поглядывал на окна. Луковна не решилась тревожить Любомудрова, который к тому времени уже уснул; она сама вышла на крыльцо и спросила «проходящего»:

- Что вам, добрый человек, здесь надобно?

- Здесь живет Прокофьев?

- Прокофьев?.. – Луковна прикрыла рукой глаза от полуночной зари, мешавшей рассмотреть говорящего, и остро-остро на него прищурилась. - Прокофьев, может и здесь живет, да только что же ты, отец мой (незнакомцу было на вид не более двадцати лет), среди ночи к людям добиваешься?

«Проходящий» смутился, покраснел и попросился все же войти к Прокофьеву. «Не стану я для вас человека подымать. Уходи с Богом, завтра придешь!» – и захлопнула дверь.

Ночной гость не уходил. Сперва продолжал бродить кругом дома, потом сел на березовый пенек во дворе и все поглядывал на дом, понуро, но

упорно. Луковна заметила – когда он ходил, он шатался. «Пьяный», - чуть слышно шепнула она дочке.

Наконец, Луковна и Аня не в силах были больше терпеть волнения. Они разбудили Любомудрова и шепотом сообщили ему новость. Все трое пошли затем, крадучись в большую комнату, откуда лучше всего было видно. «Он» сидел на пенечке, ярко выделяясь в холодном сиянии ночи. Роса блестела на нем, как и на траве и на березах. Любомудров с одного взгляда решил:

- Шпик!..

И вдруг, нарушая всякую «конспирацию», закричал:

- Изобью в дребезги мерзавца! – и бросился открывать окно...

Женщины насилу его оттащили. Он все продолжал кипятиться и кидаться то в дверь, то в окно... «Шпик», по-видимому, ни о чем не догадывался и сидел все так же неподвижно. Под утро он ушел.

Поутру снова позвонил околоточный. Луковна, едва только уснувшая, как была ночью, в чулках, выскочила на крыльцо и с места взялась бранить «чина». «Очень уж у меня накопел», - говорила она потом.

- Что же вы, каланчовые жители, добрым людям спать не даете? Ты говори, зачем прислал тут ночью своего соглядателя высматривать, что у меня, благородной вдовы делается? У меня дочка на возрасте, а вы меня срамите! Да что ты, любезный думаешь – я на тебя управы не сыщу?..

Околоточный оказался не из твердых. Атака энергичной вдовы сшибла его с позиции. Он пытался было «рапортовать» ей: - «Да, мадам, да успокойтесь же, да поверьте, да я ничуть...» И, наконец, с внезапным порывом досады воскликнул:

- А, понимаю, это жандармов штуки! Всегда они вперед забегают, где их не просят... – И скрылся – на этот раз окончательно.

Как выяснилось впоследствии, полиция, действительно, заподозрила уже побег, но не подсылала никакого «шпики». Узнав же о последнем, сейчас же решила, что жандармы тоже пронюхали дело и хотят предупредить ее в

раскрытии. Из этого, как водится, возник конфликт двух ведомств. В то же время, боясь нагоняя свыше, полиция стала сама стараться о сокрытии побега до поры до времени.

Новое утро настало. Только что Луковна с постояльцем отпили кофе, вдруг – звонок, резкий и раскатистый. «Так у меня сердце и покатилося» – говорила потом Луковна. Она поспешила открыть: жандармы!.. Рослый унтер и старый, седобородый вахмистр. Оба подтянутые, как на смотр, в белых перчатках, шпоры бренчат. Но голоса... голоса самые почтительные, даже до нежности.

- Сударыня! Извините! – говорит седой вахмистр. – Кажется, случилось недоразумение (по-видимому, начальник сделал ему несколько репетиций перед походом).

- «В чем дело-то, голубчик, в чем дело?» А у самой-то (говорила Луковна) на уме: ну, что угодно, а потащат теперь к Иисусу за этого Прокофьева. Но оказалось – Прокофьев тут уже не играет никакой роли; дело приняло прихотливо-путаное направление.

- Сударыня! Нам из участка сообщили, будто кто-то из наших агентов вас прошлую ночью обеспокоили-с. И как народ это, довольно верно-с, беспокойный и которые пьющие-с, то г. подполковник просят вас извинить и именно указать, который... То есть, для принятия необходимых мер (жандарм повел кулаком в перчатке справа налево).

Любомудров, присутствующий при объяснении, говорил, что уморительнее сцены он никогда не видывал. Луковна вытаращила свои темные, острые глаза и сперва, как видно, ничего не разумела. Но во время речи вахмистра быстро освоилась с положением и отвечала:

- Как же, как же, мой милый, я его всего разглядела. Рыжий, бледный лицом, в грязи весь, шапка и пальто рваные. А сам пьяный, шарахается, как бы от ветру.

Вахмистр попросил позволения выйти за дверь, и слышно было, как он там совещается с товарищем: «Не Мишка ли? - Нет. - Не Петухов ли? - Нет. -

Ну, брат, не иначе это, как от департаменту прислан...» Через минуту они снова вошли в комнату.

- Так что, сударыня, это не из наших. Должно быть, петербургский, от департаменту (полиции). Господин подполковник справятся... Прощения просим, сударыня! – и брякнув в раз шпорами, оба жандарма откланялись. «Просто наказание божемкое с этими департаментскими» - слышно было роптанье вахмистра в передней и сенцах.

Долго Луковна с Любомудровам надрывались от хохота по их уходу. Вся эта путаница им теперь ясно говорила, что начальство было совершенно ни при чем в ночных передрыгах и что, значит, загадочный гость был совсем другая птица...

Но между ведомствами пошла расти и ветвиться сугубая кутерьма недоразумений. Жандармы, в свою очередь, вообразили, что департамент хочет тайком контролировать бдительность надзора в Архангельске – вмешивается в прерогативы корпуса жандармов! Вот и подсылает своих «агентов» (что агент оказывается рван и пьян – это ничего не значит: переодевание и хитрость). Поэтому жандармы пожаловались в свой округ, заверяя доподлинно, что у них все благополучно. Округ немедля обрушился на департамент, тот сейчас же «отпел» жандармам, а сам – за справками к архангельскому губернатору, губернатор – к полиции...

Словом, бумажная машина завертелась лихорадочно, пока не дала, наконец неотразимый итог: =0».

Ю.Н. Лавринович об обысках и перлюстрации

«...корреспонденция ссыльных всегда подвергается тайной перлюстрации и весьма часто перехватывается; в почтовой конторе всегда можно встретить жандарма, трущегося в отделении, где разбирается почта, и только придумывание конспиративных адресов могло избавить нас от перехватывания наших писем. Эта перлюстрация делается так грубо, с таким

отсутствием всякого стеснения, что на письмах часто можно заметить явные следы жандармского любопытства. Большая часть обысков производилась жандармами на основании вычитанных таким образом в наших письмах сведений».

«...появление прокламаций, выпущенных в столь удачный момент, поставило на ноги всю жандармерию и полицию. Начались самые жестокие и бессмысленные обыски. Жандармы целыми толпами во всякое время дня и ночи врываются в квартиры наиболее излюбленных для таких случаев ссыльных, и в неудержимом стремлении отличиться отысканием хоть какого-нибудь намека на участие намеченной жертвы в издании прокламаций, производили разгром, напоминавший разбойничье нападение. Но ни один из набегов не увенчался успехом, и власти в бессильной злобе мстили колонии совершенно произвольной высылкой многих ее членов в уезды».

В.Н. Трапезников о ссыльных и жандармах в 1904 г.

«Словом, в отношениях администрации к ссыльным царил полный произвол, и, чувствуя его постоянный гнет, ссыльные в отношениях к администрации проявляли безудержную «дерзость». Дерзкие письма, дерзкие выражения были постоянным приемом борьбы несправедливого человека. Идет жандарм – ссыльный спешит сказать: «вот идет местная собака», и отправляется в глухое Долгощелье. Идет жандарм, и ссыльный замахивается на него, за что едет из Шенкурска в Александровск. В другом случае он ругает его «дрянью», в третьем говорит «дай этому прохвосту в морду» и вновь едет и едет на новые места «водворения».

Из воспоминаний Д. Розова о ссылке в Пинеге

«В сентябре 1904 г. ожидался приезд из Архангельска жандарма – подполковника для расследования дела о прокламациях. Однажды я встретился со старухой, донесшей на меня, и сказал: «если ты, бабка, на меня еще скажешь, то я тебе не прощу. Если мне не удастся, - мои товарищи тебя убьют». Когда подполковник приехал с товарищем прокурора, старуху вызвали первой. Она не указала на меня, как потом мне передавал один из полицейских. Жандарм топал на нее ногами, но очевидно – смерть ее более пугала, чем крик жандарма. Когда меня допрашивали, я, конечно, отрекся от прокламации и вышел чистым».

Жандармский надзор в Онеге, 1906 г.

«Исправник Донейко относился к ссыльным очень хорошо, помогал нуждающимся из личных средств, и даже побегі устраивались с его ведома. Мало того, этот, кажется, единственный в то время сочувствующий революционерам исправник, хранил даже у себя на квартире нелегальную литературу и печать местного комитета. За это онежский жандарм Печнин послал на исправника донос, в котором расписал все, что знал, и даже нелепости вроде того, что все ссыльные вооружены, что у них есть скорострельное орудие и имеются два завода, на которых делается оружие, и тому подобное.

Результатом этого доноса было появление в Онеге вице-губернатора Григорьева с ротой солдат, 40 стражниками и 2 верховыми казаками. По указанию жандарма Печнина было арестовано около 10 человек ссыльных, но после допроса выяснилась их полная невиновность, и они были освобождены. Вице-губернатор уехал «усмирять» Кемь».

Чины АГЖУ и ссылка в Шенкурске

«Жандармерия делала налеты на шенкурских ссыльных исключительно летом, чтобы можно было ездой на пароходе сэкономить прогонные деньги и положить их к себе в карман. Дел создавалось множество из-за всякого пустяка, и на свои прогонные и суточные расходы жандармы не жалели денег, но при всем их желании создать какое-нибудь солидное дело – это им не удавалось. Обычно архангельские товарищи предупреждали уездных о готовящемся налете «синих мундиров» и колония своевременно «чистилась и приводила себя в порядок», то есть прятала нелегальную литературу, гектографы и тому подобное».

Источники: 1905 год. Революционное движение в Архангельской губернии. Очерки и воспоминания. Сборник истпарта №2. Архангельск, 1925. С. 102, 113, 117. Дивильковский А.А. Архангелогородское сидение // Вестник Европы. 1911. Книга 9. С. 256-258. Дойков Ю.В. П. П. Чубинский. Предтеча украинской свободы (1839–1884). Архангельск, 2007. С. 116-117. Ильинский М.В. Архангельская ссылка. СПб., 1908. С. 18-22, 89-90, 187-188. Лавринович Ю. Н. В архангельской ссылке // Былое. 1907. № 4. С. 266-267, 278. Моисеенко П.А. Воспоминания старого революционера. М., 1966. С. 129. Петров А.К. Рабочий-большевик в подполье. М., 1969. С. 73-74, 77. Трапезников В.Н. Политическая ссылка во время первой русской революции (1904 – 1905 гг.) // Каторга и ссылка. 1928. № 12 (49). С. 122. Фишер Г.М. Подполье. Ссылка. Эмиграция. Воспоминания большевика. М., 1935. С. 104-105, 113.

**Рапорт подполковника И.Д. Петровского полковнику А.Ф. Соболеву
№638 от 21 октября 1905 г.**

18 числа текущего октября в Архангельске с раннего утра была замечена особенная суетливая и спешная беготня политических ссыльных по улицам. В девятом часу утра на углу Троицкого проспекта и Финляндской улицы была сгруппирована небольшая толпа из учеников технического и мореходного училищ и гимназистов, которая, с красными флагами и революционными песнями, направилась в губернскую типографию, требуя возможно большего числа отпечатанной телеграммы Высочайшего манифеста от 17 октября и затем прекращения работы.

Выйдя из типографии на улицу, толпа подошла к мужской и женской гимназиям, требуя прекращения занятий. Небольшая группа этой толпы человек в 20 около девяти часов утра ворвалась в интернат женской гимназии, где требовала от классной дамы и начальницы гимназии отпустить интернаток к их толпе.

Другая группа направилась в здание гимназии с тем же требованием, и в обоих случаях были встречены энергичным отпором со стороны начальницы гимназии, которая чуть ли не силой не впустила их идти с призывом. Ей много было сказано резкого, грубого и дерзкого, но все-таки она своим влиянием сделала то, что очень немногие гимназистки ушли за демонстрантами, а именно Николаевская, Коровина, сестры Зорич, Мария Попова, Попова-Введенская, Симановская, Екатерина Сметанина. Из учительского персонала участвовали в демонстрации: учителя Гейне и Самойлович, учительницы Гриффин, Прядильщикова и Белкина, и две сестры - классные дамы Игнатьевы, причем учителя сняли с фуражек кокарды. Такая же демонстративная толпа вошла в мужскую гимназию, потребовала к себе директора, к которому нагло и дерзко подходили

гимназисты, протягивая руку, поздравляя со свободой. У многих были папиросы в зубах.

На крыльце булочной Недошивина кто-то произнес речь, содержание которой неизвестно. Толпа двинулась по Троицкому проспекту. Идя с красными флагами и революционными песнями, она остановилась перед домом вице-губернатора, вызывая к себе, но он к демонстрантам не вышел. Повернув по Буяновой улице на рынок, толпа по Театральной улице вернулась на Троицкий проспект. Здесь, на углу, с крыльца кухмистерской, бывший политический ссыльный Переверзев произнес речь о наступившей свободе слова, собраний и союзов, предложил почтить память павших борцов за свободу пением им вечной памяти, затем предложил освободить угнетенных, забитых и не развитых семинаристов.

Идя отсюда, толпа остановилась перед женским епархиальным училищем, требуя прекращения занятий и присоединиться. Епархиалки были очень испуганы, подняли плач и крик, и никто не вышел. Затем толпа шла в духовное училище и духовную семинарию с теми же требованиями. Из училища никто не присоединился, а из семинарии всего лишь несколько человек.

При обратном следовании, продолжая петь революционные песни, от толпы отделилось человек 50, которые зашли на канатный завод Пахомова, требуя прекращения работ и приглашая рабочих присоединиться. Хозяин завода дал свисток кончить работы, но никто из рабочих не пошел за толпой.

Идя по Троицкому проспекту, толпа ломала древки национальных флагов и отрывала от них белые и синие полосы, оставляя один красный. Таким образом были изломаны и изорваны флаги: у международного банка, у дома губернатора, на памятнике Ломоносова и у полицейского управления. Здесь, у памятника было предложено несколькими голосами собраться к семи часам вечера на митинг в здание городской думы.

На митинге собралась такая масса народа, что главный зал, соседние комнаты, лестница и швейцарская были битком забиты людьми. Из толпы

собравшихся слышались голоса, призывающие Переверзева говорить. Его не оказалось, вместо него начал говорить состоящий под надзором полиции Гольдштейн, который произнес приблизительно следующее: вчерашний манифест ничего народу не даровал, это только обман со стороны правительства. Гольдштейн требовал от присутствующих клятвы восстать против этого манифеста, со всех сторон слышались одобрения. Затем Гольдштейн объяснял, что это не та свобода, которой добивался народ, нужна свобода другая, но какая именно, Гольдштейн так и не объяснил. Он призывал отомстить за всю пролитую кровь борцов за свободу.

В это время слышались голоса из толпы: «долой портреты». Были и протесты, но все-таки портреты Императоров Николая II и Александра III были сорваны и брошены на пол. Из толпы нашлись сторонники порядка, которые подняли портреты и повесили, как могли, на места. Затем портреты вновь были сорваны неизвестно кем, брошены на пол и топтаны ногами, и вновь подняты на места.

Присяжный поверенный при Архангельском окружном суде Тартаковский несколько восстановил порядок и произнес приблизительно следующее: не стоит нам биться из-за таких пустяков, как эти висящие куклы на стенах. Пусть они висят, если некоторые этого желают, пусть они висят так, как висели бы простые листы бумаги. Тартаковский просил вновь выслушать «обожаемого профессора Гольдштейна», но его уже не было, и стал говорить кто-то, чья фамилия точно не установлена. Он говорил, что рабочие должны соединиться в одно целое и только при таком единении добиться своего, давно желанного, за которое пролито уже много крови. Соединившимся уже не помешают ни полиция, ни какие Романовы. Далее оратор говорил, что рабочие всецело должны восстать против капиталистов, что рабочим они непримиримые враги. Фабрики, заводы, машины и станки должны сделаться собственностью рабочих.

После опять говорил Тартаковский. Он очень сожалел о произошедших кровопролитиях в прочих городах, и сколько хватало сил, старался эту

жалость со злобой передать присутствующим. Он призывал к пожертвованиям в пользу пострадавших в борьбе за свободу. На этот призыв отклика не последовало ни с чьей стороны, слышались протесты и призывы сойти с ораторского места.

Из публики слышались голоса, что народ не потерял связи с Царем, на что оратор-еврей кричал, указывая на портрет императора Николая II, что с этой личностью у народа никогда никакой связи не было, нет, и не будет. На это слышались крики «врешь, врешь», и оратора столкнули со стола. После этого намеревались поколотить евреев, но они успели скрыться. В присутствующих возгорелась ненависть к евреям. Группа евреев была главными виновниками срывания портретов, хотя в это же время не представляется пока никакой возможности установить этих лиц.

Во время окончания митинга в зале думы с крыльца спустились: Переверзев, поднадзорный Айзенштадт, и несколько поднадзорных, которые приглашали стоящую у Думы толпу идти на митинг в Коммерческое собрание. Запев революционные песни, толпа во главе с политическими ссыльными двинулась вперед и наполнила сплошь концертный зал Коммерческого собрания, где на подмостках сцены появился Переверзев и начал говорить: «в моих руках телеграмма, в которой царь извещает, что даровал нам столь ожидаемую свободу. Не верьте ему, он врет, он обманщик, не он нам дал свободу, а мы сами ее потребовали, заплатив за это кровью, костями, страданиями своими и наших братьев. Будем отстаивать то, что нам так дорого стоит».

После Переверзева говорил Гольдштейн то же самое, что и в зале Думы. После него говорила какая-то еврейка, чья фамилия пока точно не установлена. Она вела речь о непримиримой вражде рабочих с фабрикантами, советуя отнять заводы и фабрики в собственность рабочих.

В этот же вечер по городу ходила толпа человек в сто разного сброда с красным флагом, пением революционных песен и криком «ура», нагоняя страх на обывателей. Толпа обходила лавки, портерные и булочные, требуя

их закрытия, а у винной лавки стала требовать ее отпереть, но не добилась этого и ушла.

Такая же, но меньшая толпа ворвалась в городской театр, где шел спектакль, требовала от оркестра играть Марсельезу, повергла в панику актеров, доведя актрис до слез и истерики. Толпа забралась в ложи бенуара, и оттуда производила шум и бесчинство. Увещевания антрепренера не успокоили буянов, тогда был поднят задний занавес сцены, и из пожарного рукава направлена струя воды на буйствующих, которые только таким путем и были удалены из театра. Спектакль уже не продолжался и был прекращен на половине.

На другой день, 19 октября, утром часов в десять, на дворе приказчицкого клуба стала собираться партия патриотическая, состоящая из приказчиков, торговцев, рабочих, мещан и прочих. Она, взяв из клуба портрет Государя императора, с трехцветными национальными флагами, при пении «Спаси Господи, люди твоя» и «Боже, Царя храни», без шапок, пошла по городу.

Утром же, в девять часов, 19 октября, около Успенской улицы стала вновь собираться толпа с красными флагами, состоящая преимущественно из учащейся молодежи: мореходов, техников, гимназистов и гимназисток, которая и направилась к Гагаринскому скверу и городскому училищу, где к ним примкнули ученики, руководимые учителем Прядильщиковым, который раздал красные бантики и флаги.

Следуя к соборной пристани с целью остановить там работы, толпа эта встретила с толпой националистов, несшей портрет Государя и трехцветные национальные флаги, причем произошла драка, в которой были разогнаны и побиты учащиеся.

Собравшись вновь под руководством политических ссыльных и Переверзева, толпа с красными флагами и революционными песнями направилась в Соломбалу, где на рыночной площади, взобравшись на ларь, Переверзев обратился к рабочим и народу с такой речью: «братцы,

присоединяйтесь все к нашей партии, теперь даны нам всем равенство и свобода. Довольно пить нашу кровь купцам. Все их богатство разделим между всеми поровну, будем все жить одинаково».

Вслед за этим толпа повернула обратно в город, причем у городской больницы и общины красного креста встретила с национальной толпой. Каждая из партий предъявляла свои требования: одна требовала бросить красные флаги, а другая – портреты Государя. Вышедшие вперед по одному от каждой толпы переговаривались. Кто – неизвестно, ударил один другого, и после чего со стороны толпы красных флагов начали стрелять. У национальной толпы не было оружия, а потому толпа эта стала ломать оградки и заборы, и с обломками в руках вступила в драку, во время которой было с обеих сторон избитых и раненых около 17 человек, из которых двое: политический ссыльный Гольдштейн и бывшая учительница Покотило, умерли в городской больнице.

Толпа националистов с портретом Царя не имела намерения вступать в драку, а тем более ранить и убивать участников другой толпы, это подтверждается тем, что у них решительно ни у кого не было ни какого оружия и даже палок. Враждебные настроения национальной толпы создались на почве обиды и оскорблений за поругания над портретами Императоров Николая II и Александра III, за произнесение возмутительных подстрекательных речей и за истребление национальных флагов на домах.

Нельзя не обратить внимание еще и на то, что 18 октября во время следования толпы демонстрантов, несших красные флаги и певших революционные песни, в большей своей части толпа эта состояла из учащих подростков и детей архангельских учебных заведений, с политическими ссыльными во главе. Тут же рядом с толпой шли председатель окружного суда Пресняков, его брат акцизный чиновник, а трое сыновей председателя суда участвовали в самой толпе. Затем шел управляющий казенной палаты Ушаков, мировые судьи Лебедев и Коровин,

нотариус Рупинский, член архангельской таможни Д' Альфонс, чиновник особых поручений архангельского губернатора Жильцов.

По адресу жандармов из толпы посылались угрозы «пустить пулю или камень в голову», «долой жандармов и полицию», «прочь шпионов».

Об изложенном доношу, подполковник Петровский.

Источник: ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 41. Л. 76-81.

Увеличение количества пунктов дислоцирования чинов АГЖУ в XX в.

Расписание о размещении чинов АГЖУ, «нет даты» апреля 1904 г.

положено по штату	где размещены	офицеров	вахмистров	унтер-офицеров
начальник Управления – 1 адъютант – 1 писари – 2	в Архангельске			
чинов дополнительно го штата: помощник – 1 вахмистров – 3 унтер- офицеров – 23	при Управлении, из них: в Архангельске		2	17
	в Пинеге		2	4
	в Мезени			2
	в Онеге			2
	в Кеми			3
	в Холмогорах			2
	в Шенкурске			2

	<p>Обязанности чинов Управления распространяются на Печорский и Александровский уезды. Из числа 19 нижних чинов, состоящих при Управлении, ежегодно командировается на период навигации:</p> <p>в дер. Сёмжу Мезенского уезда из Мезени 1 унтер-офицер, в посад Суму Кемского уезда из Кеми 1 унтер-офицер (предписание Штаба ОКЖ от 6 марта 1884 за №1212) и на пристань «Березник» Шенкурского уезда (по распоряжению начальника Управления)</p>			
	<p>в г. Архангельске и Архангельском уезде: квартира помощника начальника Управления в г. Архангельске</p>	1	1	6

Источник: ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5283. Л. 36-36 об.

Состав и распределение чинов АГЖУ, август 1914 г.

Состав	Распределение дополнительного штата (пункт/чинов)
<p>Начальник Управления – 1 Адъютант – 1 Писари – 2</p> <p>Чины дополнительного штата: Помощник – 1 Вахмистры – 3 Унтер-офицеры – 27 (из них высшего оклада – 6, среднего – 7, низшего – 14).</p> <p>Всего 35 должностей (33 строевых, по факту 32)</p>	<p>Архангельск – 14, в том числе: в Маймаксе на заводе «Экономия» - 1 в Маймаксе на заводе Вальнева – 1 посад Ненокса – 1</p> <p>Мезень – 1 Пинега – 1 Холмогоры – 1 Александровск – 1 Шенкурск – 1 Онега – 1 Кемь – 1</p> <p>посад Сума Кемского уезда – 1 село Усть-Цильма Печорского уезда – 1 село Ижма Печорского уезда – 1 село Тельвисочное Печорского уезда – 1 село Карпогорское Пинежского уезда – 1 село Пикинское Шенкурского уезда – 1 село Семеновское Шенкурского уезда – 1 село Умба Александровского уезда – 1</p>

Источник: ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 5448. Л. 70-71 (по материалам)